

М. М. Смольянинов

МОРАЛЬНО-БОЕВОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА в 1917 году

Аннотация

В монографии рассказывается о проблемах российской армии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). На большом фактическом, в основном архивном материале показано, как военнотехническая и экономическая отсталость царской России и поражения на Западном фронте повлияли на морально-боевое состояние российских войск. Говорится и о других причинах, вызвавших недовольство в войсках внешней и внутренней политикой самодержавия, а затем и Временного правительства. Повествуется о морально-политическом подъеме среди солдат и демократически настроенных офицеров в результате победы Октябрьской революции и начала осуществления первых революционных преобразований (провозглашение декретов о мире и земле, заключение перемирия и прекращение военных действий). Показан процесс реорганизации старой армии путем полной демократизации командного состава и постепенной ее демобилизации.

Книга рассчитана на научных работников – историков, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется историей.

Михаил Митрофанович Смольянинов Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси П. Т. Петриков,
доктор исторических наук Э. М. Савицкий,
доктор исторических наук В. Е. Козляков

Введение

Проблема состояния русской армии в годы Первой мировой войны имеет богатую историографию. Историки и публицисты проявляли большой интерес к этой теме после 1917 г. Об армии подготовлены и изданы специальные монографические труды, мемуарные произведения и документальные сборники, написаны диссертационные работы, опубликованы параграфы и разделы в многочисленных изданиях по истории Октябрьской революции.

Отношение авторов изданий и публикаций к происходившим в русской армии в указанный период событиям и процессам, их взгляд на них и оценка не однозначны.

Буржуазные историки и публицисты, генералы, другие очевидцы и участники событий тех лет, оценивая происходившие в русской армии процессы с государственной точки зрения, с точки зрения воинских уставов и законов, квалифицировали их как разложение русской армии, противодействовали их развитию¹. Историки и публицисты – представители партий революционной демократии (большевики, эсеры и меньшевики), подходя к этим процессам с классовых позиций, видели в них революционные аспекты, способствовали их развитию с целью разрушения старой армии, как оплота изжившего себя самодержавного строя. Советские

¹ См.: Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991; Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991; Данилов Ю. Н. На пути к крушению (Очерки из последнего периода русской монархии). М., 1992.

историки рассматривали происходившие в царской армии события и процессы только через призму революционного движения, борьбы большевиков за привлечение солдатских масс на сторону революции. Нередко в угоду политической конъюнктуры эта деятельность большевиков в значительной мере преувеличивалась.

Советскую историографию проблем русской армии в годы Первой мировой войны и проблем Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций 1917 г., при разработке которых исследователи в той или иной мере затрагивали проблемы русской армии, условно можно разделить на два периода: историографию 1917 г. – первой половины 1950-х гг. и историографию второй половины 1950–1980-х гг.

В первые годы Советской власти активными революционерами, очевидцами и участниками событий той поры были написаны воспоминания, статьи, брошюры². В эти годы были сделаны первые попытки научно обобщить события и деятельность большевиков в русской армии³, опубликованы работы о революционном движении в Беларуси и на Западном фронте⁴. Трудом этих лет было положено начало политизации исторических событий. В них элементы стихийной деятельности масс в революции подменялись целенаправленной деятельностью большевиков, во многих случаях не подкрепленной конкретными фактами. Авторы необоснованно и незаслуженно преувеличивали роль отдельных личностей в деятельности большевиков по привлечению трудящихся Беларуси и солдат Западного фронта на сторону революции. В их трудах И. В. Сталин представлен как второй, после В. И. Ленина, вождь революции, а Л. М. Каганович – как организатор и руководитель Полесской организации РСДРП(б), что не отвечает истине. В то же время имена других участников Октябрьской революции в Беларуси и на Западном фронте замалчивались.

В целом исследования проблем Октябрьской революции начиная с 1930-х гг. стали свертываться. Это объясняется развитием культа личности И. В. Сталина, Великой Отечественной войны. В конце 1930-х–1940-е гг. вышли в свет лишь «Краткий курс истории ВКП(б)» и второй том «Истории гражданской войны в СССР», в которых кратко повествуется и о революционных событиях на Западном фронте⁵, отдельные журнальные статьи.

Оживление в развитии историографии Октябрьской революции и происходивших процессов в русской армии наступило с начала 1950-х гг. В этот период появились первые исследования, специально посвященные происходившим событиям на Западном фронте. К ним следует отнести прежде всего монографию Л. С. Гапоненко, кандидатские диссертации Н. Е.

² Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Смоленск, 1920; Он же. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; Дмитриев И. Октябрь в Орше // Пролетарская революция. 1922. № 10; Петров Н. Октябрьские дни в действующей армии // Пролетарская революция. 1925. № 3(38); Мясников А. Ф. Подготовка Октября // Бальшавік Беларусі. 1927. № 3; Фомин В. Съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в апреле 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 4(63).

³ Рабинович С. Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. 1926. Кн. 6; Он же. Большевицкие военные организации в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 6(77), № 7(78); Он же. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930; Кизрин И. Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931.

⁴ Лелевич Г. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922; Киржниц А. Октябрьские дни в Белоруссии // Пролетарская революция. 1927. № 12(71); Он же. Сто дней Советской власти в Белоруссии (12 ноября 1917 г. – 19 февраля 1918 г.) // Пролетарская революция. 1928. № 3; Шчарбакоў В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Мінск, 1930.

⁵ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1934; История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1942.

Гуревича, П. С. Кругликова, Х. В. Коникова и И. К. Тележкина⁶. В работах этих авторов ярко выражено влияние культа личности И. В. Сталина. Процессы и явления, происходившие в русской армии, в том числе и на Западном фронте, рассматривались ими через призму революционной целесообразности и как организованные большевиками, при отсутствии какой-либо стихийности событий.

К 40-летию Октябрьской революции подготовили и издали свои работы белорусские историки В. Г. Ивашин, Н. В. Каменская, И. И. Саладков, Г. А. Гречкин, Е. Д. Диренок. Исследуя вопросы подготовки и проведения Октябрьской революции в Беларуси и отдельных ее губерниях, они кратко касались событий и на Западном фронте.

В последующие 30 лет продолжалось активное исследование вопросов истории Октябрьской революции и установления Советской власти, а в комплексе с ними и вопросов революционного движения в русской армии. В эти годы вышли в свет работы И. И. Минца, П. А. Голуба, А. М. Андреева, Е. Н. Городецкого, О. Н. Знаменского, Н. Я. Иванова, В. И. Миллера, Н. М. Якупова, Т. Ф. Кузьминой⁷ и других историков, в которых затронуты отдельные аспекты событий, имевших место на Западном фронте.

В эти годы более глубоким и всесторонним исследованием проблемы Октябрьской революции и установления Советской власти в Беларуси занимались белорусские историки. В работах И. М. Игнатенко, В. Г. Ивашина, П. А. Селиванова, А. Г. Хохлова и других авторов⁸, а также в коллективных трудах⁹ нашли отражение процессы и события, происходившие в войсках Западного фронта.

Следует отметить, что работы советских историков второй половины 1950 – первой половины 1980-х гг. отличаются своей аргументацией и доказательностью, стали более объективными. В них заметно уменьшилось влияние культа личности И. В. Сталина и догм

⁶ Гапоненко Л. С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953; Гуревич Н. Е. Борьба большевиков за солдатские массы на Западном фронте в 1917 году (март – октябрь): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949; Кругликов П. С. Большевики Минской губернии и Западного фронта в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Конилов Х. В. Большевики Западного фронта в борьбе за подготовку и проведение Великой Октябрьской социалистической революции (март – ноябрь 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1954; Тележкин И. К. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Западном фронте (февраль – ноябрь 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

⁷ Минц И. И. История Великого Октября: В 3 т. М., 1968–1973. Т. 2, 3; Голуб П. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. Л., 1963; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974; Якупов Н. М. Борьба за армию в 1917 году: Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс центра России накануне Октября. М., 1978; Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.

⁸ Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск, 1962; Он же. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972; Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября. Минск, 1971; Он же. Военная деятельность Советов Белоруссии в 1917–1920 гг. Минск, 1980; Хохлов А. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). Минск, 1965; Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981.

⁹ Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 1 (1883–1920). Минск, 1968; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Гісторыя Беларускай ССР. Т. 3. Мінск, 1973 и др.

«Краткого курса истории ВКП(б)». Однако процессы и события, происходившие в стране и армии, в том числе и в Беларуси и на Западном фронте, по-прежнему рассматривались историками только через призму революционной целесообразности и деятельности большевиков. Причем деятельность эта в значительной мере преувеличивалась. Однако некоторые исследователи отмечали и негативные явления в революционной деятельности большевиков, которые имели место в русской армии и свидетельствовали о ее разложении еще до Февральской революции.

До недавнего времени в исторической литературе утверждалось, что на Западном фронте уже до Февральской революции было создано и функционировало более 30 большевистских организаций. Более глубокое исследование этого вопроса показало, что такое утверждение не отвечает истине. Установлено, что до второй половины 1950-х гг. каких-либо сведений о численности большевистских организаций до Февральской революции на Западном фронте в исторических трудах не имелось. И не случайно. В условиях преследования царскими властями деятельности партий на Западном фронте до Февральской революции большевистских организаций не было. Действовали лишь (и это подтверждают очевидцы-революционеры и активные участники событий тех дней) в некоторых частях небольшие большевистские группы из трех-четырёх человек, которые были разрозненны, связей между собой и с большевистскими центрами не всегда поддерживали и функционировали в глубоком подполье.

Впервые сведения о 20 большевистских организациях на Западном фронте до Февральской революции привел в своей кандидатской диссертации Ф. С. Безродный¹⁰. Автор назвал эту цифру без ссылки на какой-либо источник или на материалы, на основании которых ему удалось это установить. Затем эту цифру со ссылкой на своего диссертанта привел в первом томе своего трехтомного труда «История Великого Октября» И. И. Минц.

Несколько позже, в 1966 г., во втором томе шеститомной «Истории КПСС» уже говорится о том, что «по приблизительным подсчетам на Западном фронте было создано более 30 большевистских организаций»¹¹. И в этом случае без ссылки на источник и без оговорки, по каким материалам проводились подсчеты. После этого последняя цифра стала приводиться во многих исследованиях по истории Октябрьской революции, в том числе и отдельными белорусскими историками¹².

Третьим этапом в развитии историографии проблем русской армии в годы Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в 1917 г. является период с конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. Он тесно связан с так называемой «перестройкой» советского общественно-экономического строя. В эти годы был открыт большой доступ ученым в архивы. Исследование ранее неизвестных, считавшихся секретными, документов и материалов способствовало более объективному освещению исторических событий.

В этот период опубликовали свои монографии академик И. М. Игнатенко, кандидаты исторических наук П. К. Башко, М. М. Смольянинов¹³. Вышла из печати подготовленная

¹⁰ Безродный Ф. С. Революционная работа партии большевиков в царской армии в период первой мировой войны (1914 – март 1917 г.): Дис. ...канд. ист. наук. М., 1954.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 2. М., 1966. С. 560.

¹² Скоробогатый В. Возникновение и основные этапы становления большевизма в Белоруссии (1903–1917 гг.). Минск, 1973. С. 175; Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король, Н. С. Шашкевич, А. Ф. Хацкевич и др. Минск, 1987. С. 32.

¹³ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск, 1986; Башко П.

коллективом авторов работа «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября». Историческая литература этих лет в основном придерживалась ранее установившихся позиций при освещении событий и явлений 1917–1920 гг. Хотя в работах названных авторов освещены ранее неизвестные сюжеты и аспекты.

Монография И. М. Игнатенко «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии» явилась фактически первой работой, в которой сделан глубокий анализ объективных и субъективных предпосылок революции, показаны начало и развитие революции в Беларуси и на Западном фронте, раскрыта ситуация, сложившаяся после революции.

П. К. Башко в монографии «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.)», исследуя социально-классовый состав Советов, формы и методы их организационно-политической деятельности, борьбу политических партий за руководящую роль в них, показал взаимодействие Советов и войсковых комитетов частей и подразделений, дислоцировавшихся в городах и местечках Беларуси.

В монографии М. М. Смольянинова «Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г.» дана характеристика революционных перемен на Западном фронте после Февральской революции, показано их влияние на рост революционного сознания солдат, освещен процесс осознания ими таких событий, как апрельский, июньский и июльский кризисы, и корниловщины, отражена роль политических кризисов и корниловщины в эволюции сознания солдат – от индифферентности до целенаправленного революционного действия.

А. С. Король, Н. С. Сташкевич, А. Ф. Хацкевич и соавторы в книге «Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября», освещая участие большевиков Беларуси в борьбе за победу Октябрьской революции, показали отдельные аспекты деятельности других социалистических партий, в том числе и в войсках Западного фронта. Однако в целом деятельность большевиков по привлечению солдатских масс на сторону революции, по осуществлению революционных преобразований в частях, соединениях и армиях фронта авторами, подготовившими разделы о фронте, несколько идеализирована. Процесс установления Советской власти в частях и соединениях проходил сложнее и многообразнее, а не по одному сценарию, управляемому большевиками. Кроме того, в работе допущены некоторые неточности. В частности, при освещении вопроса о победе революции на фронте автор (А. Ф. Хацкевич) утверждает, что Минский Военно-революционный комитет (ВРК), «получив весть о событиях в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября, немедленно... обратился с воззванием к солдатам...»¹⁴. В действительности в это время ВРК еще не был создан. Его создание относится к 27 октября – 2 ноября 1917 г.

В первой половине 1990-х гг., с распадом мировой системы социализма и развалом СССР, когда была поставлена под сомнение марксистско-ленинская методология исследований, подверглись переосмыслению многие вопросы теории и практики марксистско-ленинской теории о революции. Это заметно отразилось на количественной стороне исследований и публикаций по истории революции в Беларуси и на Западном фронте. В эти годы с учетом новых подходов были опубликованы монография И. М. Игнатенко «Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі» и «Нарысы гісторыі Беларусі»¹⁵, в которых в сжатой форме повествуется и о

К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). Минск, 1987; Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. Минск, 1991.

¹⁴ См.: Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября. С. 200.

¹⁵ Ігнаценка І. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. Мінск, 1995; Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. Мінск, 1995.

революционных событиях на Западном фронте, и несколько научных и научно-популярных статей¹⁶.

Таким образом, специальных обобщающих работ, освящающих процессы и явления, происходившие в армиях Западного фронта в годы Первой мировой войны, в последние годы не было подготовлено. В связи с этим автор данной работы сделал попытку на основе главным образом архивных источников, путем беспристрастного, объективного подхода показать материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции, проанализировать влияние последней и связанных с ней политических событий и процессов на морально-политическое и боевое состояние войск фронта, на их дисциплину и боеготовность в период от Февральской революции до Октябрьской, показать осуществление политики партий революционной демократии, направленной на демократизацию войска, и завершение демократизации и демобилизацию старой армии взявшими власть в стране большевиками.

Глава 1

Материальное и моральное состояние армий Западного фронта накануне Февральской революции

1 августа 1914 г. двумя группировками крупнейших империалистических держав – Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция, Россия) – была начата Первая мировая война. Обе группировки старательно готовились к войне. Разрабатывая свои планы, каждая из сторон рассчитывала на быстрый разгром своего противника. Однако уже первый год военных действий показал, что расчеты противников на быстротечность войны не оправдались. Она принимала затяжной и ожесточенный характер. Перед каждой из воюющих сторон встал вопрос о материальном обеспечении войск и людских пополнениях, так как мобилизационные запасы были быстро исчерпаны.

Особенно остро этот вопрос встал перед Россией. По признанию самого генералитета, «война застала русское военное ведомство еще не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии»¹⁷. Уже после двух первых месяцев войны, в конце сентября 1914 г., из штаба Юго-Западного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего впервые поступили сведения о недостатке снарядов, а в октябре – требования увеличить производство винтовок, ружейных патронов, телеграфного и телефонного имущества, усилить деятельность тыла по снабжению армии всем необходимым¹⁸. Однако в этот период, по словам генерала А. С.

¹⁶ Башко П. К. Контрреволюционеры или оппозиционеры? // Крыжовы шлях: Дапам. для вывуч. гісторыю Беларусі. Мінск, 1993. С. 165–180; Игнатенко И. М. Октябрьская революция в Белоруссии // Беларуская думка. 1993. № 11; Он же. Февральская революция. 1917 год в Белоруссии // Беларуская думка. 1994. № 2; Ён жа. Кастрычніцкая рэвалюцыя: прычыны і сутнасць // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 6; Смольянінаў М. М. Трагедыя пачатку XX ст. (Да 80-годдзя пачатку першай сусветнай вайны) // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3; Ён жа. Аб маральна-палітычным і баявым стане войска Заходняга фронту напярэдадні Кастрычніцкай рэвалюцыі // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. грамадскіх навук. 1995. № 1; Ён жа. Лютаўская трагедыя 1918 года // Чырвоная змена. 1994. 31 сак.; Ён жа. Ваеннае нашэсце 1915 года // Чырвоная змена. 1995. 11 кастр.; Ён жа. Нарачанская аперацыя першай сусветнай вайны // Чырвоная змена. 1996. 3 верас. і др.

¹⁷ Лукомский А. С. Период Европейской войны. Начало разрухи России. Борьба с большевиками. Воспоминания. Т. I. Берлин, 1922. С. 57.

¹⁸ Там же; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. Минск, 1991. С. 99.

Лукомского, главные довольствующие армию управления, убежденные в краткости войны, не придавали тревожным сигналам с фронта серьезного значения, «медленно и неохотно делали крупные заказы».

Между тем, несмотря на возникшие первые большие сложности со снабжением войск, на фронте, как и в стране в целом, продолжал царить дух высокого патриотизма, перераставший в бешеный шовинизм. Царское правительство, буржуазные партии, православное духовенство уже накануне войны, развернув массовую идеологическую кампанию с целью психологической подготовки населения к войне, смогли призвать население к гражданскому согласию во имя защиты Отечества. На стороне патриотических сил выступили также и эсеро-меньшевики.

Единственной партией, выступившей против войны, была РСДРП(б), которая отказалась поддержать царское правительство и признавала полезным (в интересах пролетариата) поражение его и войск в войне.

Несмотря на жестокие преследования и цензуру, большевики стремились к пропаганде своих идей в войсках фронта. Так, по доставленным из департамента полиции в Ставку Верховного главнокомандующего сведениям было установлено, что эта партия, «стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны»¹⁹. Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал П. К. Кондзеровский по приказанию начальника штаба Ставки 25 ноября 1914 г. сообщил об этом, а также о содержании принятой большевиками на Циммервальдской конференции резолюции (в ней, по словам донесения, признавалось, что «лозунгом социал-демократии в настоящее время должны быть всесторонняя распространяющаяся в войске и театре военных действий пропаганда социалистической революции; безусловная необходимость организации для такой пропаганды нелегальных ячеек и групп в войсках и пропаганда республики») и о подготовленных ими, по словам того же донесения, «для распространения двух прокламаций к нижним чинам и студенчеству, в которых... развивались те же идеи вооруженной борьбы с правительством», передавал приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего главнокомандующему Северо-Западным фронтом принять «самые энергичные меры» против пропаганды, «следа за всякими организациями и добровольцами из студентов»²⁰. Спустя месяц, 28 декабря того же года, генерал Кондзеровский телеграфировал начальнику штаба Северо-Западного фронта о том, что «по полученным агентурным сведениям проживающие в России евреи и агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над мировым врагом и предъявить русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проповедуемых революционными партиями»²¹. В телеграмме сообщалось, что воззвания эти рассылались по почте в посылках лицам, находившимся в действующей армии.

Чтобы избежать изъятия воззваний и листовок цензурой, они отправлялись с «соблюдением всех мер предосторожности»: в ящиках с двойным дном, под подкладкой пересылаемой одежды и т. п.

Содержание агентурных сведений тиражировалось в штабах и рассылалось в

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

²⁰ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 17.

подведомственные управления и штабы для «принятия самых энергичных мер против пропаганды в частях и учреждениях армий»²².

С первых дней войны антиправительственную и антивоенную пропаганду большевики стали проводить среди войск, дислоцировавшихся и на территории Беларуси. Уже в сентябре 1914 г. в частях на территории Витебской губернии распространялись антивоенные листовки «К солдатам!», «На борьбу с тиранами!», «К народу!», в которых с большевистской точки зрения разъяснялся характер войны, говорилось о ее виновниках и звучал призыв повернуть оружие против последних. Об антивоенной и антиправительственной агитации большевиков в первые месяцы войны и возникновении социал-демократической организации в Минске сообщал в ноябре 1914 г. в Департамент полиции начальник Минского губернского жандармского управления²³.

Таким образом, большевики выступили против войны с самого ее начала. Подходя к оценке причин и целей войны с классовых позиций, они считали ее «империалистической», «захватнической» для всех воюющих сторон и призывали трудящихся этих стран к превращению войны империалистической в войну гражданскую, против своих правительств, развязавших войну²⁴. Не поддержанные в этом социал-демократическими партиями II Интернационала большевики остались в одиночестве, но последовательно продолжали проводить антивоенную политику в своей стране, прежде всего в ее вооруженных силах.

Большевики стремились использовать недовольство солдат неудачными операциями на фронте, плохим снабжением и мрачными вестями из тыла. Однако на фоне общего патриотического подъема, вызванного войной, в условиях жестокого преследования, усиленной военной цензуры они заметного влияния в войсках на фронте в начальный период войны не имели.

Война легла тяжелым бременем на экономику страны, особенно на сельское хозяйство. Всеобщая мобилизация 1914 г., объявленная в разгар уборочной кампании, призыв в действующую армию более 7 миллионов человек (довоенная армия насчитывала 1,4 миллиона человек) тяжело отразилась на экономическом положении деревни. Призывники составляли большую часть трудоспособного сельского населения.

С самого начала войны с огромным напряжением работали железные дороги страны, особенно западного направления. С развитием военных действий возрастал объем оперативных перевозок артиллерийского вооружения, различного войскового снаряжения и имущества. Перевозки вооружения и боевого снаряжения из-за недостатка подвижного состава нередко вытесняли перевозки продовольственных грузов и фуража из районов их основного производства и массовой заготовки для фронта – Степного района, Поволжья, Западной Сибири. Например, только владелец имения «Эртильская степь» Воронежской губернии князь В. Н. Орлов подрядился поставить в 1914–1916 гг. 3-му армейскому корпусу 55 тысяч пудов овса. Поставки овса интендантству этого корпуса в 1915 г. предусматривались крестьянами Крутичино-Байгорской волости и других селений Тамбовской губернии²⁵.

²² Там же. Л. 10, 17.

²³ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – – февраль 1917 г.: Сб. док. М., 1966. С. 86, 141, 154.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 8.

²⁵ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 35, 36.

Лишь с начала войны до конца 1914 г. фронт сравнительно мало ощущал недостатки продовольствия, недопоставка которого из глубинных районов страны в значительной мере восполнялась за счет ресурсов мест дислокации войск. Для удовлетворения потребностей фронта военные и гражданские власти проводили реквизиции скота, хлеба и фуража у местных жителей.

По причине отсталости и неподготовленности русской армии к войне в военно-техническом отношении, бездарности Верховного командования, его зависимости от командования союзных армий, а следовательно, поспешности, ошибок в стратегии и тактике при проведении операций войска с первых дней военных действий терпели одно поражение за другим.

Тяжелое поражение войск Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии и неудачи в наступательных операциях и сражениях войск Юго-Западного фронта в Галиции в 1914 г., огромные потери в русской армии (только в Галицкой операции – 230 тысяч человек²⁶) по причине бездарности Верховного командования, отсутствия достаточного вооружения, боеприпасов и снаряжения вызвали в войсках брожение умов и стихийный протест против войны.

Первыми формами стихийного протеста были добровольная сдача в плен, дезертирство и саморанения. Причем к саморанениям с целью избавиться от военной службы прибегали не только в войсках, а уже при призыве, и они приняли такое широкое распространение, что заставили Верховное командование уже 16 октября 1914 г. издать приказ, предписывавший на период войны за умышленное членовредительство строгие карательные меры, вплоть до смертной казни²⁷.

К концу 1914 г., и особенно в 1915 г., широкое распространение получила и такая стихийная форма антивоенного движения, как дезертирство. Уже в сентябре 1914 г. Новогрудский уездный исправник телеграфировал минскому губернатору о том, что следует «всех нижних чинов Лидского полка полагать беглыми с театра военных действий»²⁸. Особенно популярным было бегство солдат из поездов в пути следования на фронт. Об этом свидетельствуют многие донесения, рапорты и телеграммы начальствующих лиц в вышестоящие органы власти²⁹.

Например, в изданном в конце 1914 г. циркуляре Департамента полиции отмечались «массовые случаи побегов легко раненых нижних чинов с санитарных поездов, которые затем или направляются к себе домой, или шатаются по окрестным селениям без всякого надзора»³⁰.

Позорным явлением, свидетельствовавшим о начале разложения армии, была добровольная в массовом порядке сдача солдат в плен. Такие факты отмечал, например, в

²⁶ Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг.: Воен. – ист. очерк. М., 1964. С. 79.

²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 29. Л. 4.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 859. Л. 364.

²⁹ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – – февраль 1917 г. М., 1966. С. 86, 141, 154.

³⁰ Суряев В. Н. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы первой мировой войны (июль 1914 – – март 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1991. С. 151.

приказе по 10-й армии от 3 ноября 1914 г. командующий армией генерал Сиверс³¹. Случаи сдачи в плен целыми ротами в конце ноября 1914 г. отмечал главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н. В. Рузский³².

С отступлением русских войск из Галиции, Польши и Восточной Пруссии в результате весенне-летней кампании 1915 г. к августу огненный смерч войны докатился до Беларуси. Фронт стабилизировался по линии от Рижского залива до устья Дуная. На территории Беларуси по линии Двинск – Сморгонь – Барановичи – Пинск дислоцировались войска Западного фронта. Четверть территории была оккупирована германскими войсками.

Отступление русских войск и перенесение военных действий на территорию Беларуси нанесли огромный ущерб ее народному хозяйству. В 1915 г. в связи с наступлением германских войск были эвакуированы в глубь империи 432 фабрично-заводских предприятия. До конца того же года на не оккупированной части Беларуси осталось только 139 таких предприятий, большинство из которых работало с перебоями и выполняло в основном военные заказы для фронта. Кроме того, военным ведомством тут был открыт ряд новых предприятий по производству обмундирования, ремонту вооружения и военной техники. В результате сильно сократилось производство товаров широкого потребления.

Военное положение Беларуси, захват противником части территории особенно отрицательно отразились на сельском хозяйстве. Потеря территории, массовые мобилизации мужчин, реквизиции лошадей для нужд армии лишили деревню основных рабочих рук и тягловой силы, привели к сокращению посевов продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью собран. Посевы озимых культур в значительной части уничтожались передвижением войск, волной беженцев, прогоном военных гуртов скота.

Тяжким бременем для сельских жителей прифронтовых губерний являлись военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытье окопов и т. д., часто требовавшие многодневного участия в них сотен и тысяч трудоспособных мужчин и женщин вместе с гужевым транспортом.

Так, летом 1915 г., в самый разгар полевых работ, только в Гродненском уезде из 17 490 трудоспособных мужчин на военно-инженерных работах в Гродненской крепости, охране железнодорожных линий, других казенных работах, по неполным данным, одновременно было занято свыше 10 тысяч человек и около тысячи подвод. В июле волковысскому уездному исправнику было предписано «немедленно отправить на военные работы 400 рабочих»³³. У минского губернатора военные власти требовали для строительства подъездов к мосту через Березину в Бобруйске 400 рабочих и 200 подвод сроком на четыре недели. В Новогрудском уезде, по сообщению уездного исправника минскому губернатору, «оставшееся население не занятой неприятелем части уезда было почти все занято исключительно работами по укреплению позиций»³⁴. Таким положение было повсеместно в прифронтовой полосе.

Тягостное впечатление на солдат действующей армии производили двигавшиеся на восток из мест военных действий – Польши, Литвы и Западной Беларуси – огромные массы

³¹ РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 32.

³² РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 44.

³³ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47–48; Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). Минск, 1953. Т. 3. С. 821–822.

³⁴ Документы и материалы по истории Беларуси (1900–1914 гг.). С. 791.

беженцев, переполняя города и местечки не оккупированной части Беларуси. К осени 1915 г. только на территории Минской губернии скопилось до 120 тысяч беженцев³⁵, в Гомеле и окрестностях – около 300 тысяч, в Витебске – более 90 тысяч³⁶. Не имевшие средств к существованию беженцы являлись тяжелым бременем для местных жителей. Военные и гражданские власти, чтобы облегчить участь несчастных людей, предотвратить распространение эпидемических заболеваний, делали попытки эвакуировать беженцев в более благополучные восточные губернии. Однако из-за разрухи на транспорте и отсутствия необходимых средств это не всегда удавалось.

Население не оккупированной части Беларуси, испытывая также все тяготы войны, делилось с беженцами съестными припасами, фуражом, одеждой и обувью, предоставляло кров. «Самое участливое, гуманное отношение к беженцам» жителей Минской, Витебской, Смоленской и Псковской губерний отмечала в своих сводках военная цензура³⁷. Однако оказать помощь всем было невозможно. Свыше 35 тысяч беженцев находились под открытым небом в лесах и на полях в районе железнодорожных станций Койданово, Столбцы и Городея, от 20 до 40 тысяч человек находились в имении Хмельники около Бобруйска, до 64 тысяч – в районе Речицы, в других местах. В условиях голода, холода, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи беженцы ежедневно десятками умирали. Кроме того, таборы и обозы беженцев часто подвергались артиллерийским обстрелам и бомбежкам авиации противника, несли потери.

Характерно, что до конца 1915 г., как свидетельствуют сводки армий и фронта о настроении войск, составленные по данным военной цензуры, в войсках не замечалось упадка морального духа солдат в связи с неудачами в боях и отступлением. Последнее, как правило, командованием объяснялось стратегической необходимостью. Стабилизация фронта, появившаяся возможность для отдыха, поступление в части и соединения новых хорошо экипированных пополнений, активный подвоз снарядов и оружия вызвали в войсках фронта, по словам тех же сводок, «бодрое настроение», «веру в победу» над врагом. Несколько пониженное от усталости, тягот и лишений фронтовой службы настроение наблюдалось у солдат старших возрастов³⁸. Отмечались отдельные жалобы на недостаток теплой одежды и сапог, чаще – на недостаток фуража.

Удручающее влияние на моральное состояние солдат Западного фронта оказывало бедственное положение беженцев. Как сообщали военные цензоры в сводке за октябрь, в частях войск было замечено, что «стихийная волна беженцев производила на войска огромное и тягостное впечатление». Положение еще больше усугублялось доходящими до солдат сообщениями из писем от родных о вызванных «наплывом беженцев во внутренние губернии империи, дороговизне жизни и повышенной заболеваемости местного населения».

В 1915 г. русская армия потерпела ряд поражений и понесла очень большие потери, вынуждена была отступить по всему фронту, но, как свидетельствуют сводки и признания

³⁵ Там же. С. 813–814.

³⁶ Игнатенко И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 40.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 20.

³⁸ Там же. Л. 20, 22, 23, 27.

генералов, «морально армия не была сломлена»³⁹. «Офицерский состав в своих письмах», сообщала военная цензура, также отзывался о солдатах с хорошей стороны, отмечая их «заметный подъем духа и уверенность в победе»⁴⁰. «Все неудачи 1915 г. объяснялись исключительно недостатками материальной части. Армия, приведенная в порядок, пополненная и снабженная боевыми припасами, верила в себя, была уверена в победе над врагом», – писал генерал А. С. Лукомский⁴¹. К этому следует добавить еще недооценку Верховным командованием сил противника, его неумение управлять войсками, которые привели к огромным территориальным потерям и в живой силе.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) все больше понимало необходимость согласованных военных действий. С этой целью дважды (в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г.) в Шантильи, в ставке французского главнокомандования, состоялись межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Представители главнокомандований стран Антанты договорились оказывать помощь той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза.

Предреволюционный 1916 г. был начат активными военными действиями германцев против французов. 21 февраля германские войска начали наступление против Вердена и потеснили французские войска. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке передал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву письмо от Верховного командования французской армии, в котором оно требовало от русских перейти в наступление и оттянуть часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армией 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами, на котором было принято решение о проведении военной операции на стыке Западного и Северного фронтов (район озер Вишневоое – Нарочь – г. Поставы). К этому побуждали перевес в этом районе сил над противником и наиболее выгодная конфигурация фронта.

Командованием Западного фронта главная задача в операции была возложена на занимавшие тут позиции войска 2-й армии (командующий генерал В. В. Смирнов, начальник штаба генерал Ставров). С этой целью более чем в два раза был увеличен ее состав, который к моменту наступления насчитывал 10 корпусов, в том числе один кавалерийский, Уральскую казачью дивизию и отдельную кавалерийскую бригаду, общей численностью свыше 400 тысяч штыков и сабель. На вооружении войск находились значительные наступательные средства – 605 легких артиллерийских пушек, 168 тяжелых. Кроме того, в ходе операции на укрепление армии были переданы 114 пушек тяжелых артиллерийских дивизионов, что обеспечивало перевес над противником тяжелой артиллерии почти в два раза. В два раза перевес русских над германцами был также в саблях и почти в пять раз в штыках.

Ранним утром 18 марта по приказу Верховного главнокомандующего – царя Николая II, войска 2-й армии начали военные действия, не успев к ним полностью подготовиться. В течение двухнедельных боев, сопровождавшихся яростными атаками, русские войска не смогли

³⁹ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 23.

⁴¹ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

достигнуть намеченного рубежа, понеся огромные потери – 1018 офицеров и 77 427 солдат – почти четверть личного состава 2-й армии, который был накануне Нарочской операции. Кроме того, были большие материальные потери.

Основными причинами неудач являлись поспешность проведения операции, до завершения полной подготовки к ней (не хватало снарядов, особенно для тяжелой артиллерии, винтовок и шанцевого инструмента), в неподходящий момент по времени (наступавшая весна) и неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустами и лесами), а также неумелое управление войсками.

Большими потерями солдат русской армии, понесенными в Нарочской операции, были спасены французы от разгрома и, возможно, Париж от захвата германцами, так как последние с самого начала операции были серьезно встревожены активностью русских на этом участке фронта. В течение всей операции германское командование вынуждено было подбрасывать сюда подкрепления.

Огромной потерей для войск в результате Нарочской операции явилось падение их морально-боевого духа. Солдаты, испытавшие тяготы и лишения наступательных действий, видевшие бессмысленную гибель множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленных необеспеченностью наступавших боевыми средствами, бестолковостью распоряжений и приказов высшего командования, скрыто выражали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, на что неоднократно указывала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор отмечал «угнетенные письма», в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на большое количество у противника пулеметов и артиллерии»⁴². В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав попадались выражения неудовлетворения, якобы плохим руководством здесь боем, а также намеки на какое-то, будто бы имевшее тут место, предательство»⁴³.

Уже через две недели после Нарочской операции объединенное командование англо-французских войск, ссылаясь на принятые 12 марта 1916 г. на межсоюзнической конференции в Шантильи решения о координации военных действий, просило Верховное командование русской армии ускорить подготовку очередного наступления.

В связи с этим 14 апреля 1916 г. на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве под председательством Николая II обсуждался план будущей операции. Согласно плану, войска Западного фронта должны были нанести главный удар из района Молодечно в направлении Вильно. Войскам соседних – Северного и Юго-Западного – фронтов отводилась вспомогательная роль. Однако главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт, ссылаясь на слабую подготовку войск, отложил наступление. Только 15 июня силами гренадерского корпуса была сделана неудачная атака в направлении Баранович. Это дало генералу Эверту основание потребовать отложить наступление и дать время на его подготовку.

Неудачным было и наступление 3 июля, которое привело к большим потерям. Оно не оказало никакого влияния на наступательные действия войск Юго-Западного фронта, которые в это время осуществляли знаменитый Брусиловский прорыв и нуждались в поддержке. За девять дней боев под Барановичами 4-я армия Западного фронта потеряла убитыми, ранеными и

⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 118.

пленными около 80 тысяч солдат и офицеров⁴⁴. Неудачные, с большими потерями наступления войск 4-й армии оказали отрицательное влияние на настроение солдатских масс. «Неудача операции лета 1916 г. (к ней относились и наступления войск 4-й армии в Барановичском направлении. – М. С.), по признанию генерала А. С. Лукомского, имела своим последствием не только то, что этим затягивалась вся кампания, но кровопролитные бои этого периода очень дурно отразились на моральном состоянии войск»⁴⁵.

Уже в начале 1916 г. солдатам стало ясно, что война затянется на неопределенный срок. Как свидетельствуют сводки военной цензуры, уже в апреле в письмах солдаты «мир нередко приурочивали к поздней осени, но высказывалось мнение, что война продлится еще год и более»⁴⁶. Однако настроение солдат, по словам военных цензоров, «продолжало оставаться бодрым, в ожидании скорых и решительных боев», заметно было «стремление довести войну до полной победы над врагом».

Несколько иным, по сведениям военной цензуры, было положение в тылу. Давая характеристику поступавшей из империи на фронт корреспонденции, военные цензоры отмечали сообщения в письмах о понизившемся настроении в Петрограде, откуда «больше всего писали о влиянии немецкой партии», а отставка военного министра В. А. Сухомлинова «явилась лишним поводом к мрачным предположениям». Кроме того, отмечались «жалобы на дороговизну», отсутствие предметов первой необходимости, что ложилось «тяжелым бременем не только на сельское и рабочее население, но и на более зажиточные слои и озлобляли население», на «притеснения со стороны местных властей». В одном из писем, задержанных цензурой, «утверждалось, что в тылу очень ярко выражается ропот и даже возмущение по поводу так долго затянувшейся войны»⁴⁷.

Следует сказать, что и в войсках фронта, судя по сообщениям военной цензуры, не остались без внимания и нашли отражение в письмах недостаток обмундирования и сапог, замена последних лаптями, в отдельных соединениях невыдача сахара, хлеба, уменьшение порций мяса, а затем замена мяса рыбой. Последнее обстоятельство, как отмечалось в сводке за май, «вызвало многочисленные жалобы из разных частей фронта»⁴⁸.

Между тем продолжавшаяся война требовала все новых материальных затрат и еще больших людских пополнений. Так, если в 1915 г. было мобилизовано в войска более 4 миллионов человек, то в 1916 г. – около 5 миллионов призывников⁴⁹. Только из белорусских губерний к осени 1917 г. было мобилизовано 634 400 человек⁵⁰.

Все новые и новые массовые мобилизации обескровливали тыл, приводили в упадок

⁴⁴ Там же. Д. 295. Л. 537; Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война: 1914–1918 гг. С. 178.

⁴⁵ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 104.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

⁴⁷ Там же. Л. 117.

⁴⁸ Там же. Л. 135

⁴⁹ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 47.

⁵⁰ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 47.

производительные силы страны, особенно сельское хозяйство. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (фронт мобилизовал более 2,5 миллиона лошадей) в 1916 г. произошло значительное сокращение посевных площадей основных производственных культур, а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Все это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота, в конечном счете разорению белорусской деревни.

В прифронтовых губерниях Беларуси, переполненных воинскими частями и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз продовольствия. Достаточно сказать, что для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре – ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211⁵¹.

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре – только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живем ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение... Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно», – заявлял на совещании в Ставке в Могилеве 17–18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт⁵².

Однако, несмотря на такие тревожные сигналы, положение со снабжением войск продовольствием все ухудшалось, приближаясь к кризисному. Начальник этапно-хозяйственного отдела 3-й армии в телеграмме от 3 февраля 1917 г. главному начальнику снабжения армий Западного фронта с тревогой сообщал, что «за последнее время мяса прибывает только 25 % суточной потребности. Подвоза скота тоже нет. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня армия окажется в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом». В заключение он просил принять срочные меры⁵³.

Ответ на телеграмму не обнадеживал. Главный начальник снабжения армий фронта генерал Немов констатировал: «Подвоз мяса и скота из империи крайне неудовлетворителен... Главное затруднение в перевозке. У вас 30 000 пудов рыбы, которую пока и расходуйте». Кроме того, «по крайней нужде» он предлагал реквизировать у населения⁵⁴.

В начале 1917 г. на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Генерал Немов, 22 февраля с тревогой сообщая главнокомандующему фронтом Эверту о том, что «некоторые войсковые части давно уже едят только рыбу, за недостатком мяса и жиров», добавлял при этом: «Вместо крупы войска получают чечевицу, а в последнее время вместо полной дачи хлеба – сухари». Недопоставлялись чай, сахар, сушеные овощи⁵⁵. «Систематический недовоз на фронт продовольственных продуктов, – констатировал в очередном донесении в первых числах марта 1917 г. главный начальник снабжения армий Западного фронта главнокомандующему фронтом, – довел запасы базисных магазинов до

⁵¹ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64

⁵² Цит. по: Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С. 20.

⁵³ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 6, 22.

крайнего истощения. Если в ближайшее время не будет усилен подвоз, то войска вынуждены будут расходовать неприкосновенные запасы, так как в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти уже нет»⁵⁶.

Командование делало попытки восполнять недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Например, командующий 3-й армией 16 февраля отдал приказ производить реквизицию скота на мясо у земств Могилевской губернии. Следует отметить, что местное население, особенно в городах, голодало не меньше, чем на фронте. Например, в начале 1917 г. выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов не оккупированной части Беларуси сократилась до минимума и составляла в Минске 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки⁵⁷. В Беларуси, как и в крупнейших промышленных центрах страны – Петрограде, Москве, других городах, разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

Местное население, прежде всего крестьянство, в основном сознательно относилось к выполнению предъявленной при реквизиции разверстки. Например, собравшиеся в конце декабря 1916 г. на волостной сход крестьяне Стояновской волости Минского уезда, выслушав предъявленное на основании постановления министра земледелия к ним требование «о поставке за установленную плату 306 пудов ржи на потребности, связанные с обороной», приняли решение «собрать указанное количество ржи и пожертвовать для нужд армии»⁵⁸. Командование в специальном приказе выразило благодарность крестьянам.

Затем приняло решение напечатать приказ в газетах, чтобы этот «похвальный поступок крестьян сделать известным» во всех губерниях прифронтовой полосы Западного фронта»⁵⁹.

Однако к началу 1917 г. у крестьян прифронтовых губерний Беларуси излишков хлеба не осталось и реквизировать было почти нечего. Так, по словам доклада губернатора Минской губернии, пытавшегося защитить крестьян от «реквизиции части запасов хлеба», сельское население могло остаться «необеспеченным хлебом и семенами, как в текущем году, так и в последующие годы»⁶⁰. Реквизировать же, согласно приказу главнокомандующего фронтом, разрешалось «только излишек сверхнеобходимого количества для годового прокормления и обсеменения полей».

Не менее сложным в войсках фронта в конце 1916 – начале 1917 г. было положение с фуражом, недостаток которого стал проявляться и нарастать еще с начала 1916 г.⁶¹. В середине ноября 1916 г. главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт приказал взамен недостающего зернового фуража для лошадей увеличить дачу сена. Однако вскоре, по словам доклада главного интенданта, «окончательно выяснилась полная невозможность подать на фронт потребное количество сена или соломы – всего в сутки 1100 вагонов, вследствие затруднений в заготовке и доставки его на фронт из-за неблагоприятных условий

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 35.

⁵⁷ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 27.

⁵⁹ Там же. Л. 27, 30.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

⁶¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 57.

железнодорожного транспорта»⁶². В создавшейся ситуации начальник штаба Верховного главнокомандующего отдал приказ: из интендантских складов выдавать меньше половины «фуражной дачи», а остальную часть «заготавливать собственным попечением войск», то есть путем реквизиций⁶³.

Одновременно с продолжением войны, с ухудшением снабжения войск и в прямой зависимости от этого наблюдалось падение морально-политического настроения солдат. Чем хуже было положение на фронте, тем громче в войсках говорили о поголовном засилье в штабах шпионов, измене и «немецком засилье». Первые «жалобы на недостаток фуража для лошадей», на «крайнее утомление войной и неуверенность», «пожелания поскорее окончить войну и возвратиться к себе домой» отмечали военные цензоры в письмах солдат Западного фронта за октябрь 1915 г.⁶⁴. Письма с «угнетенным настроением» составляли 0,7 % от всех просмотренных цензурой.

В последующем количество таких писем возрастало и составляло за декабрь 1915 г. – 2,15 %, за январь 1916 г. – 4,0 %, за март – 4,1 % от количества просмотренных писем⁶⁵.

Угнетенное состояние солдат нарастало в связи со все возрастающими проблемами быта как самих фронтовиков, так и их семей, оставшихся в тылу без мужской рабочей силы. С конца 1915 г. в письмах на фронт все чаще с тревогой сообщали о возрастающей дороговизне жизни, недостатке рабочих рук, об отсутствии предметов первой необходимости, о спекуляции торговцев и т. д. Такие сообщения для солдат, по заключению военной цензуры, становились «главным предметом озабоченности»⁶⁶, вызывали их участливое отношение, интерес к «чисто семейным проблемам: об урожае, о земле, о пайках и другим, касающимся крестьянской жизни»⁶⁷.

Верховное командование было озабочено проявившимися симптомами отрицательного влияния неблагоприятного положения в тылу на солдатские массы фронта. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, ознакомившись с представленным ему военными цензорами заключением о настроении войск за январь 1916 г., составленным на основании «посылаемых и получаемых нижними чинами действующей армии писем», обратился с секретным письмом к председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру, в котором информировал его о «тревожных теневых настроениях» в тылу на почве «дороговизны продуктов первой необходимости» и «спекуляции торговцев», обращал внимание на «необходимость решительной борьбы с явлением вздорожания жизни, отражающимся столь неблагоприятно и в настроении армии»⁶⁸.

На почве необеспеченности, тягот и лишений, испытываемыми солдатами на фронте и их

⁶² Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 26.

⁶⁵ Там же. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 38. Л. 22, 50, 57, 97.

⁶⁶ Там же. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Л. 22.

⁶⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

семьями в тылу, нарастали недовольство существующим государственным строем, его внутренней и внешней политикой, желание заключения мира. Это послужило основой для подпольной политической пропаганды в войсках политических партий. В сводке за декабрь 1915 г. военный цензор Западного фронта отмечал: «Попадается много писем, из которых видно, что в последнее время кем-то распространяется между нижними чинами слух о скором заключении мира»⁶⁹.

Письма на фронт, с «признаками умышленной пропаганды», были задержаны военной цензурой и в марте 1916 г.⁷⁰

С 1915 г. усилился поток подпольных изданий в войска. Большевики использовали с целью доставки на фронт литературы различные кружки, занимавшиеся сбором и отправкой подарков солдатам, вкладывая и зашивая в отправляемые вещи листовки. Воззвания и прокламации переправлялись в войска в посылках, в ящиках с двойным дном, в подкладках и поясах одежды, в кисетах с табаком и т. д.⁷¹

Опорой большевиков в войсках по проведению агитационной пропаганды являлись мобилизованные на фронт за революционную деятельность и участие в забастовках фабрично-заводские рабочие. Поняв, какую опасность они представляют для армии, начальник штаба Верховного главнокомандующего уже в конце мая 1915 г. отдал приказ «воспретить пребывание среди войск на театре военных действий лиц, политическая благонадежность коих весьма сомнительна, и немедленно изъять их из армии»⁷².

Однако этих мер для предотвращения разложения армии было недостаточно. На смену удаленным и арестованным за политическую пропаганду в составе пополнений прибывали новые агитаторы. «Укомплектования, прибывшие к концу лета 1916 г. из запасных батальонов, по своим моральным качествам, были много хуже всех предыдущих, — признавал в воспоминаниях генерал А. С. Лукомский, — ясно чувствовалось, что в тылу в запасных батальонах начинается пропаганда против продолжения войны»⁷³.

Активной формой антивоенного движения становился отказ солдат и целых подразделений от наступательных действий. «К осени 1916 г. и в некоторых корпусах, бывших на фронте, были случаи пропаганды против командного состава и за прекращение войны, было несколько случаев неисполнения отдельными ротами и батальонами боевых приказов», — вспоминал позже генерал А. С. Лукомский⁷⁴. На Западном фронте осенью 1916 г. отказались идти в наступление дивизии 9-го армейского корпуса 2-й армии, а 1-я гренадерская дивизия гренадерского корпуса их активно поддержала⁷⁵. Отказалась идти в атаку 2-я стрелковая

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 50.

⁷⁰ Там же. Л. 97.

⁷¹ Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. С. 51.

⁷² Там же. С. 93.

⁷³ Лукомский А. С. Воспоминания. Период Европейской войны. Т. 1. С. 105.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957. С. 292.

дивизия, занимавшая позиции под Барановичами⁷⁶.

Новой формой антивоенных выступлений было братание солдат русской армии с солдатами противника. Начавшись в конце 1915 г. на Юго-Западном фронте, в 1916 г. оно распространилось на другие фронты. На Западном фронте братание имело место в 70-й артиллерийской бригаде и некоторых других частях. Оно носило неорганизованный характер и сводилось к встрече в межокопной полосе в основном с целью меновой торговли предметами солдатского быта. Во всех случаях братания жестоко преследовались командованием – братавшиеся разгонялись ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, сурово наказывались, вплоть до суда и расстрела.

Антивоенное движение солдат сопровождалось резким падением воинской дисциплины, ростом числа неповиновений командному составу, все большим углублением пропасти во взаимоотношениях солдат с офицерами.

Офицерство в большинстве своем было воспитано на традициях и в духе глубокого патриотизма, преданности Отечеству, уважения и беспрекословного исполнения требований воинских уставов. Офицеры также не хотели войны. Однако они ясно сознавали: если агрессор поднял меч и война началась, то ее надо вести до победы, так как поражение привело бы к территориальным потерям, политическому упадку, экономическому порабощению страны. Из этого упрощенного, но полного глубокого жизненного смысла и национального самосознания понимания и исходило отношение подавляющего большинства офицеров к войне⁷⁷.

Следует отметить, что офицерство в ходе Первой мировой войны претерпело значительные изменения. Кадровые офицеры в ходе военных сражений в большинстве были убиты. Поступавшие офицерские пополнения из мобилизованных студентов высших учебных заведений, представителей разночинной молодежи не всегда отвечали тем требованиям, которые им предъявляла суровая военная обстановка. Слабость офицерских пополнений признавали все – от командного состава до рядового солдата. Последние особенно часто затрагивали этот вопрос в письмах. «По-прежнему попадались резко отрицательные отзывы о вновь выпущенных офицерах», – сообщала одна из сводок военной цензуры о настроении в армиях Западного фронта за март 1916 г.⁷⁸

Таким образом, начавшийся процесс разложения русской армии коснулся основных ее составляющих – офицерской корпорации и солдатских масс. На фронте и в тылу солдаты все чаще отказывались повиноваться офицерам, исполнять приказы командования, оказывали сопротивление применению против провинившихся унижающих человеческое достоинство наказаний, убивали наиболее ненавистных командиров.

Такие случаи в 1915–1916 гг. имели место в Минске, Витебске, Бобруйске, дважды в Барановичах, Борисове и Рогачеве⁷⁹. Причем происходило сближение солдатского движения с выступлениями рабочих и крестьян в тылу.

В конце 1916 г. антивоенные и антиправительственные выступления отличались массовым участием в них солдат. Крупные волнения солдат произошли в прифронтовой

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 227.

⁷⁷ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. С. 89.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

⁷⁹ См.: Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 г.). Минск, 1981. С. 136.

полосе: 25–26 октября 1916 г. в Кременчуге с участием свыше 6 тысяч солдат, в ноябре в Жмеринке – около 5 тысяч человек. 22 и 26 октября произошли волнения солдат на распределительном пункте в Гомеле, в которых приняли участие до 4 тысяч человек. Волнения солдат были жестоко подавлены карательными отрядами и регулярными частями действующей армии. Наиболее активные участники выступлений были преданы военно-полевому суду. В Гомеле 9 человек были расстреляны, 7 – отправлены на каторгу⁸⁰.

Ставка Верховного командования в Могилеве увидела в этих волнениях солдат падение дисциплины и потребовала от командующих фронтами в подобных случаях «действовать решительно, без всяких послаблений, пресекая в корне оружием всякую попытку колебания дисциплины», немедленно предавая зачинщиков полевому суду⁸¹.

Однако никакие репрессии уже не могли остановить нараставший процесс разложения русской армии – главной опоры самодержавной власти. Это видел и признавал сам генералитет. Так, прибывший с фронта в Петроград в начале 1917 г. генерал А. М. Крымов заявил председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, что благодаря плохому управлению войсками, назначению на высшие посты бездарных генералов и поэтому в немалой степени проигранным сражениям «в солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще, и к начальству в частности; таким образом, армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок»⁸². К подобному выводу пришла и правительственная комиссия после обследования войск Северного и Западного фронтов: «армия не верит в победу», среди солдат «нарастает желание скорее окончить войну», отношение офицеров к правительству «самое отрицательное», «солдаты же видят в его деятельности одну измену и предательство»⁸³.

Уже с осени 1914 г. русская армия стала испытывать недостаток вооружения, особенно тяжелой артиллерии, артиллерийских снарядов и винтовок. По причине слабого вооружения, зависимости Верховного командования от союзников, а также плохого управления войсками русская армия терпела одно поражение за другим, несла большие потери, отступала вглубь страны. С 1915 г., наряду с нехваткой вооружения, стали проявляться первые симптомы недостатка обмундирования, особенно в зимнее время теплой одежды, сапог, а с 1916 г. – продовольствия и фуража. С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, испытывали голод и холод, достигшие к 1917 г. критической черты. В этих условиях с конца 1915 г. стал падать морально-политический и боевой дух солдат, наиболее ярко проявились антивоенные настроения, неповиновение солдат командно-офицерскому составу, рост недовольства существовавшей властью в стране. В итоге армия стала мощной оппозицией самодержавию и в февральские дни 1917 г. перешла на сторону восставшего народа.

Глава 2

Февральская революция и Западный фронт. Установление

⁸⁰ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1973. С. 369.

⁸¹ Там же.

⁸² Цит. по: Мартынов Е. И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 27.

⁸³ Там же.

Двоевластия

2.1. Влияние Февральской революции на морально-политическое состояние армий Западного фронта

27 февраля 1917 г. в России победила Февральская буржуазно-демократическая революция. Решающим условием победы был переход армии на сторону революционного народа. В этот же день из представителей буржуазных партий было сформировано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. В его состав вошли семь кадетов (А. А. Мануилов, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев и др.), два октябриста (Г. Е. Львов и А. И. Гучков), по одному представителю от партий прогрессистов, Центра и трудовиков и один беспартийный. Почти одновременно представители партий революционной демократии, а также кооперативного и профсоюзного движений, депутаты Государственной Думы создали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – орган революционно-демократической власти. Образовалось двоевластие.

Начавшись в центре России, Февральская революция быстро распространилась по всей стране. Вслед за Петроградом по аналогии двоевластие устанавливалось на местах: наряду с органами буржуазного Временного правительства создавались Советы. В Минске сообщение о свержении самодержавия было получено 28 февраля, в Витебске, Могилеве и Гомеле стало известно о победившей революции 1 марта 1917 г. Как и в целом по Российской империи, в городах и местечках Беларуси наряду с правительственными органами власти, создавались революционно-демократические – Советы. Уже в первой половине марта Советы были созданы в Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске, Борисове, Мозыре, Молодечно, Мстиславле. Несколько позже – в Могилеве, Городке, Докшицах, Дриссе, Лепеле, Калинковичах, Речице, Рогачеве, Слуцке и других местах⁸⁴.

На Западном фронте о победе Февральской революции стало известно позже. Командование фронтом, опасаясь влияния революционных событий на боеспособность войск, пыталось скрыть от солдат известие о победе революции. Более того, монархически настроенные генералы во главе с главнокомандующим фронтом генералом А. Е. Эвертом надеялись на подавление революции и пытались оказать в этом свое содействие, направив по требованию начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева наиболее преданные царю части с фронта.

Однако сведения о революции проникали на фронт по неофициальным каналам: из поступающих писем, от возвращавшихся в части отпускников, проезжавших пассажиров и т. д. Поняв, что победа революции – свершившийся и необратимый факт, генерал М. В. Алексеев 2 марта 1917 г. разрешил главнокомандующим фронтами огласить войскам «те заявления, которые успокаивают армию»⁸⁵.

Командование фронтом проявляло осторожность при осведомлении войск о революции и внутривойсковом положении в стране. Командирам корпусов было рекомендовано содержание телеграмм о положении в стране передать начальникам дивизий для личного сведения и осведомления командиров полков. Последним предписывалось «постепенно, в

⁸⁴ Башко П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). С. 15–20.

⁸⁵ Красный архив. 1927. № 2. С. 64.

удобной форме и в удобное время» при содействии старших офицеров разъяснять солдатам «существующее положение в стране и указывать, как к этому должна относиться армия». Разъяснение рекомендовалось проводить по подразделениям и в разное время, «дабы не привлекать к этому всеобщего внимания и не подчеркивать создавшегося положения»⁸⁶. Доведение до войск воззваний Временного правительства и Государственной Думы, манифестов об отречении от престола царя Николая II и его брата Михаила осуществлялось перед строем как отдельных войсковых подразделений, так и целых гарнизонов, возглавлявшими их командирами и начальниками. Разъяснение указанных документов и политических событий в стране, как правило, завершалось призывом к войскам сохранять спокойствие, крепить дисциплину и боеспособность перед лицом внешнего врага.

Весть о победе Февральской революции солдаты и демократически настроенные офицеры встретили с большой радостью. Они связывали с ней надежды на большие перемены в политической и социально-экономической жизни страны: прекращение войны, решение вопроса о земле, установление социального равенства, отмену или ограничение произвола начальников.

Верховное командование и командование фронтов в первое время после революции пытались не допустить распространения произошедших политических и демократических перемен в стране и на армию. Они связывали с этим неминуемое падение дисциплины, боеспособности войск, последующее разложение армии, что в условиях войны считали гибельным для России. «Пусть провозглашенные принципы свободы, близкие нашему сердцу, не коснутся нас, как военных, – призывал войска в своем приказе командующий 10-й армией генерал В. М. Горбатовский и заключал: – Армия должна оставаться армией»⁸⁷.

Ставка Верховного главнокомандующего и Временное правительство с тревогой ожидали как войска и население воспримут манифесты об отречении от царского престола. Командующий 10-й армией уже 4 марта приказал командирам корпусов и начальникам дивизий «с полной откровенностью» доносить об этом⁸⁸.

Генерал М. В. Алексеев просил главнокомандующих фронтами «срочно сообщить ... какое впечатление на армию произвели манифесты», добавляя при этом, что «правительство очень ожидает сообщения об отношении действующей армии к совершившемуся...»⁸⁹

Из наспех составленных донесений командиров корпусов, обобщенных командующими армиями и направленных через штаб фронта Верховному главнокомандующему, следует, что на Западном фронте весть о свержении царского самодержавия была встречена в основном «спокойно», «сдержанно»⁹⁰.

Однако в действительности отношение войск к совершившемуся перевороту не было однозначным, а представленные сведения не были полными. Так, в Сибирском корпусе 2-й армии, по словам его командира, к моменту представления сведений «отношение солдат еще не успело вылиться в определенную форму». Окончательно оно не определилось в гренадерском

⁸⁶ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 21.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 38.

⁸⁸ Там же. Л. 37.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 25.

⁹⁰ Там же. Л. 13–20.

корпусе. Неполными были сведения из 9-го армейского корпуса⁹¹. Не одинаковым было отношение к объявленным манифестам дивизий 10-го армейского корпуса: если в 112-й пехотной – «спокойное и большей частью сознательное», то в Сибирской казачьей «манифесты произвели угнетающее впечатление»⁹².

Отрицательную реакцию офицерства фронта вызвало имевшее место в дни революции насилие над офицерами в тылу. «Офицерство в большей, и притом в своей лучшей части глубоко возмущено допущенным отношением к нему толпы Петрограда, Москвы и других городов», – сообщал в своей телеграмме в штаб Западного фронта командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов⁹³. Об устранении солдатским комитетом начальника бригады и избрании на эту должность нового сообщалось в телеграмме из Калуги⁹⁴.

Командование Западного фронта болезненно реагировало на эти и другие подобные факты. Оно увидело в них начало разложения армии и с тревогой сообщало об этом в штаб Верховного главнокомандующего и Военное министерство. Получив телеграмму из Калуги, генерал А. Е. Эверт уже 4 марта телеграфировал о ней Военному министру, сделав заключение, что «такие факты при возможном их развитии приведут армию к полному разложению и она будет не в силах оказать сопотивление врагу». Главкозп считал «небходимым немедленное заявление правительства, что дисциплина и внутренний порядок в войсках должны поддерживаться согласно существующих уставов и что нарушители должны подлежать беспощадной каре по суду»⁹⁵. О своем обращении к Военному министру генерал А. Е. Эверт информировал Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева и просил последнего поддержать его⁹⁶.

Тем временем революционные события развивались, все больше захватывая армию. На Западном фронте уже после получения первых вестей о революции солдаты совершили вооруженное насилие над командирами и офицерами, высказывавшими сожаление по самодержавному строю или отличавшимися строгостью к подчиненным. Такие факты имели место в 21-м пехотном Муромском полку 6-й пехотной дивизии, 673-м Прилуцком, 674-м Золотоношском и 675-м Конотопском пехотных полках 169-й пехотной дивизии, 12-й полевой артиллерийской бригаде 3-й армии, 68-м Сибирском стрелковом полку 3-го Сибирского корпуса 2-й армии⁹⁷.

«Во вверенной мне армии были два случая ареста командиров частей горстью своих же солдат, недовольных строгостью начальников, а в одном случае немецкой фамилией начальника», – сообщал в штаб фронта 8 марта командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов. Командарм считал, что «эти случаи самоуправства должны быть пресекаемы самим

⁹¹ Там же. Л. 14–15.

⁹² Там же. Л. 18, 56.

⁹³ Там же. Д. 1755. Л. 27.

⁹⁴ Там же. Л. 101.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 101.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

законом в интересах государственной и военной дисциплины»⁹⁸.

Особую тревогу командования вызвало вмешательство в жизнь войск Петроградского и других Советов, обращавшихся к войскам как через телеграммы и воззвания, так и направлявших свои делегации с целью развития и углубления революции. Уже 4 марта главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский телеграфировал Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву о том, что из разных пунктов района дислокаций войск ему поступали донесения о появлении таких делегаций, распоряжениям которых подчинялись солдаты⁹⁹. Их действия, по словам генерала, были в ущерб воинской дисциплине и авторитету начальников.

Сообщая о телеграммах генералов А. Е. Эверта и Н. В. Рузского Военному министру, генерал М. В. Алексеев требовал «немедленных, самых энергичных правительственных мер» для искоренения случаев ареста, устранения делегатами военных начальников и избрания солдатами на их место новых, «дабы зараза разложения, начавшаяся в тылу, не перекинулась в армию и не привела ее к полной небоеспособности»¹⁰⁰. Военный министр А. И. Гучков в ответ на обращение Верховного главнокомандующего генерала Алексеева телеграфировал, что для урегулирования «печальных случаев» арестов военных начальников «всевозможными делегациями и комитетами и выборов солдатами новых начальников принимаются меры»¹⁰¹.

Верховный главнокомандующий, не дожидаясь защитных для фронта от революционной пропаганды мер правительства, предписал главнокомандующим фронтами принять самые решительные меры против проникновения в армии «преступного элемента», и «имея на узловых станциях достаточно крупные караулы», при появлении таких «шашек» «немедленно их захватывать и предавать... тут же на месте военно-полевому суду»¹⁰².

Командование Западного фронта, получив указания Ставки Верховного главнокомандующего, создало заставы и дежурные подразделения из солдат и казаков на близлежащих к фронту железнодорожных станциях Вилейка, Молодечно, Кривичи, Уша, Осиповичи и др. Кроме того, был усилен контроль в частях и подразделениях с целью не допустить революционной пропаганды среди солдат. В результате принятых мер последовали аресты: в Полоцке было арестовано 17 делегатов Петроградского Совета, в Могилеве – 3 человека от Московского Совета, остальным удалось скрыться.

Однако эти и другие меры командования не допустить распространения революции на фронт, оградить солдат от идеологического влияния на них партий революционной демократии успеха не имели. Всколыхнувшийся вестью о революции полуторамиллионный фронт приходил в движение. «Совершившийся государственный переворот создал в первый момент небывалый подъем общественного настроения и жгучее желание разобраться во всей сложности переживаемого момента», – отмечалось в одной из сводок военно-цензурного отделения штаба Западного фронта¹⁰³.

⁹⁸ Там же. Д. 1755. Л. 27.

⁹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 84–85.

¹⁰⁰ Там же. Л. 79.

¹⁰¹ Там же. Д. 1755. Л. 75.

¹⁰² Там же. Д. 1756. Л. 84.

¹⁰³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 81.

События первых дней революции говорили о том, что время единодушия, проявленного почти всеми слоями российского населения при свержении самодержавного строя, прошло. Наступал период резкой дифференциации политических сил в вопросах революции.

Буржуазия была против углубления революционного процесса и ограничивала задачи революции созданием буржуазной парламентской республики. Основной задачей общества она считала консолидацию всех сил для успешного ведения войны до полной победы. В армии такой взгляд на революцию разделял генералитет и часть офицерского корпуса. Вот, например, как определил задачи революции генерал Н. В. Рузский в своем письме от 4 марта 1917 г. Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву: «В настоящее время, после опубликования манифестов, формирования ответственного министерства и вступления такового в управление государством, о чем все войска и население широко оповещены, нет больше почвы для внутренней борьбы и нарушений нормальной жизни страны»¹⁰⁴.

По-своему видели задачи революции партии революционной демократии, создавшие Советы рабочих и солдатских депутатов. Так, Петроградский Совет, возглавляемый меньшевиками и эсерами, ставил «своей основной задачей организацию народных сил на борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления». Обращаясь к населению страны, Совет призывал к доведению борьбы до конца в интересах демократии и для этого предлагал «создать свою, собственную властную организацию»¹⁰⁵. Минский Совет приветствовал Временное правительство, но заявлял, что «рабочие и солдаты будут оказывать ему полную поддержку» лишь в том случае, если оно «будет неуклонно вести борьбу с приверженцами старой власти, охранять начала полной политической свободы для гражданского и военного населения, подготавливать созыв Учредительного собрания и установление демократической республики»¹⁰⁶.

Наиболее радикально настроенные силы – большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, имели свои задачи в революции. В манифесте РСДРП, с которым обратился «ко всем гражданам России» центральный орган этой партии, они в основном заключались в конфискации всех земель и передаче их народу, введении восьмичасового рабочего дня, созыве Учредительного собрания на основе прямого и тайного голосования, конфискации запасов, заготовленных прежним правительством для обеспечения продовольствием населения и армии, создании временного революционного правительства, «немедленной и неотложной» задачей которого явилось бы обращение к пролетариату всех воюющих стран с призывом превратить империалистическую войну в гражданскую против царских правительств и капиталистов своих стран, прекратить мировую войну и др.¹⁰⁷.

Отчетливо понимая, что успешное решение задач революции зависит от того, на чьей стороне окажется вооруженная сила – армия, все политические партии направили свои усилия на идейно-политическую пропаганду в войсках. Для этого они использовали периодическую печать, специальные листовки, делегирование своих представителей в части и подразделения. Наибольшим влиянием среди солдат в первые дни после революции пользовались вышедшие из

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 84.

¹⁰⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 81.

¹⁰⁶ Там же. С. 91.

¹⁰⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия: Сб. док. М., 1957. С. 3–4.

подполья самые многочисленные партии эсеров и меньшевиков. Важную роль в росте их авторитета сыграл приказ № 1 возглавляемого лидерами этих партий Петроградского Совета, направленный на демократизацию армии.

Верховное командование, сделав попытки оградить армию от политической пропаганды, вскоре убедилось, что этот путь таит в себе еще большую угрозу – рост недоверия солдат к офицерам и выход их из повиновения своим начальникам.

Деятельность Временного правительства с самого начала зависела от Петроградского Совета. Сообщая об этом главнокомандующим фронтами, Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев призывал их «стать тоже на путь компромиссов»¹⁰⁸.

Таким образом, непримиримая позиция командования по отношению к Советам в начале марта 1917 г. несколько изменилась к середине месяца. Причиной этого была все возрастающая популярность Петроградского Совета, в адрес которого поступали многочисленные, в том числе и с Западного фронта, поздравления с победой революции, просьбы о проведении разъяснительной работы, об оказании организационной помощи и по другим вопросам. Кроме того, Совет пошел на сближение с Временным правительством и командованием, ограничив влияние приказа № 1 о демократизации армии, против которого особенно выступало командование, рамками Петроградского военного округа, а в принятом 14 марта воззвании «К народам всего мира» от имени русских рабочих и солдат заявил о готовности «стойко защищать свободу от всяких реакционных посягательств – как изнутри, так и извне»¹⁰⁹. Все это дало понять Верховному командованию, что для обуздания стихийного солдатского движения, удержания солдат на фронте против внешнего врага можно успешно использовать революционно-демократические органы, и прежде всего Петроградский Совет. Поэтому не случайно генерал М. В. Алексеев в телеграмме главнокомандующим фронтами прямо признавал, что Петроградский Совет «в известной части состоит из умеренных, понимающих положение элементов, признающих необходимость продолжения войны до победы, сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам»¹¹⁰.

С первых дней революции непримиримую позицию к Временному правительству и непростотарским политическим партиям заняли только большевики. В телеграмме большевикам, возвращавшимся из эмиграции в Россию, вожь большевистской партии В. И. Ленин 6 марта 1917 г. просил их телеграфировать в Петроград: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству ... никакого сближения с другими партиями». Бюро ЦК РСДРП(б) в принятой 9 марта резолюции о войне заявило, что продолжение войны новым Временным правительством преследует те же захватнические цели, что и свергнутое царское правительство, с той лишь разницей, что стремится для этого «использовать движение революционной демократии, в частности революционной армии». Бюро ЦК партии подтверждало прежние партийные решения об отношении к захватническим войнам и заявляло, что «основной задачей революционной социал-демократии по-прежнему является борьба за превращение... антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей – господствующих классов»¹¹¹. Бюро ЦК РСДРП(б) считало это

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 139. Л. 51.

¹⁰⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 109–110.

¹¹⁰ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.

своей «неотложной и важнейшей задачей», для осуществления которой видело необходимым наладить связи с пролетариатом и революционной демократией воевавших стран для немедленного прекращения войны, проводить широкое и систематическое братание солдат на фронте, демократизацию армии на основе приказа № 1 Петроградского Совета, поддержать и усилить революционное движение народов против господствующих классов и их правительств во всех странах.

В заключение было заявлено, что революционная демократия станет защищать свободу от внешних врагов только тогда, когда завоюет эту свободу, и «только при революционной диктатуре пролетариата и крестьянства»¹¹².

Каждая из политических партий через призму своих взглядов на революцию стремилась создать представление о ней в массах. Через прессу, специально направляемых делегатов несли они сведения о революции и стоявших перед ней задачах и на Западный фронт. С этой целью в марте 1917 г. войска фронта посетили депутаты Государственной Думы члены партии кадетов Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко и Н. О. Янушкевич; более 20 депутатов Минской офицерско-солдатской комиссии, в основном меньшевики, бундовцы и эсеры, большевики Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев и С. Г. Могилевский. Все они, кроме большевиков, пропагандировали под лозунгами «Война до победного конца», «Защита свободы и революции»¹¹³ и т. п.

Пропаганда политических партий, направленная на продолжение войны в защиту родины, свободы и революции, на поддержание в войсках дисциплины и боеспособности, соответствовала курсу Временного правительства и командования и имела свои результаты. Во многих частях и подразделениях, в том числе и Западного фронта, на общих собраниях и заседаниях войсковых комитетов были приняты резолюции в поддержку Временного правительства и проводимой им политики. Такие резолюции были приняты солдатами и офицерами 676-го пехотного Зеньковского полка 169-й пехотной дивизии, 73-й пехотной дивизии 10-й армии, полковым комитетом 7-го гренадерского Самогитского полка 2-й гренадерской дивизии 2-й армии¹¹⁴ и некоторых других частей.

Резолюции с заявлением о полном доверии Временному правительству и доведении войны до победного конца были приняты на заседаниях офицерско-солдатских комитетов 1-й гренадерской дивизии 10-й армии, штаба 3-й армии, 7-й Сибирской стрелковой дивизии, 513-го Холмогорского и 515-го Пинежского пехотных полков 129-й пехотной дивизии, 5-й пехотной дивизии 2-й армии. С оборонческими резолюциями были направлены в Петроград и прибыли в Государственную Думу делегации от офицеров и солдат 15-го Тифлисского и 24-го Навтлугского гренадерских полков 2-го Кавказского корпуса 10-й армии¹¹⁵.

Вызванный революцией морально-политический подъем в войсках командование фронта стремилось использовать в войне против внешнего врага. Командующий 10-й армией сообщал в Ставку, что вызванный революцией «подъем духа нужно осторожно взять в руки и направить

¹¹² Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 28–29.

¹¹³ РГВИА. Ф. 2635. Оп. 1. Д. 53. Л. 1; Русское слово. 1917. 24 марта.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. 2900. Оп. 1. Д. 17. Л. 2; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 мая.

¹¹⁵ Смольянинов М. М. На пути к Великому Октябрю. Минск, 1987. С. 34.

в то русло, которое должно затем мощной лавиной обрушиться на внешнего врага»¹¹⁶. Главнокомандующий Западным фронтом, командующие армиями, командиры корпусов и другие начальствующие лица видели в революции средство успешного продолжения войны до победного конца. В своих приказах, распоряжениях и выступлениях они настойчиво проводили эту мысль.

Призыв правительства и командования к продолжению войны до победного конца был поддержан в войсках Западного фронта прежде всего офицерством. Рядовая солдатская масса восприняла этот лозунг не совсем однозначно. В полном составе поддерживали идею продолжения войны до полной победы казахи и артиллерийские части. С меньшим энтузиазмом отнеслись к этому пехотные части и подразделения, которые все больше проникались настроением в лучшем случае «не пускать врага дальше», но не наступать. «Много речей произносится на тему, что революция – средство победы, и это создало много адептов ее среди офицеров», – писал в середине марта в Петроградский Совет прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии И. А. Кушин¹¹⁷.

Принятые на общих собраниях частей и подразделений и заседаниях войсковых комитетов резолюции с заявлениями о полном доверии Временному правительству, о доведении войны до победного конца не всегда выражали общее настроение солдат. Об этом свидетельствовали с новой силой возобновившиеся с середины марта дезертирство – стихийная форма антивоенного движения солдат, а также братание солдат русской армии с солдатами противника.

Братанию предшествовал, как правило, обмен прокламациями путем подбрасывания их к проволочным заграждениям в виде листовок и больших плакатов. Причем инициатива в первое время исходила от солдат противника. Прокламации содержали информацию о революции в России, призывы к прекращению войны, пропаганду, направленную против союзников России – Англии и Франции, с целью раскола Антанты.

Командование русской армии боролось с этим явлением, применяя, наряду с разъяснительной пропагандой, и репрессивные меры. Из всех политических партий только большевики поддерживали братания солдат противоборствующих сторон, так как видели в них одну из форм антивоенного движения, а также считали их средством революционизирования солдат противника.

Вышедшие из подполья большевики в первые дни после революции были немногочисленны и разобщены. Их антивоенная пропаганда большого влияния на морально-политическое состояние войск еще не успела оказать. Однако провозглашенный ими лозунг «Долой войну!» стал широко известным в войсках и внес заметное смятение в сознание солдат Западного фронта. «Вопрос о войне фактически ставится уже жизнью. Читаются статьи, из которых узнают, что существует лозунг «Долой войну!» и т. п.», – писал в марте 1917 г. прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка И. А. Кушин в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов¹¹⁸. Антивоенные настроения солдат отмечали в своих сводках командование и военная цензура.

Таким образом, победа Февральской революции вызвала подъем морально-политического

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 41.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 10.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 11.

духа в войсках Западного фронта. Верховное командование и командование фронта, делавшие попытки не допустить распространения революции на фронт, вынуждены были уступить. Направив свои усилия на то, чтобы революционный подъем в войсках обратить против внешнего врага, они продолжавшуюся войну объявили войной в защиту революции и свободы. Для пропаганды под лозунгами «Война до победного конца», «Война в защиту революции» и другими на фронт были допущены агитаторы всех политических партий. Этим было положено начало политизации армейской жизни.

Победу Февральской революции в России в 1917 г., на наш взгляд, не следует оценивать однозначно. Свержение самодержавного строя, являвшегося тормозом общественного развития страны, предоставление демократических прав и политических свобод всем слоям населения было прогрессивным явлением. Однако в условиях войны, при низком образовательном и культурном уровне большинства населения политизация общества, и особенно армейской жизни, введение демократических начал во взаимоотношения между начальником и подчиненным, взгляд на эти отношения с классовых позиций подрывали дисциплину в войсках и их боеготовность, способствовали разложению русской армии.

2.2. Демократизация старой армии – основной фактор подрыва единоначалия командного состава

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, исходя из опыта революций в Европе середины XIX в., указывали на необходимость борьбы революционеров за демократизацию буржуазных армий как на одно из основных условий победы. Партии революционной демократии учитывали это требование в дни Февральской революции 1917 г. в России и после ее победы, направив свои усилия на демократизацию русской армии.

В. И. Ленин, идеями и указаниями которого руководствовались большевики, рассматривал борьбу за демократизацию старой армии как условие привлечения солдат на сторону пролетариата. Он указывал на необходимость лишить представителей эксплуататорских классов военной власти, ликвидировать их монополию на военные знания, разбить чиновничий аппарат. Пути решения этих вопросов В. И. Ленин видел в слиянии армии с народом, во введении выборности офицеров и чиновников, в отмене военной юстиции, в предоставлении солдатам гражданских прав¹¹⁹.

Активное совместное участие в Февральской революции рабочих и солдат Петрограда создало для партий революционной демократии положительные предпосылки в борьбе за демократизацию старой армии. По почину и примеру рабочих Петрограда и солдат столичного гарнизона, создавших Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, во всех запасных частях и подразделениях Петроградского гарнизона были созданы солдатские комитеты – по сути вторая власть.

Чтобы узаконить и придать организованный и повсеместный характер процессу демократизации армии, представители партий революционной демократии в Петроградском Совете разработали и издали 1 марта 1917 г. приказ № 1, приведший впоследствии к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу, смене солдатами начальников. Приказ № 1, по признанию генерала А. И. Деникина, дал «первый и главный толчок к развалу армии»¹²⁰.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 73.

¹²⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 134.

Этим приказом предписывалось во всех частях и подразделениях «немедленно выбрать комитеты» из выборных представителей от солдат. В соответствии с приказом комитеты должны были взять в свое распоряжение и под контроль все виды оружия и вооружения и «ни в коем случае не выдавать офицерам, даже по их требованиям». В неслужебное время солдатам предоставлялись общегражданские и политические права, отменялось исполнение некоторых атрибутов воинской дисциплины, таких как вставание во фронт, отдавание чести и т. п.¹²¹ На Западном фронте вспышки неповиновения солдат своим начальникам, случаи отстранения ими от командования и аресты офицеров появились уже после получения первых вестей о революции. Такие факты имели место в 200-й рабочей дружине 3-го Сибирского корпуса 2-й армии, в 21-м пехотном Муромском полку 6-й пехотной дивизии, в 101-м транспорте 21-го обозного батальона 3-й армии, в 673, 674 и 675-м пехотных полках 169-й пехотной дивизии 10-й армии¹²² и в других частях и подразделениях.

Поводом для незаконных действий солдат, как правило, являлись подозрения в приверженности начальника к старому государственному строю, попытки скрыть вести о революции, строгость к подчиненным, имевшие место злоупотребления служебным положением и другие причины.

С целью узаконить действия солдат, придать им силу и организованный характер представители партий революционной демократии в войсках Западного фронта приступили к созданию демократических органов власти – войсковых комитетов. Например, в 12-м Туркестанском полку 7-й Туркестанской дивизии 2-й армии сочувствовавший большевикам командир батальона, подполковник В. В. Каменщиков при попытке удалить из полка ненавистного солдатам, агитировавшего в защиту свергнутого царя подполковника Круссера не встретил поддержки со стороны командира полка и 7 марта принял решение создать полковой комитет¹²³. «У нас явочным порядком возникают Советы солдатских депутатов, которые в своей деятельности выходят за рамки, отведенные для частных организаций, и являются фактически официальным учреждением, обладающим долей власти»¹²⁴, – сообщал в середине марта 1917 г. в Петроградский Совет прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 1-й гренадерской дивизии 10-й армии И. А. Кушин.

Большое влияние на развитие процесса создания солдатских комитетов в войсках Западного фронта оказал приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сведения о котором получили значительное распространение. Это признавали командующие Особой и 3-й армиями, 178-й пехотной дивизией, 2-й армией, командиры 21-го Муромского и 114-го Новоторжского пехотных полков 3-й армии, 61-го Сибирского стрелкового полка 10-й армии. Приказ № 1, по словам одного из большевистских лидеров Беларуси и Западного фронта В. Г. Кнорина, «был той грамотой солдатских вольностей, которую ждала и прекрасно поняла и усвоила солдатская масса»¹²⁵.

¹²¹ См.: Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 17–18.

¹²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1780. Л. 241; Ф. 2110. Оп. 1. Д. 847. Л. 45; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1601. Л. 92; Ф. 2277. Оп. 1. Д. 452. Л. 241, 675; Ф. 2635. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–3.

¹²³ Каменшчыкаў В. За ўладу Саветаў (1917 год на Заходнім фронце). Мінск, 1959. С. 6, 11.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 9.

¹²⁵ Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925. С. 13–14.

Солдатские комитеты были второй властью в армии, как правило являлись оппозицией командному составу, контролирующим органом его действия. Их создание с самого начала преследовало цель подорвать единоначалие командного состава, разложить армию. «В день, когда мы сделали революцию, – признавал один из членов Петроградского Совета, меньшевик И. Гольденберг, – мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили... надлежащее средство»¹²⁶.

Верховное командование, командование фронта и армий, другие начальственные лица видели, какую угрозу несет для армии приказ № 1 Петроградского Совета. Однако никто не осмелился запретить его. Попытка ограничить полномочия этого приказа только рамками Петроградского военного округа полного успеха не имела. Прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии, недоумевая по поводу воззвания исполкома Петроградского Совета, ограничившего под давлением военных властей своим приказом № 2 действенность приказа № 1 рамками Петроградского военного округа, писал в Петроградский Совет: «Чем объясняется указание последнего воззвания Совета рабочих депутатов (по соглашению с Гучковым), что приказы № 1 и № 2 относятся лишь к Петрограду? Нежеланием ли на основании оценки общего положения, чтобы у нас это делалось явочным порядком, или у вас просто не знают, насколько бессилён кто бы то ни был воспрепятствовать созданию таких организаций, если их захотят создавать?»¹²⁷. «Как может так скоро меняться закон? Ведь ни в одном конституционном государстве честь не отдается, как теперь поставлено у нас?» – писал по тому же поводу с возмущением и пессимизмом в Петроградский Совет солдат А. Короложевич¹²⁸.

Временное правительство, видя нараставшее движение солдатских масс за предоставление им демократических прав, под давлением Петроградского Совета вынуждено было уступить. Приказом Военного министра А. И. Гучкова № 114 от 5 марта 1917 г. отменялись наименование «нижний чин», титулование, ограничения согласно уставу внутренней службы, воспрещавшие солдатам участие в общественных и политических организациях, езду в трамваях, курение на улицах и в общественных местах. От офицеров требовалось вежливое обращение с солдатами¹²⁹.

Командно-офицерский состав Западного фронта, в целом признавая необходимость реформирования русской армии, неоднозначно относился к способам и времени проведения военной реформы. За немедленное проведение военной реформы путем демократизации русской армии выступали в основном младшие офицеры, главным образом пришедшие в войска в ходе войны из студенческой среды, не знавшие военного быта и армейских традиций. Кадровые офицеры, особенно генералитет, связавшие свои судьбы с жизнью армии, имевшей вековые традиции, выступили против поспешной их ломки, за осторожное проведение военной реформы с учетом военного времени. «Считаем нравственным долгом выяснять на основании ближайшего наблюдения за войсками, влияние на боеспособность армии, которое оказывают,

¹²⁶ Цит по: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 136.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 8–9.

¹²⁸ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29.

¹²⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 424.

как практикуемый ныне способ проведения военных реформ, так и сущность этих реформ. Большинство касающихся армии распоряжений Временного правительства, объявленных «с согласия», а вернее под давлением Петроградского Совета, ведут к разрушению основ организации боевой силы государства и не дают возможности планомерно претворить в жизнь армии новые начала ее устройства. Мероприятия проводятся с вредной поспешностью, не считаясь ни с боевой подготовкой, ни с основами военного дела, ни с мнением военных, ни с поставленной самим правительством целью довести войну до победного конца», – записали в принятом 27 марта 1917 г. на собрании постановлении офицеры Генерального штаба Особой армии¹³⁰.

Офицеры Генерального штаба Особой армии упрекали Петроградский Совет за подрыв авторитета начальника в армии. В принятом постановлении в частности говорилось, что «Петроградский Совет, широко пользуясь печатью, свои постановления и проекты делает достоянием широких войсковых масс, которые в большинстве не могут уяснить себе необязательный характер этих сообщений и принимают их за новые указания, особенно когда они касаются расширения личных прав солдата», что «попытки офицеров выяснить истинный характер и необязательность для действующей армии этих постановлений зарождают в солдатской массе подозрение, что офицеры скрывают от них установленные Временным правительством льготы, и возбуждают недоверие к ним и даже враждебные чувства», и что «все постановления и проекты реформ, имеющие благую цель – демократизацию армии и предоставление солдатам гражданских прав, при умолчании об обязанностях, создали впечатление противопоставления солдатских масс офицерскому корпусу, а в итоге – вместо разрушения главным образом классовой перегородки, существовавшей между офицером и солдатом, воздвигается глухая стена морального разъединения»¹³¹. Большие возражения командного состава на Западном фронте – от командиров полков до командующих армиями – вызвало предоставление военным служащим права участия в политической жизни, в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью. Опытные военачальники видели в политизации армейской жизни в условиях многопартийности и межпартийной борьбы за власть роковые последствия для армии – «брожение умов, подрывающее боевую мощь армии», «разброд, падение дисциплины и разложение армии». Некоторые командиры предлагали отложить предоставление военным служащим такого права, по крайней мере «до определения его Учредительным собранием»¹³².

Хорошо знавшие жизнь и быт войск командиры считали даже нежелательным отмену казалось бы мелких ограничений, установленных солдатам уставом, таких как воспрещение курения на улицах и в других общественных местах, посещения ими трактиров, буфетов и ресторанов, так как это, по их мнению, «вследствие отсутствия достаточного развития и воспитания у большинства солдат, повлечет целый ряд поступков, не допустимых с точки зрения воинской дисциплины»¹³³.

Свои опасения и предостережения по случаю проводимой демократизации армии командный состав высказывал в телеграммах Военному министру. Однако последний, как и все

¹³⁰ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121.

¹³¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121.

¹³² Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 68.

¹³³ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 66. Л. 267.

Временное правительство, находился под сильным давлением Петроградского Совета, за которым стояли вооруженные силы.

Делая уступки сам, Военный министр А. И. Гучков призывал к этому и Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. Например, в разговоре по прямому проводу он предлагал ему отстранять от командования «заведомо неспособных генералов», чтобы упрочить свое положение. Причем советовал эти решения принять «безотлагательно, лучше сделать эти шаги добровольно, чем под принуждением»¹³⁴. Так, уже 11 марта был уволен в отставку главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт. Таким же путем был уволен в резерв командир 3-го армейского корпуса генерал Г. Е. Янушевский. Согласно выработанной Военным министром совместно с Верховным главнокомандующим «программе обновления командного состава», подлежали замене и другие командиры и военачальники. Всего из частей и соединений Западного фронта к июлю 1917 г. были удалены или ушли по причине выраженного им недоверия 35 командиров и начальников¹³⁵.

Менялась тактика Верховного командования и по отношению к выборным солдатским организациям. Ставка, видя, что воспрепятствовать созданию солдатских комитетов невозможно, приняла решение руководить этим процессом: в состав созданных явочным порядком комитетов ввести офицеров для контроля за их деятельностью и направления этой деятельности на поддержание воинской дисциплины и порядка в войсках, на повышение их боеспособности, там же, где комитеты еще не были созданы, взять дело их создания в свои руки¹³⁶. Предписывая это главнокомандующим фронтами, генерал М. В. Алексеев в своей телеграмме от 11 марта заключал: «Исключительность переживаемых событий и быстрое их развитие заставляют выйти из рамок обычных мероприятий, прибегнуть к приемам исключительным, лишь бы достигнуть цели»¹³⁷.

В целом содержание телеграммы было пессимистичным. В ней говорилось о начинавшейся дезорганизации, бессилии правительственного аппарата и развале армии, демагогической деятельности Петроградского Совета, тяготевшей над Временным правительством, о вмешательстве того и другого в управление армией. В качестве средства, противодействующего развалу армии, намечалась посылка в войска делегатов из состава Государственной Думы и Петроградского Совета для убеждения солдат.

Все это свидетельствует о том, что Ставка Верховного главнокомандования уже в первые дни революции проявила растерянность и упустила из своих рук управление армией. Между тем, по мнению генерала А. И. Деникина, вскоре назначенного начальником штаба Верховного главнокомандующего, «грозный окрик верховного командования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, быть может, мог поставить на место переоценивавший свое значение Петроградский Совет, не допустить «демократизации» армии и оказать соответственное давление на весь ход политических событий, не нося характера ни контрреволюции, ни военной диктатуры»¹³⁸.

¹³⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1759. Л. 120.

¹³⁵ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 28.

¹³⁶ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 139.

Телеграмма Верховного главнокомандующего явилась официальным документом, узаконившим создание войсковых комитетов в русской армии. После ее получения главнокомандующий Западным фронтом, командуя 2, 3 и 10-й армиями приступили к осуществлению содержащихся в ней указаний главноверха, создав 15 марта офицерско-солдатские комитеты при штабах армий, а также приказав «теперь же приступить» к выборам комитетов в частях и подразделениях фронта.

Развернулась массовая работа по созданию войсковых комитетов в соединениях, частях и подразделениях фронта. С этой целью созывались организационные собрания, которые, как правило, открывал начальник. При отсутствии общих правил создания и регламента деятельности во многих корпусах и дивизиях разрабатывались местные временные положения о комитетах, которые в основном являлись плодом деятельности интеллигенции – командно-офицерского состава. Общими в них были лозунги, определяющие цель организации: всемерная поддержка Временного правительства, война до победного конца, поддержание дисциплины и боеспособности армии, единение офицера и солдата. Создание войсковых комитетов происходило без каких-либо заметных трений и эксцессов между командно-офицерским составом и рядовой солдатской массой. К концу марта 1917 г. во многих частях и подразделениях фронта были созданы офицерско-солдатские комитеты. В их организации и работе не было единой системы. Соотношение представительства от солдат и офицеров в них также было разным. Например, в комитетах полкового звена оно соответственно колебалось от 3: 1 до 6: 1.

Созданием смешанных офицерско-солдатских комитетов, совместной работой офицерских и солдатских депутатов в них и в войсковых формированиях командование преследовало цель удержать солдат в повиновении, сблизить их с офицерами, повысить дисциплину в войсках и боеспособность. Деятельность комитетов оно стремилось направить на решение хозяйственно-бытовых вопросов, сделать их арбитрами при урегулировании тех многочисленных конфликтов, которые возникали между офицерами и солдатами.

Военное министерство, командование Западного фронта, опасаясь крупных волнений в войсках, с первых дней революции в своих распоряжениях призывали командно-офицерский состав соединений, частей и подразделений трения и конфликты решать не силовым методом принуждения, а улаживать их спокойно, сдержанно, путем убеждения и разъяснительной работы. Военный министр А. И. Гучков уже в первых числах марта 1917 г. в ответ на мнение главнокомандующего Западным фронтом о недопустимости в армии замены военных начальников явочным порядком, «помимо существующего высшего начальства», уведомлял его, что с такими фактами «следует бороться мягкими средствами, не возбуждая раздражения, чтобы не помешать тому успокоению, которое наступает в Петрограде», и полагал, что «все зависит от такта начальствующих лиц»¹³⁹. Содержание телеграммы Военного министра было немедленно передано в войска, как указание, которым следовало руководствоваться командирам и начальникам.

Командиры и начальники на Западном фронте стремились следовать этим указаниям, прикладывали все усилия к тому, чтобы успокоить войска, призывали солдат и офицеров к взаимному единению, обращали их внимание на необходимость повышения дисциплины и поддержания боеспособности войск, сосредоточить все внимание в сторону внешнего врага. С этой целью они лично совершали поездки в части и соединения фронта, разъясняли солдатам и

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 66. Л. 298.

офицерам характер совершившейся революции и стоящие перед войсками фронта задачи.

«Объезжаю лично войска, но не могу поспеть везде в одно время, – сообщал в секретной телеграмме от 15 марта командующий 3-й армией генерал Л. В. Леш командирам 3, 31, 46 и 4-го конного корпусов этой армии, – необходимо твердое, честное признание нового строя начальниками, поддержание порядка нравственным тактичным воздействием без строгих мер. Надо войти в более сердечные и простые отношения с подчиненными, совершенно отрешившись от старых порядков, и признать открыто невозможность возвращения к старому строю», – рекомендовал он комкорам¹⁴⁰. Неоднократные поездки для проведения разъяснительной работы совершал в войска командир 15-го армейского корпуса 3-й армии генерал И. З. Одишелидзе, другие военачальники.

На успокоение солдатских масс, поддержание дисциплины в войсках и их боеспособности командование фронта стремилось нацелить агитационную пропаганду прибывавших на фронт членов Временного правительства (А. И. Гучков, А. Ф. Керенский), депутатов Государственной Думы (Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко, Н. О. Янушкевич), Петроградского Совета (Н. Д. Соколов, Д. П. Михайлов и др.), Минского Совета и Минской офицерско-солдатской комиссии (Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев, С. Г. Могилевский, М. А. Михайлов (М. В. Фрунзе), Н. Хватов, Н. Квасов, Мореншильд, Г. Хасин, И. Утевский, А. Фишгендлер, Б. Фрумкин и др.), а также делегации Кронштадтского Совета, Черноморского флота и др.

Проводимая в войсках разъяснительная и агитационная работа давала только частичные результаты. Посещавшие войска делегаты, принадлежащие к разным полюсам общества, различным политическим партиям, нередко имевшим диаметрально противоположные цели и задачи в революции, вносили в сознание солдат еще большее смятение, вызывали подозрение и недоверие к тем, кто призывал к повиновению командирам, повышению дисциплины и боеготовности, к продолжению войны. Например, выступление кадета Н. Н. Щепкина перед солдатами и офицерами частей и подразделений 3-го Сибирского корпуса 2-й армии вызвало недоверие солдат к оратору по той причине, что он допустил критику деятельности Петроградского Совета и призывал «чрезвычайно осторожно относиться к сведениям» из революционно-демократической печати. «Это, – говорили солдаты, – не настоящий депутат, это переодетый полковник... Подавайте нам настоящих депутатов»¹⁴¹. За пропаганду повиновения требовавшему подготовки к наступлению на фронте командованию были избиты и арестованы солдатами на четырехтысячном митинге в 703-м пехотном Сурамском полку 2-й Кавказской гренадерской дивизии 10-й армии делегаты исполкома Петроградского Совета во главе с сенатором Н. Д. Соколовым¹⁴².

Не оправдался расчет командования и на помощь создаваемых войсковых комитетов в поддержании воинской дисциплины, в повышении авторитета начальников, в сдерживании и предотвращении развития процесса выборного начала в частях и подразделениях фронта. Наблюдался рост числа случаев неуважительного отношения подчиненных к своим начальникам, нарушения воинской дисциплины на почве неотдания чести. Возобновился процесс дезертирства солдат с фронта. Развивалось братание солдат русской армии с солдатами противника. Продолжались случаи выраженного солдатами недоверия своим командирам,

¹⁴⁰ Там же. Л. 233.

¹⁴¹ Русское слово. 1917. 24 марта.

¹⁴² РГВИА. Ф. 2606. Оп. 1. Д. 1. Л. 190.

устранения их от командования или попыток к этому. Причем под давлением солдат только созданные войсковые комитеты принимали постановления об удалении неугодных командиров и начальников, замене их новыми. Такие факты во второй половине марта имели место в 1-й артиллерийской бригаде, 711-м пехотном Нерехтском полку 2-й армии, в 23-м пехотном Низовском полку 6-й пехотной дивизии, в одном из полков 181-й пехотной дивизии, в 28-м военно-дорожном отряде, 151-й хлебопекарне 15-го армейского корпуса 3-й армии¹⁴³, в других частях и подразделениях Западного фронта.

Движение солдатских масс за предоставление права выборного начала и осуществление этого права под давлением комитетов явочным порядком приняло на Западном фронте такой широкий размах, что помимо запретных распоряжений Временного правительства, Военного министра и приказов Верховного главнокомандующего, заставило главнокомандующего фронтом генерала В. И. Гурко дважды (25 и 27 марта) специально обратиться к войскам с приказами, разъяснявшими незаконность и пагубность для армии этого явления и категорически запрещающими производить какие-либо перемены в командном составе «помимо распоряжений Временного правительства или высшей военной власти»¹⁴⁴.

За самовольные действия в имевших место случаях ареста командиров и их устранения никто никакой ответственности не понес, а результаты выборов начальников не были аннулированы. Напротив, в одном из приказов (от 25 марта 1917 г.) главкозап В. И. Гурко объявлял, что «все произошедшие до времени этого приказа случаи самоуправства» им забыты и он «ставит на них крест», пригрозив лишь судебной ответственностью, если подобные действия будут повторяться впредь. Все это в какой-то мере потворствовало незаконным действиям, еще больше подрывало авторитет командного состава. Борьба за введение выборного начала в русской армии продолжалась вплоть до Октябрьской революции, после победы которой выборность командного состава стала реальностью.

Следует отметить, что в падении авторитета командира, подрыве статуса единоначалия в русской армии в немалой мере был повинен сам командно-офицерский состав. Руководствуясь принципом целесообразности, командиры и начальники сосредотачивали основное внимание на боевую и оперативно-тактическую подготовку войск, меньше уделяли внимания их морально-политическому состоянию. В результате в целом командно-офицерский состав оказался неподготовленным к тем явлениям и процессам, которые были развязаны Февральской революцией в русской армии. «Офицерство переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искали разрешения вопросов мятущейся совести», — отмечал позже генерал А. И. Деникин¹⁴⁵. В донесении командующему 3-й армией о политическом настроении войск 15-го армейского корпуса комкор генерал И. З. Одишелидзе отмечал, что «в разных частях это настроение разное, в зависимости от близости к ним офицеров, достаточной интеллигентности их и желания вникнуть в душу солдата и в суть происходящих великих событий. К сожалению, большая часть офицеров и

¹⁴³ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1735. Л. 89; Ф. 2208. Оп. 8. Д. 14. Л. 195, 319–320; Д. 15. Л. 13–16; Ф. 2637. Оп. 1. Д. 82. Л. 406.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 4. Д. 3. Л. 19; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1602. Л. 219.

¹⁴⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 114.

ближайшего к полкам командного состава недостаточно интеллигентна, не понимает ясно самой сущности Великого переворота, не чувствует и не видит страстной тоски солдатской массы по интеллигентным руководителям, душевно к ним относящимся и толково, просто разъясняющим им сущность вопросов и событий, нахлынувших внезапно и требующих немедленного реагирования, ... офицерский состав, пришибленный первым взрывом солдатского недружелюбия и обезличенный событиями и распоряжениями свыше, игнорирующими их специальные интересы, как-то съезжился, притих, замолк и в комитетах больше безмолвствует...»¹⁴⁶

Таким образом, демократизация старой русской армии, процесс которой был начат после победы Февральской революции в России, явилась основным фактором подрыва единоначалия командного состава. Партии революционной демократии, поставившие цель разложить старую армию, как основной оплот самодержавия, чтобы не допустить реставрации последнего, добивались этого настойчиво и планомерно. Основной удар по единоначалию в войсках был сделан созданием войсковых комитетов, явившихся, по сути, второй властью в армии.

Создание войсковых комитетов, передача командованием в их ведение, хотя и второстепенных по значимости, хозяйственно-бытовых вопросов явилось отходом от единоначалия, поставило командование перед не прекращавшейся до Октябрьской революции борьбой за сохранение дисциплинарной власти и авторитета начальника со стремившимися к расширению своих прав комитетами вплоть до введения выборного начала и вмешательства в оперативно-боевое управление войсками.

2.3. Влияние политизации армейской жизни на дисциплину и боеготовность войск

С первых дней победы Февральской буржуазно-демократической революции вышедшие из подполья политические партии развернули борьбу за влияние на массы. Лидеры всех политических партий понимали, что исход революции главным образом будет зависеть от того, на чьей стороне окажется армия. Именно поэтому армия стала ареной наиболее острой межпартийной борьбы.

Действенным средством воздействия на солдатские массы являлась идеологическая пропаганда в войсках. На Западном фронте существовал довольно широкий спектр политических партий: социалисты-революционеры (эсеры), народные социалисты (энесы), конституционные демократы (кадеты), меньшевики, большевики, национальные партии. Однако после выхода из подполья все они были немногочисленными и представляли собой небольшие разрозненные группы, не имевшие связи между собой и с партийными центрами.

Наиболее значительными по численности после Февральской революции на Западном фронте были эсеры. Так, среди делегатов 1-го фронтового съезда, состоявшегося в первой половине апреля 1917 г., 40 % составляли социалисты-революционеры. Более высоким был удельный вес эсеров в создаваемых на фронте солдатских комитетах, начиная с полковых и выше. Членами эсеровской партии являлись многие офицеры, военные чиновники, а также солдаты.

Значительно уступали эсерам по численности меньшевики. Членами меньшевистской партии являлись прежде всего представители военной интеллигенции (медицинские и ветеринарные врачи, работники военной печати, небольшая часть солдат – бывших рабочих).

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 15. Л. 142.

Представители меньшевиков также входили в состав войсковых комитетов.

Меньше по численности, по сравнению с эсерами и меньшевиками, на Западном фронте было энесов и кадетов. В кадетскую партию входили в основном представители высших офицеров. Занимая высокое служебное положение, они имели большие связи с Временным правительством и его учреждениями, с аппаратом Земского и Городского союзов и располагали большими материальными и моральными возможностями влиять на солдатские массы.

Организаций партий большевиков в момент Февральской революции на Западном фронте и прифронтовой полосе не было. В частях фронта действовали отдельные большевики. Например, в 31-м пехотном Алексеевском полку 3-й армии разъяснительную работу среди солдат проводил большевик М. С. Хомутов, в 220-м пехотном Скопинском полку – И. Васильев, в 18-м гренадерском Карском полку 2-й армии – Ф. Д. Захаркин, в 32-м Кременчугском пехотном полку – Исаев и Воротников, в 25-м Сибирском стрелковом полку – Иванов, Кузнецов и Радкевич, в 722-м пехотном Салтыково-Неверовском полку – А. М. Пыжов¹⁴⁷ и др.

Связи между собой и с партийными центрами большевики фронта не имели. И только в первые дни революции в Минске встретились М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорин, И. Е. Любимов, И. Г. Дмитриев и др.

В марте стали создаваться первые партийные организации в прифронтовой Беларуси: объединенная большевиков, меньшевиков и бундовцев в Минске – 11 марта, большевистская в Бобруйске – 17 марта, большевистская в Гомеле – 6 апреля и др.

После выхода из подполья большевики фронта развернули работу по укреплению имевшихся и созданию новых партийных групп, ячеек и организаций, активизации их работы в действующей армии. В первые же дни после победы революции были созданы большевистская группа в 8-м понтонном батальоне 3-й армии и ячейка в 18-м гренадерском Карском полку 2-й армии, на базе созданной накануне революции большевистской группы – партийная организация в 15-м инженерном полку 3-й армии¹⁴⁸.

Вышедшие из подполья и вновь создаваемые партийные группы, ячейки и организации всех партий открыто повели пропаганду среди солдат и местного населения. Развернулась острая идеологическая борьба за массы, основными вопросами которой были война, ее продолжение или прекращение, а также проблемы собственности на землю, власти, государственного устройства России и др. Причем взгляды на пути решения этих вопросов у крайне правых (кадетов, энесов) и левых (большевиков, меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров) партий были диаметрально противоположными.

После свержения самодержавия и перехода власти в руки буржуазии стратегическая цель кадетов заключалась в укреплении этой власти. Основным направлением, на котором кадеты сосредоточили свои усилия, была борьба за ликвидацию двоевластия, устранение Советов и сосредоточение всей власти в руках Временного правительства, в котором они видели главный орган единовластия демократии и которое по своему духу, программе и составу было кадетским.

Кадеты и контролируемое ими Временное правительство стояли за продолжение войны до победного конца, поэтому откладывали решение главных социально-экономических и политических проблем – наделение крестьян землей, официальное введение восьмичасового

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 14. Л. 15; Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. 1990. № 5. С. 51.

¹⁴⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 80.

рабочего дня и других положений рабочего законодательства, разрешение национального вопроса. Главный их довод заключался в том, что эти реформы конституционного порядка и могли быть решены только Учредительным собранием. Кроме того, кадеты считали, что для подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание потребуется время, а для организации выборов и наибольшего охвата ими солдат лучше всего их провести после войны или, в крайнем случае, в осенне-зимний период, когда снизится активность военных действий.

В то же время большевистская партия выступала за радикальное и быстрое решение всех важнейших проблем в интересах трудящихся – прекращение империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую против правительств воюющих стран, немедленную конфискацию помещичьих земель и передачу их через земельные комитеты безземельным крестьянам, немедленное введение восьмичасового рабочего дня, решение других социальных и политических вопросов, не дожидаясь Учредительного собрания.

Что касается вопроса о власти в стране, то Центральный комитет партии большевиков уже 27 февраля обратился с манифестом «Ко всем гражданам России», в котором, сообщая о свержении царского самодержавия и победе революции в Петрограде, призывал рабочих и солдат «создать Временное республиканское правительство». В обязанность такового и ставилась задача немедленного решения всех важнейших проблем, и прежде всего – «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих поработителей и угнетателей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, навязанной поработенным народам»¹⁴⁹.

Представители каждой политической партии через призму программы той партии, к которой они относились, стремились формировать у солдат представление о революции и способах решения назревших политических и социальных проблем.

Не имея достаточных для пропаганды сил на фронте и четкого направления агитации, представители политических партий обращались за помощью в центральные партийные органы. «Здесь я один на много тысяч человек, хоть сколько-нибудь разбирающийся в политических вопросах. А впереди ведь производство выборов в Учредительное собрание, да и сейчас так много всяческих вопросов», – сообщал в Петроград меньшевик-интернационалист прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка И. А. Кушин одному из своих коллег по партии и просил его «связать со всеми старыми товарищами», «ввести в курс дел» и подсказать «что делать? Как делать?»¹⁵⁰. «Прошу возможно скорее выслать программы социал-демократической и социал-революционной партий», – обращался в Петроградский Совет из 31-го пехотного Алексеевского полка И. М. Соколов, еще не знавший «где обосновались комитеты этих партий»¹⁵¹. Подобных примеров можно привести множество.

В первые дни после Февральской революции Западный фронт в политическом отношении представлял собой аморфную массу, не имевшую какой-либо четко выраженной политической окраски. «Солдаты здесь примитивны, политический смысл происшедшего им недостаточно ясен. ... Но жадность к политическим вопросам очень велика...»¹⁵², – так характеризовал

¹⁴⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 80.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 520. Л. 1.

¹⁵¹ Там же. Л. 19.

¹⁵² Там же. Д. 554. Л. 8.

ситуацию на фронте в письме своему коллеге по партии в Петрограде один из меньшевиков.

Эту благодатную для политической агитации среду и стремилась использовать в своих интересах каждая из политических партий. Уже 2 марта главнокомандующему Западным фронтом стало известно о делегации в 50 человек, следовавшей из Великих Лук в Полоцк для революционной пропаганды в войсках фронта. 4 марта 17 человек, следовавших с такой же целью из Петрограда, были арестованы в Полоцке.

В это же время в Могилеве была рассеяна команда, отправившаяся на фронт от Московского исполнительного комитета.

Командование, пытавшееся первое время препятствовать проникновению на фронт агитаторов из представителей социалистических партий путем применения жестких мер – вплоть до арестов и расстрелов, вынуждено было уступить. Исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев 11 марта в телеграмме главнокомандующим фронтами, признав бессилие Ставки и Временного правительства в борьбе против проникновения на фронт распоряжений и воззваний Петроградского Совета, а также видя опасность агитационной пропаганды в войсках со стороны создавшихся в городах тыла местных Советов, считал необходимым пойти на компромисс. В частности, для ведения пропаганды в войсках он предлагал организовать «особые комитеты из подходящих работников, рекомендованных Думой или правительством», то есть представителей буржуазных партий¹⁵³.

Главкомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, в принципе соглашаясь с предложением генерала М. В. Алексеева создать такие комитеты, намерен был все-таки отвести им в деле пропаганды лишь вспомогательную роль, как состоявшим «из посторонних армии не военных людей», да и то при условии введения в их состав «лучших людей из недр самой армии». Основную ставку в идеологической пропаганде в войсках он делал на командно-офицерские кадры из «числа преданных новому строю»¹⁵⁴.

Однако следует отметить, что этот расчет главкозапа, как показали последующие события, не оправдался. Офицерский корпус в ходе Первой мировой войны претерпел значительные изменения. Кадровое офицерство, главным образом дворянского происхождения, в ходе военных сражений к 1917 г. было в значительной степени истреблено. На смену пришли молодые офицеры – выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, которые вынуждены были подчиняться неписаным законам замкнутой организации дворянской части командного состава. И хотя многие из офицеров военного времени встретили революцию сочувственно, перешли на службу Временному правительству, примкнули к партиям меньшевиков и эсеров, составив обширный слой комитетской иерархии, тем не менее солдаты в большинстве случаев инстинктивно не доверяли им, считая их частицей эксплуататорско-дворянского класса. «Солдаты видят в офицере барина и невольно отождествляют его со старым режимом», – вынужден был признаться в одном из донесений Верховному главнокомандующему главкозап генерал В. И. Гурко¹⁵⁵.

Кроме того, само офицерство в сложившейся ситуации оказалось не на высоте положения. Во многих случаях оно было не только профессионально не подготовлено для

¹⁵³ Смольянинов М. М. На пути к Великому Октябрю. С. 19.

¹⁵⁴ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 29–30.

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 428.

агитационно-политической работы среди солдат, но и открыто выступало против политизации войск вообще. «Офицерство не только абсолютно невежественно, оно скрыто враждебно относится к таким вещам, как предоставление солдатам политических прав. Особенно офицерство высшее, начиная со штаб-офицеров», – сообщал в Петроградский Совет один из младших офицеров 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии¹⁵⁶.

Командиры с большим жизненным и боевым опытом с самого начала увидели в политизации армии то большое зло, которое приведет к падению дисциплины и боеспособности войск, к полному разложению армии, и высказывались против нее. Например, командир 634-го пехотного Новокиевского полка считал, что вмешательство во внутреннюю жизнь действующей армии политических партий приведет к разрушению основанных вековыми традициями устоев, вызовет опасное брожение умов, подорвет боевую мощь армии и отвлечет ее от выполнения своего долга перед родиной¹⁵⁷. Совершенно не совместимым с духом военной службы считал участие военнослужащих в политическом движении командир 31-го армейского корпуса генерал Мищенко, так как это, по его мнению, вызовет «самые тяжкие последствия, внося в войска разброд, страсть и разложение, гибельные для армии и отечества»¹⁵⁸. Против предоставления права военнослужащим участвовать в «различных союзах, обществах и организациях, образуемых с политической целью», высказался командир 1-го Сибирского корпуса генерал М. М. Плешков, считая, что «устройство общедоступных митингов и собраний с политической целью ... неминуемо приведет к полному развалу дисциплины, а без дисциплины армии нет, а есть только толпа»¹⁵⁹. «Недопустимым участие чинов армии в обществах, союзах, кружках, образуемых с политической целью», – считал инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса генерал Андреев, так как «армия должна быть солидарна, преследовать одну общую цель, достижение же этого невозможно, если армия будет состоять из групп разных политических партий и сообществ, добивающихся разных, часто противоположных целей»¹⁶⁰.

Однако командование не могло противостоять разворачивавшемуся процессу политизации войск, который осуществлялся главным образом тремя путями – делегированием в войска политическими партиями своих представителей для ведения устной пропаганды, путем направления периодической печати, а также путем совместного пребывания солдат с рабочими в Советах, участия в различных шествиях, манифестациях и митингах.

В сложившейся ситуации Временное правительство, Военное министерство, Ставка Верховного главнокомандующего и командование фронта поощряли пропаганду в войсках прежде всего представителей буржуазных партий, которые пропагандировали необходимость продолжения войны до победного конца. С этой целью Временным правительством уже в марте на Западный фронт были командированы члены Государственной Думы кадеты Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко, Н. О. Янушкевич и др. Командование фронта благоприятствовало их

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 9.

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 62. Л. 33–34.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1760. Л. 46–47.

¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 364. Л. 68.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 2185. Оп. 2. Д. 66. Л. 266.

поездкам, организовывало встречи в частях и соединениях¹⁶¹.

Для агитационной пропаганды штаб Западного фронта направлял в войска группы агитаторов из служащих Всероссийского земского союза, других тыловых учреждений, в основном меньшевиков и эсеров. Такие поездки, как правило, использовали и большевики для пропаганды своих взглядов. 22 марта в составе одной из таких групп, направленных штабом фронта по рекомендации Минской офицерско-солдатской комиссии, в части 3-й армии выехали большевики М. Михайлов (М. В. Фрунзе), И. Г. Дмитриев, С. Г. Могилевский. В конце марта на фронт была направлена группа из 16 агитаторов, в их числе большевики Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев и С. Г. Могилевский. Согласно выданному штабом фронта удостоверению, агитаторам разрешалось пребывать на фронте в течение двух недель¹⁶². В своих выступлениях меньшевики и эсеры призывали к продолжению оборонительной войны в защиту революции и свободы, большевики – к прекращению империалистической войны, к немедленному заключению справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций на основе права свободного самоопределения народов.

Отношение к пропаганде политических партий в войсках фронта не было однозначным. К агитации и пропаганде буржуазных партий с одобрением и поддержкой относились генералитет и офицерство (особенно высшее), артиллерийские части и казачество. Основная солдатская масса фронта не доверяла буржуазной пропаганде, прежде всего, по причине пропаганды лозунга «Война до победного конца» и нападок на Петроградский Совет. Им больше импонировал лозунг, пропагандируемый партиями революционной демократии, – «Война в защиту революции и свободы».

Большую роль в политизации армии играла периодическая печать разных политических партий. Достоинством данного источника был громадный объем информации, а недостатком – ее «многоцветность» и противоречивость. Каждая партия подавала ее со своих политических позиций, с точки зрения того класса общества, интересы которого она выражала. Уже к июню 1917 г. на фронт поступало до 50 наименований газет и листов. Наиболее известными из них были кадетская «Речь», эсеровская «Дело народа», меньшевистские «Рабочая газета», «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», другие газеты, которые в основном оправдывали политику Временного правительства продолжения войны. Диссонансом являлись лишь большевистские газеты «Правда», «Окопная правда», «Солдатская правда», пропагандировавшие прямо противоположную кадетам, эсерам, меньшевикам, энесам и другим партиям политическую линию.

Значительную роль в политизации войск сыграли войсковые комитеты. Несмотря на стремление командования ограничить деятельность комитетов рассмотрением хозяйственно-бытовых вопросов, на их заседания выносились и рассматривались также и политические вопросы: о текущих событиях, об отношении к Временному правительству и Петроградскому Совету, о братании с противником, о наступлении и многие другие.

Масштабностью и эффектом политического влияния на солдатские массы фронта отличались собрания, митинги и демонстрации, проходившие в прифронтовой полосе и насчитывавшие от нескольких сот до десятков тысяч участников. Неслучайно с ними командование во многих случаях связывало упадок дисциплины и возникавшие эксцессы в частях и подразделениях. Например, командир 61-го Сибирского стрелкового полка 1-го

¹⁶¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1755. Л. 63–64; Ф. 2110. Оп. 1. Д. 847. Л. 48; ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 6. Л. 175.

¹⁶² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1601. Л. 32; Оп. 3. Д. 279. Л. 522.

Сибирского корпуса полковник Травников считал, что первое проявление волнений в полку, выразившихся в попытке его ареста, было связано с возвращением «из местечка Красное солдата Лихолетова, где он был на митинге и где, как обязательное, приняли приказ № 1 Петроградского Совета рабочих депутатов»¹⁶³.

Огромное значение в политизации войск сыграли Советы рабочих и солдатских депутатов. Уже в первые дни после их создания Советы направляли в войска своих делегатов для проведения агитационно-разъяснительной работы. Солдаты, считая Советы рабочих и солдатских депутатов органами революционно-демократической власти, видели в них выразителей своих интересов. Особой популярностью у солдат и демократически настроенных офицеров на Западном фронте пользовались Петроградский, Минский, а также Московский, Киевский и другие Советы. Нередко, не доверяя пропаганде буржуазных партий и их прессе, солдаты обращались за разъяснением вопросов политической и государственной жизни, прежде всего, в Петроградский и Минский Советы, направляя туда делегатов, просили прислать агитаторов или литературу¹⁶⁴.

Набиравший темпы процесс политизации армии охватывал все новых и новых субъектов – солдат и офицеров, каждый из которых в зависимости от своего индивидуального сознания, социальной принадлежности занимал политическую позицию. Все это, несмотря на призывы командования, агитаторов всех политических партий (кроме большевиков) к единению офицеров и солдат во имя укрепления дисциплины и боеспособности, приводило ко все большему их разобщению, росту недоверия солдат к командно-офицерскому составу, падению дисциплины в войсках и их боеспособности. Об этом неоднократно с тревогой заявляли командиры и начальники всех степеней. «Положение в армии с каждым днем ухудшается, поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению», – отмечал в середине апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев в своем письме Военному министру А. И. Гучкову¹⁶⁵.

Одним из факторов, свидетельствующих о разложении русской армии, был рост случаев дезертирства солдат. Имевшее место до Февральской революции и почти прекратившееся, по сообщениям командования, в первые дни после ее победы, с середины марта дезертирство набирало темпы и становилось массовым явлением¹⁶⁶.

Верховное командование было обеспокоено ростом дезертирства. Генерал М. В. Алексеев в письме Военному министру от 16 апреля 1917 г. считал дезертирство злом, «с которым необходимо начать борьбу теперь же, так как нет возможности далее откладывать этот острый вопрос...» Он требовал «решительных мер – лишение семей дезертиров прав на получение пайка, права участия в выборах в Учредительное собрание, на какое-либо земельное улучшение в будущем и т. д.»¹⁶⁷

Командование Западного фронта направило свои усилия на борьбу с дезертирством. С

¹⁶³ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 452. Л. 675.

¹⁶⁴ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. На пути к Великому Октябрю. С. 26–27.

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1755. Л. 157.

¹⁶⁶ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 76–78.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1755. Л. 157.

этой целью в ближайшем к фронту тыловом районе были организованы разъезды из казаков для патрулирования и задержания ушедших с передовых позиций солдат. В борьбе с дезертирством командование применяло разные меры – от дисциплинарных до морально-психологического воздействия. За дезертирство солдат отдавали под суд, фамилии дезертиров публиковались в печати для предания широкой огласке, о них сообщалось по месту жительства родных, к которым также применялись дискриминационные меры.

Кроме того, к борьбе с дезертирством командование стремилось привлечь войсковые комитеты. Последние, по признанию командования, принимали «энергичные меры к предупреждению случаев дезертирства солдат..., разъясняя им весь вред и позор этих поступков»¹⁶⁸. Имевшие место случаи дезертирства, как правило, рассматривались на заседаниях войсковых комитетов, в принятых резолюциях намечались меры морального воздействия на солдат.

Политизация армейской жизни, межпартийная борьба за влияние на солдатские массы, вызванное этим падение дисциплины в войсках сопровождались понижением их боеготовности, ростом антивоенных настроений. Наиболее ярким показателем этого являлось братание на фронте солдат русской армии с солдатами противника. Имевшее место на Западном фронте и до Февральской революции, после ее победы братание получило тут значительное развитие. Примерно до середины апреля 1917 г. оно носило стихийный характер и сводилось в основном к обмену листовками и меновой торговле предметами солдатского быта. Верховное командование и командование фронта преследовали братание. Генерал М. В. Алексеев 30 марта в телеграмме главнокомандующим фронтами предписывал: «Единственный ответ на попытки противника вступить в переговоры ... является огонь, прочее будет считаться изменой»¹⁶⁹.

Выполняя это распоряжение, командование фронтовых частей и подразделений разгоняло братавшихся ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, отдавало участников братаний под суд.

Временное правительство, Верховное командование и командование Западным фронтом в борьбе с братаниями широко использовали пропаганду политических партий и возглавляемые их представителями Советы и войсковые комитеты, осуждавшие братания. Например, назначенный в дни апрельского правительственного кризиса Военным министром А. Ф. Керенский в середине мая в телеграмме главнокомандующим фронтами просил «предложить всем начальникам и войсковым комитетам объявить в приказах и разъяснять солдатам, что братание с противником совершенно недопустимо и осуждено как настоящим составом Временного правительства, так и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и всеми другими, съездами крестьянскими Юго-Западного, Румынского и всеми другими». Военный министр считал «полезным тексты здоровых, ведущих на усиление мощи армии постановления съездов не только отдавать в приказах, но размножать в большом количестве экземпляров раздавать солдатам», так как было «признано необходимым воспользоваться всеми авторитетными голосами, чтобы привить армии здоровые и правильные понятия о долге перед свободной родиной»¹⁷⁰. По приказанию главнокомандующего Западным фронтом текст телеграммы передавался в штабы армий фронта, а последними – командирам корпусов,

¹⁶⁸ Там же. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 10.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 65. Л. 144.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1601. Л. 222.

армейским комитетам, всем учреждениям и управлениям для немедленного исполнения.

Единственной партией, поддерживавшей братания, была РСДРП(б), которая видела в них один из путей распространения революции на другую сторону линии фронта. Под влиянием большевиков и с их участием со второй половины апреля братания становились более организованными, с политической направленностью.

Солдат-окопников братания привлекали, прежде всего, своей практической стороной – обоюдным снижением боевой активности противоборствующих сторон, надеждой на приближение конца войны. По словам участника событий большевика, поручика 722-го пехотного Салтыково-Неверовского полка А. М. Пыжова, братания поражали своей «практической очевидностью и бескровностью»¹⁷¹. Солдат 220-го пехотного Скопинского полка В. Перцев в ответ на пропаганду политических партий, в письме в Петроградский Совет прямо заявил: «Говорят о вреде братаний с немцами. Хорош вред: в течение трех месяцев мы не понесли ни одной человеческой жертвы!»¹⁷². О братаниях с противником, направленных на снижение боевой активности и сохранение человеческих жизней, сообщил в письме в Петроградский Совет солдат 678-го пехотного Шексненского полка И. Яковлев¹⁷³.

Со второй половины мая 1917 г. в условиях применения репрессий против братавшихся, подготовки наступления на фронте, развернувшейся агитационно-пропагандистской кампании политических партий, направленной на обеспечение наступления, число братаний на Западном фронте пошло на спад. Об этом свидетельствовали сводки командования, отмечали в своих выступлениях на проходивших в этот период армейских и корпусных съездах делегаты с мест.

Подготовка наступления на фронте требовала повышения активности командования по укреплению дисциплины в войсках, приведению их в боевую готовность. С этой целью проводились учебные занятия по совершенствованию боевых приемов, инженерные работы по восстановлению старых и строительству новых позиций и укреплений, принимались меры по повышению дисциплинарной ответственности в войсках, для чего вводились дисциплинарные суды.

Осуществление этих мероприятий во многих случаях воспринималось солдатами болезненно и проходило в напряженной морально-политической обстановке. Имели место отказы солдат в составе целых рот, батальонов и даже полков от выполнения приказов командиров выйти на занятия по боевой подготовке, на работы по строительству новых и ремонту старых позиций и укреплений. Там, где работы производились, их результат не отвечал необходимому качественному уровню. Об этом командованием неоднократно отмечалось в рапортах, донесениях и сводках.

Чтобы добиться выполнения приказов, командование почти во всех случаях стремилось заручиться поддержкой комитетов, требуя от них «принятия мер к установлению порядка на работах», способствовать успешному их выполнению путем нравственного воздействия на солдат¹⁷⁴. Кроме этого, командиры многих частей и соединений, некоторые комитеты обращались к руководству Петроградского, Московского, Минского Советов, Верховному командованию с просьбой прислать агитаторов для воздействия на солдат, чтобы призвать их

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 16. Л. 502.

¹⁷² ГАРФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 33. Л. 78.

¹⁷³ Там же. Л. 194.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1774. Л. 210.

повиноваться командирам и начальникам, выполнять все мероприятия по подготовке наступления на фронте.

Верховное командование реагировало на обращения с мест. По указанию Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова на Западный фронт во второй половине мая направлена черноморская делегация из 64 человек – офицеров, матросов, солдат и рабочих. 10 июня главкомзап просил Военного министра направить на Северный и Западный фронты делегатов Петроградского Совета. Для поднятия боевого духа войска фронта посетили Военный и морской министр А. Ф. Керенский и Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. Для морально-политического воздействия на солдат на Западный фронт приезжали представители английской лейбористской и французской социалистической партий.

Действия командиров и начальников, настаивающих на выполнении солдатами частей и подразделений отданных приказов, привели к еще большему обострению взаимоотношений и враждебности, а в ряде случаев – окончательному выходу из повиновения, которое завершилось арестами и отстранением от командования. Попытки комитетов оказать моральное влияние на солдат, призвать их к повиновению, к выполнению приказов командования часто заканчивались неудачей. Солдаты начинали не доверять комитетам, считая их пособниками командования. Об этом отмечалось в донесениях и сводках штабов, в рапортах командиров.

Кульминацией в развитии событий явились действия командования, направленные на выполнение приказа Военного министра от 16 июня 1917 г. о наступлении, развернувшаяся вокруг этого агитация политических партий и бурная реакция на эти мероприятия солдатских масс.

Приказ о наступлении широко обсуждался на многочисленных митингах, на которых солдаты высказывались не только против наступления, но и впервые в массовом порядке открыто заявили о своем недоверии Временному правительству. Такие митинги состоялись в 3-м коренном парке, 675-м пехотном Конотопском и 700-м пехотном Елатомском полках на Западном фронте. Многочисленные антивоенные митинги и демонстрации с участием солдат состоялись в тыловом районе фронта – в городах и местечках Беларуси: Минске, Гомеле, Орше, Несвиже, Двинске и др.

Антивоенные и антиправительственные настроения солдат со всей силой проявились в дисциплинарных проступках – солдаты в составе целых полков и даже дивизий отказывались выполнять приказ занять позиции. Так поступили дивизии 2-го Кавказского корпуса, 169-я пехотная дивизия 1-го Сибирского корпуса. Не подготовленными к наступлению из-за нежелания солдат воевать были части 20-го армейского корпуса и 9-й пехотной дивизии. Только под угрозой разоружения и расформирования 28-я и 29-я пехотные дивизии 20-го корпуса заняли исходные позиции¹⁷⁵.

По причине нежелания солдат воевать сроки запланированного Ставкой наступления войск Западного фронта неоднократно переносились. Начавшись 9 июля на участке фронта, занимаемом 10-й армией, наступление потерпело неудачу, принесло тысячи новых напрасных жертв и вызвав новый прилив массового недовольства в армии и стране.

Таким образом, несмотря на попытки оградить армию от политики, уже с первых дней победы Февральской революции части и подразделения армий Западного фронта стали испытывать политизацию. Последняя оказывала свое влияние на армию как извне (через направляемых в войска делегатов Государственной Думы, Петроградского, Московского,

¹⁷⁵ Жилин А. П. Последнее наступление (Июнь 1917 г.). М., 1983. С. 85–88.

Минского и других Советов, а также через периодическую печать, письменную корреспонденцию и другими путями), так и изнутри (путем агитационной пропаганды вышедших из подполья представителей политических партий, находившихся в войсках).

Принадлежность агитаторов и пропагандистов к разным политическим партиям, их зачастую диаметрально противоположные политические взгляды, неоднозначное видение решения проблем государственного устройства, проведения политической, экономической и военной реформ будоражили войска, находя в них своих сторонников и противников, раскалывали их по социально-классовому принципу. Несмотря на настойчивые призывы командования, Советов и войсковых комитетов, агитаторов (кроме большевиков) к единению офицеров и солдат, укреплению дисциплины и боеготовности с целью успешного продолжения войны, дифференциация продолжалась с нарастающей силой.

Особой активности политизация армейской жизни достигла в период подготовки командованием наступления на фронте и развернувшейся вокруг этого агитационной пропаганды как его сторонников, так и противников.

В этот период впервые проявилось массовое антиправительственное и антивоенное настроение в войсках, выразившееся в неповиновении солдат целых подразделений своим командирам, отказах выполнять их приказы, связанные с подготовкой к наступлению. Приказы командования вместо их беспрекословного выполнения подчиненными, как того требовали уставы воинской службы, подвергались широкому обсуждению солдатами, иногда даже на митингах и собраниях, что, как правило, приводило к срыву их выполнения, еще к большей политической поляризации в войсках по социально-классовому признаку, падению дисциплины и боеготовности.

2.4. Попытки Временного правительства реформировать старую армию

Взяв власть, Временное правительство приступило к выполнению одной из важнейших своих задач – реформированию старой русской армии. С этой целью при Военном министерстве была учреждена специальная комиссия под председательством бывшего Военного министра генерала А. А. Поливанова. В состав комиссии вошли представители от военной комиссии Государственной Думы и от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Комиссии предстояло заняться переработкой воинских законоположений и уставов в соответствии с новыми правовыми нормами.

Старая армия, по признанию представителей Верховного командования, страдала от протекционизма в системе назначений и комплектования высшего эшелона командного состава, отсталости военной стратегии, тактики и организации, технической отсталости, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы¹⁷⁶.

Военная реформа началась с увольнения в резерв целого ряда генералов, занимавших в армии высшие командные должности – от начальника дивизии до главнокомандующего фронтом. В течение нескольких недель, по словам начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А. И. Деникина, было уволено до 150 старших начальников, в том числе 70 начальников пехотных и кавалерийских дивизий¹⁷⁷. На Западном фронте в

¹⁷⁶ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 101, 259.

¹⁷⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 259.

первых числах марта были отстранены от должности главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт и командир 3-го армейского корпуса генерал Г. Е. Янушевский. В связи с выраженным недоверием солдат были отстранены от службы три командира корпуса, два начальника штаба корпуса, 10 начальников дивизий, один начальник штаба дивизии, три командира бригады, 16 командиров полков¹⁷⁸. Кроме того, целый ряд командиров были арестованы солдатами и удалены или ушли вследствие выраженного им недоверия.

Учитывая нараставшее движение солдатских масс под влиянием революции, Временное правительство внесло некоторые изменения в устав внутренней службы. Приказом № 114 Военного и морского министра А. И. Гучкова от 5 марта отменялись наиболее унижительные для солдат звания «нижний чин», титулование, некоторые ограничения, воспрещавшие солдатам участие в общественных и политических организациях, езду в трамваях, курение на улицах и в общественных местах¹⁷⁹.

В первые дни после Февральской революции некоторые изменения были внесены в дисциплинарный устав: отменялись самые унижительные для человеческого достоинства солдата телесные наказания розгами и смертная казнь.

Важнейшим фактором реформирования старой русской армии явилось введение выборных войсковых организаций – комитетов и советов. Их создание было санкционировано приказом № 1 Петроградского Совета и осуществлялось под постоянным его давлением на Временное правительство.

Верховное командование, командование фронтов вначале были против введения в войсках выборных солдатских комитетов, увидев в них одну из форм революционной организации, вносившей, по словам генерала А. И. Деникина, «невероятный сумбур в стройную систему военной иерархии и организации»¹⁸⁰. Однако в первое время Временное правительство и командование не решились на ликвидацию нараставшего движения за создание солдатских комитетов, или направить его в нужное русло, ограничить известными рамками.

Поворот в сторону частичного признания комитетов командованием на Западном фронте наметился в конце первой декады марта. Это проявлялось в том, что командиры частей все чаще не препятствовали созданию комитетов, стремясь, однако, направить их деятельность на решение хозяйственно-бытовых вопросов. Тот, кто оказался дальновиднее, смог применить гибкую тактику в отношении комитетов, наладить с ними сотрудничество, – сразу же почувствовал успокоение войск, повышение дисциплины и организованности. Например, в одной из сводок командования о настроении войск в армиях Западного фронта отмечалось, что «организующиеся офицерско-солдатские комитеты вносят заметное успокоение»¹⁸¹.

Командно-офицерский состав Западного фронта, в целом признавая необходимость реформирования русской армии, неоднозначно относился к способам и времени проведения военной реформы. За немедленное ее проведение путем демократизации армии выступали в основном младшие офицеры, главным образом пришедшие в войска в ходе войны из

¹⁷⁸ Подсчитано автором по: Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. М., 1968. С. 217–220.

¹⁷⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 424.

¹⁸⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 275.

¹⁸¹ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 27.

студенческой среды, не знавшие военного быта и армейских традиций. Кадровые офицеры, особенно генералитет, связавшие свои судьбы с жизнью армии, имевшей вековые традиции, выступили против поспешной их ломки, за осторожное проведение военной реформы, с учетом военного времени. Так, командир 1-го батальона 20-го артиллерийского дивизиона П. Макаrenchенко, делая упрек депутатам Петроградского Совета, сыгравшего ведущую роль в демократизации армии, которая превратила солдат, по его словам, «в вооруженную толпу», писал: «Мы, офицеры, давно осознали необходимость радикальных реформ. Но нужно учитывать военное время. Если бы это произошло в мирное время, то армия перешла бы к новому строю безболезненно»¹⁸².

Офицеры Генерального штаба Особой армии упрекали Петроградский Совет за его давление на Временное правительство в реформировании армии, которое лишало правительство «возможности планомерно,... без вредной поспешности проводить в жизнь начала нового устройства армии», учитывая боевую обстановку, основы военного дела и мнение военных, считали, что «все проекты реформ, имевшие благую цель – демократизацию армии, предоставление солдатам гражданских прав, необходимо сочетать с постоянным разъяснением солдатам их обязанностей, чтобы не подрывать авторитет и власть командира»¹⁸³.

Под давлением революции в стране и вызванных ею событий в войсках менялась позиция Ставки Верховного главнокомандующего к реформированию армии. Если в первые дни революции генерал М. В. Алексеев требовал от Временного правительства установить, чтобы армии никто не касался и все распоряжения по армии проходили через Верховного главнокомандующего¹⁸⁴, то 11 марта он уже телеграфировал главнокомандующим фронтами с предложением «стать на путь компромиссов» ради «сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам»¹⁸⁵. Касаясь войсковых комитетов, созданных явочным порядком, главнокомандующий предлагал «ввести в их состав офицеров» для сближения с солдатскими массами с целью понять их жизнь, запросы, нужды, чтобы «взять ход событий в свои руки»¹⁸⁶. Временное положение не касалось наиболее острых вопросов и деталей. Оно имело поверхностный характер.

Телеграмма Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева явилась официальным документом, направленным на реформирование армии. Получив ее, главнокомандующий Западным фронтом, командующие 2, 3 и 10-й армиями фронта приступили к выполнению содержащихся в ней указаний, создав офицерско-солдатские комитеты при штабах армий, а также приказав приступить к созданию комитетов в частях и подразделениях.

Развернулась массовая работа по созданию войсковых комитетов в соединениях, частях и подразделениях фронта. Не имея единых правил их организации, во многих корпусах и дивизиях разрабатывались временные положения о комитетах. Как правило, они были разными по своему содержанию, но в них заключались общая политическая линия и цель организации –

¹⁸² ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 77–78.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121.

¹⁸⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 139. Л. 14.

¹⁸⁵ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 30.

¹⁸⁶ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 30.

всемерная поддержка Временного правительства, ведение войны до победного конца, поддержание дисциплины и боеспособности армии, единение офицера и солдата.

Уже к концу марта 1917 г. во многих частях и подразделениях Западного фронта были созданы войсковые комитеты. В организации, регламенте их работы не было единой системы. Разными они были по количественному составу и численному соотношению в них депутатов от солдат и офицеров. Последнее колебалось соответственно от 3: 1 до 6: 1. Во многих случаях, столкнувшись с трудностями (главным образом по некомпетентности) в вопросах организации и функций войсковых комитетов, из частей путем переписки и посылкой делегаций обращались за разъяснениями и консультациями, за методической помощью в Петроградский и Минский Советы и Военное министерство.

В конце марта в целях создания единой системы войсковых комитетов, установления общего регламента их деятельности приказом № 51 Верховного главнокомандующего было введено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». В соответствии с приказом допускалась деятельность ранее созданных комитетов, на которые возлагалось исполнение «Временного положения». Кроме того, командованию на местах разрешалось допускать частные изменения с учетом условий пребывания армий и фронтов, чтобы «не ломать круто тех организаций», которые уже действовали¹⁸⁷.

В войсках Западного фронта приказ Верховного главнокомандующего и «Временное положение» не получили широкого применения. Одной из причин явилось то, что созданные к этому времени войсковые комитеты действовали на более демократичной основе, чем предлагалось «Временным положением». В ряде комитетов солдатские депутаты приняли приказ к сведению, признав невозможным менять существующую организацию. Второй причиной сдержанного отношения к «Временному положению» была проходившая в войсках подготовка к фронтовому съезду, на котором намечалась выработка форм организации в войсках, а также обсуждение вопросов быта и прав солдат.

Деятельность Временного правительства по реформированию старой армии проходила под большим давлением Петроградского Совета, при котором также были созданы солдатская секция и комиссия по организации ротных и полковых комитетов. Эта комиссия при участии офицеров из комиссии генерала А. А. Поливанова разработала проект, который был представлен для рассмотрения на заседании солдатской секции Петроградского Совета. При обсуждении проекта 19 марта один из депутатов заявил, что при разработке законопроекта они не будут «считаться с Поливановым. Он должен считаться» с ними. После обсуждения проект с небольшими изменениями был утвержден, передан в комиссию генерала А. А. Поливанова и послужил основой для «Положения о комитетах», изложенного в приказе по Военному ведомству № 213 от 16 апреля 1917 г.

В приказе говорилось о неотложности установления новых начал в организации войск, их внутреннем быте и во взаимоотношениях начальников и подчиненных. Учитывая обстановку военного времени, непосредственную близость к врагу, от войск требовалось «приложить все... силы к скорейшему проведению в жизнь нового порядка, с полным спокойствием, не нарушая ни на одно мгновение боевой мощи вооруженных сил страны»¹⁸⁸.

Приказом вводилось новое устройство внутреннего быта вооруженных сил, система выборных войсковых организаций, направленных на обеспечение каждому военнослужащему

¹⁸⁷ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 58–59.

¹⁸⁸ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 78.

осуществления его гражданских и политических прав, оставляя, по замыслу командования, незыблемыми основы боевой подготовки и боевой деятельности войск, требующих точного и беспрекословного выполнения приказаний начальников.

В «Положении» устанавливалось создание при каждой армии армейского комитета в составе 60 человек при численном соотношении депутатов от офицеров и солдат соответственно 1: 4. Решая вопрос о способе комплектования армейского комитета, авторы проекта «Положения» учитывали как «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», введенное приказом № 51 Верховного главнокомандующего от 30 марта, так и решение состоявшегося к этому времени Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов.

Основным отличием «Положения о войсковых организациях», вводимого приказом № 213 по Военному ведомству, являлось предоставление комитетам, начиная от ротного до армейского, права «поддерживать связь по своему выбору с разными общественными и политическими организациями, в том числе с Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов», входить в связь с «политическими партиями о посылке в части депутатов, ораторов и литературы для прояснения программ и способа выборов в Учредительное собрание»¹⁸⁹.

С предоставлением комитетам этих прав они превращались в политизированные организации, со всеми вытекающими из этого последствиями, способствовавшими разложению армии. С введением указанного «Положения» войсковые комитеты официально превращались в дискуссионные политические клубы, а в условиях многопартийности – в арену политической борьбы. «Этот акт, – писал А. И. Деникин, – санкционировавший превращение армии во время тяжелой войны в арену для политической борьбы и лишавший начальника права быть хозяином своей части, явился одним из главных этапов по пути разрушения армии»¹⁹⁰.

В войсках Западного фронта приказ по Военному ведомству № 213 и вводимое им «Положение о войсковых комитетах» были восприняты неоднозначно. В соответствии с «Положением» в одних частях переизбирались ротные и полковые комитеты, в других оставались созданные до этого, пополнившись доизбранными до необходимого состава депутатами. Многие части и подразделения отказались применять приказ. Например, бригадный комитет 69-й артиллерийской бригады на своем заседании постановил «не принимать к руководству» приказ по Военному ведомству № 213¹⁹¹. Особенно решительно выступил против приказа фронтовой комитет Западного фронта, опиравшийся на решения фронтового съезда.

Много возражений со стороны солдат было против введения данным приказом дисциплинарных судов. Например, по сообщению начальника 168-й пехотной дивизии командиру 9-го армейского корпуса, многие части «нашли нежелательным их введение». «Главными мотивами полковых комитетов, по которым они считали дисциплинарные суды неприемлемыми, – солдаты усматривали в них ограничение их свободы действий и права гражданина»¹⁹².

¹⁸⁹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 –март 1918 г. С. 82, 85–86.

¹⁹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 278.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 357.

¹⁹² РГВИА. Ф. 2468. Оп. 1. Д. 5. Л. 153.

В целом реформирование войск на Западном фронте шло несколько быстрее, чем на других фронтах. Большую роль в этом сыграл состоявшийся 7–16 апреля 1917 г. I съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, одной из задач которого была выработка «Положения о солдатских организациях». Проект последнего был подготовлен Исполкомом Минского Совета при деятельном участии большевиков. В основу «Положения о солдатских организациях» были положены резолюции Всероссийского совещания Советов, проходившего в Петрограде в конце марта – начале апреля, а также и «Положения о ротных и полковых комитетах», разработанные комиссией генерала А. А. Поливанова при Военном министерстве.

Принятое фронтовым съездом Западного фронта «Положение» не только снимало противоречия, имевшиеся между такими документами, принятыми Всероссийским совещанием Советов и комиссией при Военном министерстве, при сохранении решающего значения за резолюцией Всероссийского совещания Советов, и объединяло их в один, но и значительно развивало их в сторону расширения демократических прав солдат, превращения войсковых комитетов в органы власти подразделений, частей и соединений, ограничивало функции или брало под контроль действия командного состава. «Положение» признавало право солдат на устранение не пользовавшихся доверием командиров и устанавливало порядок этого устранения, ставило под контроль солдат выборы представителей офицерства в войсковые комитеты, предоставляя им возможность проводить в эти органы желательных лиц.

Согласно «Положению», при дивизионных, корпусных и армейских комитетах создавались комиссии «для участия с правом совещательного голоса в подготовке боевых операций и обсуждения их после боя совместно с командным составом»¹⁹³. Следует отметить, что хотя принимаемые такими комиссиями решения до проведения их в жизнь, согласно «Положению», оглашению в комитетах не подлежали, тем не менее это было большим принижением власти командира, установлением контроля над оперативной частью штабов.

В соответствии с резолюцией Всероссийского совещания Советов в «Положении» было записано принятое решение о периодичности созыва фронтовых съездов с целью объединения и руководства деятельностью войсковых, рабочих и крестьянских организаций, а также об избрании на съезде фронтового комитета Западного фронта в количестве 75 человек для осуществления контроля за деятельностью командного состава фронта и поддержки связи с Всероссийской организацией Советов.

В «Положении» была высказана мысль о необходимости в ближайший срок издания Временным правительством данного документа в виде приказа или особого закона по Военному ведомству для распространения его на всю русскую армию¹⁹⁴. С предложением этого и направилась в Петроград в Военное министерство специальная делегация, состоящая из членов организационной комиссии фронтового комитета.

Сначала встреча делегатов с Военным министром А. И. Гучковым не дала положительных результатов. Министр, ознакомившись с основными положениями проекта «Положения», категорически возразил против него. Однако настойчивость делегатов заставила его уступить и передать проект на рассмотрение в комиссию генерала А. А. Поливанова, одновременно направив телеграмму Верховному главнокомандующему М. В. Алексееву с просьбой высказаться по существу данного проекта «Положения». Ответ, данный начальником штаба

¹⁹³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 216–218.

¹⁹⁴ Там же. С. 219.

Верховного главнокомандующего генералом А. И. Деникиным, был отрицательным: «Проект направлен к разрушению армии»¹⁹⁵.

Особое возражение Ставки и комиссии генерала А. А. Поливанова вызвали записанные в проекте «Положения» вопросы о боевом сотрудничестве комитетов и командного состава и об организации командного состава, направленные, по мнению генерала А. И. Деникина, на дискредитацию и устранение власти командного состава¹⁹⁶. Однако под давлением поступавших с фронтов требований об отмене приказа по Военному ведомству № 213, исключавшего деятельность дивизионных и корпусных комитетов, а также событий в стране и на фронтах, связанных с апрельским политическим кризисом, комиссия при Военном министерстве вынуждена была пойти на уступки: признать право на существование дивизионных и корпусных комитетов, право комитетов на контроль за подготовкой и проведением боевых операций и на мотивированный отвод представителей командного состава.

В результате в начале мая 1917 г. был подготовлен проект «Положения о дивизионных и корпусных комитетах», наделенных по замыслу составителей функциями координации деятельности нижестоящих – командных, ротных и полковых – комитетов; контроля за деятельностью командного состава и арбитража в случаях конфликтов между солдатами и офицерами, комитетами и командным составом. 8 мая проект был подписан Военным министром А. Ф. Керенским и отдан приказом по Военному ведомству № 271 как дополнение к приказу № 213 от 16 апреля.

Однако Ставка продолжала настаивать на отмене приказа № 213. Под ее давлением через несколько дней Военное министерство приказало «немедленно приостановить введение в жизнь приказа ... в части, касающейся комитетов. Там, где таковые уже организованы согласно этому приказу, можно их оставить, чтобы не вносить путаницы и дезорганизации»¹⁹⁷. По словам А. И. Деникина, министерство признало необходимым переработать главу о комитетах на основании приказа Верховного главнокомандующего № 51 от 30 марта¹⁹⁸.

На Западном фронте действие приказов по Военному ведомству № 213 и № 271 широкого распространения не получило. Во многих частях к этому времени уже функционировали войсковые комитеты, созданные ранее явочным порядком на основании приказа № 1 Петроградского Совета или приказа № 51 Верховного главнокомандующего. В то же время в некоторых частях переизбирались ротные и полковые комитеты «на новых началах, согласно приказа по Военному ведомству № 213»¹⁹⁹. Что касается дивизионных комитетов, то они в основном уже были созданы согласно приказу № 51 до 16 апреля и продолжали функционировать²⁰⁰. Там же, где их не было, командование предпочитало создавать их на основании того же приказа № 51. Например, армейский комитет 3-й армии уже в конце первой

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 9. Л. 215.

¹⁹⁶ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 282.

¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 9. Л. 237.

¹⁹⁸ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 228.

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 2598. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; Ф. 2048. Оп. 4. Д. 13. Л. 1; Д. 25. Л. 41, 80; Д. 32. Л. 1.

²⁰⁰ Там же. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1601. Л. 214.

декады мая «решил иметь сверх ротных и полковых комитетов еще и дивизионные согласно приказа главковерха № 51»²⁰¹.

Однако фронтовой комитет Западного фронта считал, что «распоряжение о немедленном приостановлении проведения в жизнь приказа № 213 в части, касающейся комитетов, крайне вредно отзовется на крепнущей организации». В этом же духе высказался и штаб Западного фронта²⁰².

Таким образом, к июлю 1917 г., да и позже – до самого Октябрьского переворота, в русской армии практически так и не было единого «Положения о комитетах». К осени 1917 г. в русской армии действовало множество «разношерстных» по своему происхождению войсковых комитетов. Только на Западном фронте на 1 сентября 1917 г. было 7284 войсковых комитета, в том числе 6665 ротных, 484 полковых, 60 дивизионных, 15 корпусных. 3 армейских, 57 хозяйственно-технических²⁰³. С первых же дней своего существования войсковые комитеты, особенно ротные, командные и полковые, вели непрерывную борьбу за расширение своих прав, вплоть до участия в оперативно-боевом управлении войсками и осуществления выборного начала на командные должности.

Изначальный замысел Военного министерства провести реформы высшего управления русской армии и флота так и не был осуществлен. По словам генерала А. И. Деникина, «поливановская и савичевская комиссии провести их не успели, будучи распущены Керенским, сознавшим, наконец, весь вред, ими принесенный»²⁰⁴.

Реформирование русской армии было вызвано Февральской буржуазно-демократической революцией. Совершившие революцию политические силы, опасаясь реставрации самодержавного строя, не могли оставить неизменным главный его оплот – армию. Однако и у них не было единого подхода к военной реформе. Буржуазные партии, возглавившие Временное правительство, и поддерживавшие его мелкобуржуазные партии видели реформирование армии в удалении преданных монарху генералов и в частичных изменениях устава внутренней службы. Генералитет и часть офицерства сознавали несвоевременность проведения военной реформы в условиях продолжавшейся войны вообще и считали необходимым отложить ее до установления мирного времени. Большевики и их сторонники, продолжавшие борьбу за власть, поставили своей задачей завоевание солдат на свою сторону, полное разрушение старой армии и замену ее всеобщим вооружением народа.

Отсутствие единого подхода к военной реформе, единых целей и плана ее проведения, межпартийная борьба за войско и за власть с самого начала обрекли ее на неудачу и привели к разрушению русской армии как боевой единицы.

Глава 3

Курс Временного правительства и Верховного командования на

²⁰¹ Там же. Л. 212.

²⁰² Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974. С.158.

²⁰³ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. С. 141.

²⁰⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 273.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ВОЙСКАХ

3.1. Попытки командования Западного фронта восстановить дисциплину в армиях фронта

Провал июньского (1917 г.) наступления русских войск на Юго-Западном фронте, одной из основных причин которого было разложение русской армии, антиправительственная вооруженная июльская демонстрация рабочих и солдат в Петрограде заставили Временное правительство и Верховное командование перейти к политике жестких мер. Уже 4 июля А. Ф. Керенский, находившийся в поездке по Юго-Западному фронту, узнав о событиях в Петрограде, в телеграмме министру-председателю Временного правительства Г. Е. Львову потребовал решительного прекращения всех выступлений и военных мятежей, разоружения бунтующих частей и предания суду «всех зачинщиков и мятежников»²⁰⁵. 6 июля Временное правительство приняло постановление о наказаниях за призыв к невыполнению распоряжений власти, в соответствии с которым виновные в призыве военнослужащих к невыполнению действующих законов и распоряжений военных властей во время войны подлежали наказанию, как за государственную измену²⁰⁶. 7 июля в соответствии с постановлением Временного правительства Военный министр А. Ф. Керенский издал приказ об аресте и немедленном предании суду «всех лиц, ведущих агитацию с призывами к насилию, свержению Временного правительства, дезорганизации армии, а также агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства». Кроме того, он предлагал «немедленно прекратить» издание в действующей армии «Правды», «Окопной правды», «Солдатской правды» и других большевистских газет²⁰⁷.

9 июля занявший после выхода из состава Временного правительства Г. Е. Львова пост министра-председателя А. Ф. Керенский, совместно с Верховным главнокомандующим генералом А. А. Брусиловым отдал приказ главнокомандующим фронтами о принуждении к повиновению в войсках силой оружия. «При всяких попытках к неисполнению приказов командного состава, касающихся боевой подготовки войск и боевых распоряжений, виновные, как отдельные чины, так и целые войсковые части, – говорилось в приказе, – должны немедленно приводиться к повиновению не стесняясь применением оружия»²⁰⁸. Приказ предписывалось немедленно объявить всем войсковым частям и приводить в исполнение без малейших колебаний. При этом вменялось в обязанность главнокомандующим «категорически разъяснять войскам и комитетам о недопустимости обсуждения комитетами и вмешательства последних в распоряжения командного состава», – боевые, по подготовке войск, смены и назначения начальников.

Приказом Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова от 10 июля в войсковых частях и районах, подчиненных командующим армиями в период боевых действий, запрещалось проведение митингов и общих собраний. В случае же попыток собрать таковые

²⁰⁵ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 290.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 290.

²⁰⁸ Там же. С. 298.

предписывалось «считать их незаконными собраниями, направленными против родины и свободы, и рассеивать их силой оружия»²⁰⁹. Данное запрещение считалось боевым приказом, не подлежащим обсуждению.

12 июля постановлением Временного правительства Военному министру и управляющему Министерством внутренних дел было дано право закрывать «повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне, с одновременным привлечением ответственных редакторов к судебной ответственности»²¹⁰.

Постановлением Временного правительства от 12 июля для военнослужащих на фронте за военную и государственную измену, за побег к неприятелю, бегство с фронта, уклонение от сопротивления противнику, а также за подговор и подстрекательство к этим действиям и насильственные действия по отношению к начальникам, сопротивление исполнению их боевых приказаний и распоряжений, была введена смертная казнь. Для рассмотрения дел «о важнейших преступлениях» при дивизиях учреждались военно-революционные суды²¹¹.

12 июля Верховный главнокомандующий генерал А. А. Брусилов издал приказ № 613, направленный на борьбу с революционным движением в армии. «События на фронте требуют незамедлительного принятия самых решительных мер для спасения армии от внутреннего развала и для поднятия ее боеспособности», – говорилось в приказе²¹². От всех начальников требовалось «приложить все усилия для поднятия должного авторитета командира». Подчиненным и комитетам предписывалось оказать им в этом поддержку и содействие.

Приказом категорически запрещалось комитетам вмешиваться в оперативно-боевую деятельность командного состава, проведение митингов и общих собраний войсковых частей во время подготовки к боевым операциям и их проведения, обсуждение приказов и распоряжений. Запрещалась всякая агитация «левых» и «правых» политических партий, направленная против порядка и распоряжений властей. Лиц, призывающих к неповиновению начальству и его распоряжениям, предписывалось «немедленно арестовывать и предавать суду как изменников»²¹³.

Войскам предписывалось «восстановить силу боевого фронта», для чего «немедленно приступить к самым энергичным работам» по укреплению позиций, поднятию боеспособности путем усиленных строевых и тактических занятий. Приказы начальников, касающиеся укрепления позиций и ведения занятий, требовалось рассматривать как боевые и не допускать их обсуждения в комитетах. Начальников, оказавшихся непригодными управлять войсками, предписывалось удалить, а виновных в послаблении воинской дисциплины и бездеятельных – предавать суду, заменяя их решительными, мужественными, с сильной волей и решимостью брать на себя ответственность²¹⁴.

²⁰⁹ Там же. С. 299.

²¹⁰ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 300.

²¹¹ Там же. С. 300–301.

²¹² Там же. С. 302.

²¹³ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 303.

²¹⁴ Там же.

Приказы Военного министра и Верховного главнокомандующего в установленном порядке доводились до войск. На Западном фронте они встретили неоднозначное к себе отношение среди солдат и командно-офицерского состава. Последние в основном своем большинстве видели в этих мерах путь к восстановлению дисциплины и боеготовности войск и отнеслись с одобрением к ним, с готовностью приступили к их осуществлению. Солдаты же и демократически настроенные офицеры видели в этих мерах возвращение старого режима, восстановление старых порядков в армии и ликвидацию демократических свобод, во многих случаях оказывали упорное сопротивление их осуществлению. Такие факты, например, имели место при попытке командования создать дисциплинарные и военно-революционные суды в 18-м пехотном Вологодском полку 2-й армии, во 2, 3, 5, 8, 61-м Сибирских стрелковых полках 1-го Сибирского корпуса, 175-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса 10-й армии²¹⁵, других частях и соединениях фронта. Солдаты, считая суды репрессивными органами, отказывались их создавать.

Одним из основных путей восстановления дисциплины в войсках, чтобы привести солдат к повиновению своим начальникам, заставить их беспрекословно выполнять приказы и распоряжения, командование видело в арестах и удалении из подразделений и частей зачинщиков и подстрекателей неповиновения и беспорядков. Так, уже 14 июля начальник штаба 29-й пехотной дивизии, основываясь на приказах Верховного командования, представил в штаб 20-го армейского корпуса список на 67 подлежащих аресту «главарей-агитаторов» 114-го Новоторжского, 115-го Вяземского и 116-го Малоярославского пехотных полков. Выдачи подстрекателей потребовал от солдат 134-го отдельного артиллерийского дивизиона командир дивизиона полковник Скиргайло-Яцевич. Такие же требования были предъявлены командованием солдатам 693-го Слуцкого пехотного полка 174-й пехотной дивизии, 218-го Скопинского и 220-го Горбатовского пехотных полков 55-й пехотной дивизии 3-й армии; 534-го Новокиевского и 536-го Ефремовского пехотных полков 134-й пехотной дивизии, 63-го Сибирского стрелкового полка 16-й Сибирской стрелковой дивизии 10-й армии; 18-го Вологодского пехотного полка 5-й дивизии, 299-го пехотного Дубненского полка 75-й пехотной дивизии 2-й армии, многих других частей и подразделений Западного фронта²¹⁶.

Однако в условиях острой политической и социальной конфронтации в стране, все большего обострения взаимоотношений между солдатскими массами и командно-офицерским составом, попытки командования восстановить дисциплину в войсках, остановить процесс дальнейшего разложения армии путем арестов и удаления из войск неблагонадежных элементов вызвали новые, еще более массовые неповиновения солдат приказам командования. Солдаты целых подразделений и частей отказывались выдать под арест агитаторов, считая их защитниками своих интересов. Такие факты имели место в 115, 218, 220, 693-м пехотных полках 3-й армии; 534-м и 536-м пехотных полках 10-й армии, 18-м пехотном полку 2-й армии. Только под угрозой применить оружие неповиновавшиеся роты 299-го пехотного Дубненского полка исполнили приказ о выходе на занятия и выдали трех зачинщиков, которые были арестованы.

Нередко командование полков и дивизий не могло справиться собственными силами и вынуждено было обращаться за помощью в вышестоящие штабы. Так, начальник штаба 29-й пехотной дивизии, сообщая в штаб 20-го армейского корпуса 3-й армии фамилии выявленных

²¹⁵ Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. С. 20–21.

²¹⁶ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 143–144; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 438.

агитаторов, просил командира корпуса дать распоряжение на их арест корпусному или тыловому коменданту, так как «выполнить этот арест средствами дивизии», по его словам, не представлялось возможным²¹⁷. Безрезультатной была попытка применить меры убеждения в сочетании с принуждением к солдатам пулеметной команды 63-го Сибирского стрелкового полка 16-й Сибирской стрелковой дивизии 10-й армии с целью выдачи зачинщиков неповиновения – солдаты отказались их назвать. Командование вынуждено было арестовать и отправить под надзор в штаб дивизии всю команду²¹⁸. Чтобы привести солдат к повиновению, заставить их исполнять приказы, командование вынуждено было применять вооруженную силу. Например, за отказ солдат 18-го пехотного Вологодского полка выходить на занятия и производить выборы в дисциплинарные суды командир 9-го армейского корпуса, в состав которого входил неповинующийся полк, приказал принять энергичные меры к изъятию зачинщиков. С этой целью были выделены Уральский казачий полк, взвод казачьей артиллерии, две учебные команды и батальон 17-го пехотного Архангелогородского полка с пулеметной командой. Для уговоров солдат исполнить приказ в распоряжение полка прибыли армейский комиссар и члены армейского и корпусного комитетов. Однако солдаты отказались выслушать их. После этого деревня Ковали, в которой дислоцировался полк, была оцеплена казаками и по землянкам у деревни был открыт артиллерийский огонь, продолжавшийся 15–20 минут. Только после этого командование смогло арестовать 33 зачинщиков и агитаторов, которым предстоял военно-революционный суд²¹⁹.

За отказ солдат исполнить приказ командования о выдаче зачинщиков неповиновения была применена артиллерия по 693-му пехотному Слуцкому полку, дислоцировавшемуся у деревни Белой. Однако и после артиллерийского обстрела этот полк не был приведен в повиновение. Тогда пехота и кавалерия пошли в наступление. По донесению главнокомандующего Западным фронтом генерала А. И. Деникина Военному министру А. Ф. Керенскому, в атаке участвовали штурмовые батальоны 28-й и 29-й пехотных дивизий и 5-й Оренбургский казачий полк. Только после этого неповинующийся 693-й полк сдал оружие²²⁰. Военно-революционный суд приговорил трех солдат – зачинщиков беспорядков к смертной казни, 16 – к каторжным работам. В обоих случаях имелись убитые и раненые.

В случае массового неповиновения солдат командование принимало решение о разоружении и расформировании целых подразделений и частей. Осуществление этой меры всегда встречало упорный отказ солдат сложить оружие. Дело доходило до военных батальев. Так, при разоружении и расформировании 675-го Конотопского и 673-го Прилуцкого пехотных полков 169-й пехотной дивизии 10-й армии командование вынуждено было применить вооруженную силу в составе 5-го и 8-го Сибирских казачьих полков, двух батальонов 124-го пехотного Воронежского полка с двумя пулеметными командами, две батареи 3-й артиллерийской бригады. По неповинующимся полкам был открыт артиллерийский огонь. По дислоцировавшемуся в районе Молодечно у деревни Дорохи 675-му полку было

²¹⁷ РГВИА. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 54. Л. 352.

²¹⁸ Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 383. Л. 30.

²¹⁹ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 426.

²²⁰ Там же С. 425–426.

выпущено 30 снарядов, по 673-му полку (д. Кобаны) – 80 снарядов²²¹. При разоружении с целью расформирования за отказ выполнить приказ командования о наступлении групп 13-го Эриванского, 14-го Грузинского, 15-го Тифлисского, 16-го Мингрельского гренадерских полков 1-й Кавказской гренадерской дивизии 10-й армии также была сформирована вооруженная группа из Лейб-Псковского, Лейб-Курляндского, Донского казачьего и Павлоградского полков и взвода 4-й конной батареи. По месту расположения неповинующихся подразделений был применен артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь²²².

Удаление зачинщиков беспорядков и подстрекателей неповиновения, разоружение и расформирования незаконнослушных подразделений и частей и те устрашающие методы, какими осуществлялись эти меры, не дали командованию ожидаемых результатов. Недовольные солдаты на насилие отвечали насилием. Недовольство возрастало и по принципу цепной реакции перекидывалось на другие, более благополучные части и подразделения. Так, по донесению начальника штаба Западного фронта генерала С. Л. Маркова начальнику штаба Верховного главнокомандующего, после разоружения 673-го Прилукского и 675-го Конотопского пехотных полков 169-й пехотной дивизии начались волнения в 33-м и 34-м пехотных полках соседней 9-й пехотной дивизии, 674-м пехотном Золотоношском полку, 676-м пехотном Зеньковском полку²²³. Попытке командования послать дополнительные силы (четыре орудия 6-й батареи 5-й артиллерийской бригады) для усиления казачьего взвода и артиллерии, оцеплявших место дислокации 18-го пехотного Вологодского полка, воспротивились солдаты батареинового резерва, которые арестовали и избили младших офицеров 6-й батареи²²⁴.

Разоружая и расформировывая взбунтовавшиеся части и подразделения, командование тысячами перебрасывало их состав из одной армии в другую для распределения по частям в качестве пополнений, что в свою очередь вносило возбуждение в пополняемые, более спокойные части и подразделения, оказывало влияние на их состав. Об этом неоднократно сообщалось в рапортах командиров и начальников, отмечалось в политических сводках армий и фронта²²⁵. Так, командир 9-го армейского корпуса 2-й армии, отмечая «дурное влияние» на части корпуса поступавших солдат расформированных частей, признавал «подобные пополнения крайне нежелательными, могущими вредно отразиться на дальнейшем восстановлении дисциплины и порядка»²²⁶.

Общее недовольство солдат на фронте вызвало постановление Временного правительства о введении смертной казни. Нередко солдаты на общих собраниях и заседаниях войсковых комитетов, вопреки запретам, выносили на обсуждение приказ о применении смертной казни, а в принятых резолюциях требовали ее немедленной отмены. Например, на съезде комитетов 2-й

²²¹ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 410–411.

²²² Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. М., 1959. С. 565.

²²³ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 411.

²²⁴ Там же. С. 427.

²²⁵ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. С. 22–23.

²²⁶ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 173. Л. 43.

Сибирской стрелковой дивизии 10-й армии, по словам начальника дивизии, «хотя вопрос о целесообразности введения смертной казни в войсках и не значился в повестке дня, но он сам собою всплыл и был поставлен на обсуждение, несмотря на все меры, принятые президиумом против этого». Большинство голосов было принято постановление ходатайствовать перед Временным правительством об отмене смертной казни²²⁷. Категоричный протест против введения смертной казни выразили на общих собраниях солдаты 6-й и 7-й батарей 1-й Сибирской артиллерийской бригады, на заседании полкового комитета 23-го пехотного Низовского полка 6-й пехотной дивизии, на объединенном заседании комитетов 171-й пехотной дивизии. Против смертной казни и усиления репрессий в армии протестовали также солдаты 75-й пехотной дивизии. Недовольство и протест по поводу применения репрессивных приказов, по сообщениям командования, выразили солдаты частей 55-й и 174-й пехотных дивизий²²⁸.

Отношение войсковых комитетов к мерам Временного правительства и Верховного командования по восстановлению дисциплины в войсках и их боеспособности не было однозначным. Низовые комитеты – ротные, командные и полковые, состав которых большей частью был из солдат, отнеслись резко отрицательно к вводимым мерам. Комитеты высшего звена – фронтовой, армейские, корпусные, дивизионные, то есть те, в составе которых было больше представителей офицерского состава, ответственных за состояние воинской дисциплины и боеготовности войск, встретили эти меры с пониманием. Например, оперативная комиссия фронтового комитета в своем обращении ко всем комитетам призывала их к самоорганизации, сплочению армии, «сейчас же совместно с комсоставом приступить к организации строевых занятий, укреплению позиций, усилению разумной демократической дисциплины, безусловного исполнения приказов командного состава»²²⁹. Армейский комитет 3-й армии разрабатывал специальные ²³⁰ мероприятия по борьбе с антивоенными и антидисциплинарными проявлениями, просил у Военного министра и ВЦИК Советов особых полномочий, дающих ему «право действовать от имени ВЦИК», а у командного состава армии – «оказать в этом отношении самую энергичную поддержку», призывал все комитеты 3-й армии «прийти на помощь всем своим разумом, сердцем и силой». Армейский комитет 10-й армии, учитывая сложность положения, еще 4 июля призвал войска прекратить митинги, собрания войсковых комитетов проводить по мере надобности и только с разрешения командования²³¹.

Войсковые комитеты высшего звена – армейские, корпусные и дивизионные, оказывали практическую помощь командованию в осуществлении намеченных Временным правительством и Верховным командованием мер по восстановлению дисциплины и боеготовности в войсках путем разъяснительной работы. Так, по словам телеграфного сообщения начальника штаба 3-й армии генерала П. П. Лебедева командирам корпусов, армейский комитет рассылал «своих членов в дивизии с целью через них оказать деятельную поддержку начальствующим лицам в принятии решительных мер по восстановлению дисциплины и боеготовности, авторитета начальников, доброжелательных между ними

²²⁷ Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 383. Л. 36.

²²⁸ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 154.

²²⁹ РГВИА. Ф. 2179. Оп. 3. Д. 54. Л. 388.

²³⁰ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1347. Л. 277–280.

²³¹ Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 365. Л. 19.

отношений, а также по налаживанию правильных занятий в войсках и укреплению позиций²³².

Выполняя постановление Временного правительства об ограничении свободы печати и опираясь на него командование Западного фронта приняло меры к недопущению в войска большевистских газет. С этой целью был установлен контроль за поступлением периодических изданий на железнодорожных станциях прифронтового района, в полевых почтовых конторах и в войсковых частях. При обнаружении большевистские издания конфисковывались и уничтожались. Кроме того, командование армий и фронта неоднократно обращалось в вышестоящие органы власти о немедленном закрытии большевистских газет «Окопный набат», «Голос правды», «Рабочий и солдат», «Социал-демократ», «Звезда» и др.²³³

Действия Временного правительства, Верховного командования и командования фронта, направленные против разложения армии, возбуждающего влияния на солдат крайне левых и правых политических партий, не были последовательными. Закрывая большевистские и не допуская в войска даже меньшевистско-эсеровские издания, военные власти не препятствовали, а способствовали поступлению в массовом количестве буржуазной прессы, таких газет как «Речь», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Вестник» и других, тенденциозно освещавших события в стране и армии. В войсках Западного фронта были известны факты закрытия командованием большевистской газеты «Звезда», запрещения командующим 10-й армии генералом П. Н. Ломновским печатать в типографии штаба газеты «Голос 10-й армии» и одновременно разрешения на печатание в той же типографии контрреволюционного бюллетеня Союза офицеров армии и флота. Все это, в свою очередь, вызывало недовольство и бурный протест солдатских масс²³⁴.

Временное правительство и военные власти внимательно следили за тем, какую реакцию вызвали в войсках вводимые репрессивные меры и их эффективностью в восстановлении дисциплины и боеготовности. В ответ на запросы верховной власти из войск поступали неутешительные сведения. Введенные постановлениями Временного правительства и приказами Верховного командования репрессивные меры, по словам донесений из частей и подразделений, повысили лишь «внешний порядок», устранили случаи «явного неисполнения» солдатами боевых приказов, но вызвали их «скрытое недовольство и даже ненависть и ожесточение». Солдаты считали «введение репрессий покушением на вновь полученные права». Об этом сообщалось начальником 2-й Сибирской стрелковой дивизии командиру 1-го Сибирского корпуса 10-й армии, отмечалось делегатами на объединенном заседании армейского комитета 3-й армии с представителями полковых, дивизионных и корпусных комитетов²³⁵. «Отсутствие митингов в Замирьевском гарнизоне и прекращение продажи большевистских газет, несомненно, успокаивает солдатскую массу. В общем, складывается впечатление, что под влиянием строгих приказов солдаты больше замкнулись в себе и стали менее смелыми и резкими в своих политических суждениях о Временном правительстве и

²³² РГВИА. Ф. 2481. Оп. 2. Д. 88. Л. 581.

²³³ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. С. 27–29, 35–36, 48–49, 50–51.

²³⁴ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. С. 49–50.

²³⁵ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 383. Л. 36; Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 35. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.

Военном министре Керенском, ограничиваясь сейчас только резкими нападками на «буржуев» – кадетов, которые, по их мнению, в последние дни хотели уничтожить Совет рабочих и солдатских депутатов и были единственными виновниками министерского кризиса», – сообщал начальник 24-й полевой военной хлебопекарни корпусному интенданту гренадерского корпуса 2-й армии²³⁶.

Для выяснения обстановки в войсках и поиска путей вывода русской армии из кризисного состояния, предотвращения ее дальнейшего разложения и восстановления дисциплины и боеготовности Верховное командование 16 июля 1917 г. организовало в Ставке совещание с главнокомандующими фронтами с участием представителей Временного правительства.

На этом совещании с докладом о состоянии войск Западного фронта выступил его главнокомандующий генерал А. И. Деникин. Расценивая «новые законы правительства» как «выводящие армию на надлежащий путь», но еще не зная конечного итога их воздействия, так как эти законы «еще не проникли в толщу армии», генерал вынужден был признать, что «одни репрессии не в силах вывести армию из того тупика, в который она попала»²³⁷. К основным факторам, разрушающим армию, он относил введенный Временным правительством институт комиссаров фронтов и армий, войсковые комитеты и Советы, политизацию армейской жизни, военное законодательство Временного правительства в доиюльский период. Пути восстановления дисциплины в войсках, их боеготовности, в конечном счете – возрождения русской армии генерал А. И. Деникин видел в осознании Временным правительством своей ошибки и вины по отношению к офицерскому составу, в прекращении действия под давлением Петроградского Совета всякого военного законодательства и предоставлении «полной мощи» Верховному главнокомандующему, ответственному только перед Временным правительством, в деполитизации армейской жизни, в упразднении комиссаров и комитетов, восстановлении воинской дисциплины и власти начальников. Для подавления военного бунта главнокомандующий Западным фронтом предлагал «создать в резерве начальников отборные, законопослушные части трех родов оружия, ввести военно-революционные суды и смертную казнь в тылу»²³⁸.

Выступившие затем главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Н. Клембовский и комиссар Юго-Западного фронта Б. В. Савинков характеристикой этих фронтов подтвердили общее удручающее состояние войск. Однако видимые ими пути возрождения дисциплины и боеготовности войск расходились с предложенными генералом А. И. Деникиным. Генерал Клембовский, по словам Деникина, предлагал «упразднить единоначалие и поставить во главе фронта своеобразный триумвират из главнокомандующего, комиссара и выборного солдата»; Савинков – усилить комиссариат, чтобы «восстановить нормальные отношения» между солдатами и офицерами²³⁹.

Другие выступавшие участники совещания также констатировали сложность положения русской армии (генерал Н. В. Рузский), тыла и запасных войск (генерал М. В. Алексеев), причину этого они видели в революции и вызванных ею процессах в армии. А. Ф. Керенский в своем выступлении, по словам А. И. Деникина, «оправдывался» (в ответ на обвинение

²³⁶ РГВИА. Ф. 2179. Оп. 3. Д. 54. Л. 397.

²³⁷ Красная летопись. 1923. № 6. С. 58.

²³⁸ Красная летопись. 1923. № 6. С. 54–56, 62.

²³⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 441–442.

генералами революционной демократии в разложении армии. – М. С.), указывал на неизбежность и стихийность «демократизации армии», обвинял генералов, видевших причину поражения русских войск в летнем наступлении «исключительно в революции и ее влиянии на русского солдата»²⁴⁰.

Бывший в то время главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерал Л. Г. Корнилов из-за сложности военно-оперативной ситуации на фронте на совещании не присутствовал. Была зачитана его телеграмма, обращенная к участникам совещания, в которой, по словам генерала Деникина, в той или другой форме содержались те же требования, что были выдвинуты на совещании им. В отличие от А. И. Деникина, Л. Г. Корнилов предлагал усиление комиссариата путем введения института комиссаров в корпуса и предоставления им права конфирмации приговоров военно-революционных судов, а главное – генеральную чистку командного состава от революционно-демократических элементов²⁴¹.

В завершение совещания генералом Н. В. Рузским был поднят вопрос о баллотировке намеченных для поднятия боеспособности армии мер. Однако это предложение было отклонено министром-председателем А. Ф. Керенским, заявившим, что «совещание является лишь осведомительным для правительства, и в этом отношении оно дало совершенно определенные результаты»²⁴². Тем не менее большинство участников совещания признало необходимым восстановление дисциплины, власти начальника и авторитета, отменить «Декларацию прав солдата», остановить политизацию армии, воспретить митинги, собрания, участие военнослужащих в политических обществах, запретить «вредную» агитацию и распространение «вредной» литературы в войсках, распространить военно-революционные суды и смертную казнь на тыл, строго регламентировать права и обязанности войсковых комитетов, ограничив их функции хозяйственно-бытовыми и просветительскими вопросами, за вмешательство в вопросы, не подлежащие их компетенции, установить ответственность, строго регламентировать права и обязанности комиссаров и установить принципы их взаимоотношений с командным составом²⁴³.

Таким образом, после июльских событий Верховное командование, Временное правительство и командование фронта не смогли достигнуть в полной мере своей цели – восстановить дисциплину в войсках, поднять их боеспособность. Введение и применение жестких мер не дало желаемых результатов. Болезнь разложения армии была лишь частично и на время загнана вовнутрь, но не излечена. Выяснив и поняв это, военные верхи и Временное правительство взяли курс на подготовку и установление в стране военной диктатуры. Об этом они единодушно заявили на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего.

3.2. Усиление социально-классового и политического расслоения в войсках

События первых дней Февральской революции говорили о том, что время единодушия,

²⁴⁰ Там же. С. 442.

²⁴¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 441.

²⁴² Красная летопись. 1923. № 6. С. 52.

²⁴³ Там же. С. 52.

проявленного почти всеми слоями российского общества при свержении самодержавного государственного строя, прошло. Наступал период резкой дифференциации слоев общества по социально-классовому и политическому признакам. Особенно наглядно и остро это проявилось в подходе к решению вопросов о революции и государственного устройства Российской державы. Если буржуазия была против углубления революционного процесса, ограничила задачи революции созданием буржуазной парламентской республики, главной задачей считала консолидацию всех сил для успешного ведения войны до полной победы, то революционная демократия (рабочие, крестьяне, нижние слои интеллигенции) выступила за провозглашение демократической республики, против империалистической войны, за ведение войны в защиту революции и свободы.

Буржуазия сформировала орган власти в лице Временного правительства. Орган власти революционной демократии был создан в форме Советов рабочих и солдатских депутатов.

В русской армии в канун падения царского самодержавия находилось более 9 миллионов человек (около 7 миллионов на фронтах и почти 2100 тысяч в тыловых гарнизонах)²⁴⁴. По социальному составу основную часть войск (почти 98 %) составляли солдаты – главным образом переодетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне. На Западном фронте на 1 марта 1917 г. находились 1 580 300 солдат и унтер-офицеров и 40 324 офицера и чиновника.

Основная масса офицеров – главным образом представители средней и мелкой буржуазии, разночинцы – сочувственно встретили Февральскую революцию, перешли на службу Временному правительству, поддерживали политику продолжения империалистической войны до победного конца. В начале 1917 г. департамент полиции отмечал в сводке об отношении офицерства к войне: «Настоящую войну офицерство, за малым исключением, принимает и оправдывает, ее продолжение находит необходимым до победного конца, хотя в положительном ее исходе многие не убеждены, потому что их смущает неустройство в военной технике и в продовольствии войск и тыла»²⁴⁵.

По вопросу о политическом строе мнение солдат и многих офицеров было единым – демократическая республика. За конституционную монархию высказывались монархически настроенный генералитет, часть офицеров и казачество. «Вся масса солдат, без всякого исключения, и почти все офицеры настроены не только антидинастично, но и антимонархично вообще. Все уверены и будут несомненно требовать, чтобы у нас была демократическая республика», – сообщал, например, командир 15-го армейского корпуса генерал И. З. Одишелидзе в секретном заключении о политическом настроении войск командующему 3-й армией²⁴⁶. Несмотря на различие взглядов на государственное устройство страны, по вопросу дальнейшего развития революции и продолжения войны, события на Западном фронте в начальный период в целом носили мирный характер, без вооруженных столкновений. Солдатами были арестованы, отстранены от занимаемых должностей и удалены из частей и подразделений наиболее ярые сторонники свергнутого режима, отличавшиеся жестокостью и злоупотреблявшие своим служебным положением²⁴⁷. Всего на Западном фронте до июля

²⁴⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 23, 29.

²⁴⁵ Цит. по: Капшуков С. Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 – март 1917 г.). М., 1957. С. 134.

²⁴⁶ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 15. Л. 142.

²⁴⁷ См. подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 23–24.

1917 г. были арестованы и удалены из частей и соединений или ушли по причине выраженного солдатами им недоверия 35 командиров и начальников рангом от командира полка до командира корпуса²⁴⁸.

Однако глубокий процесс расслоения в войсках по социальному признаку открыто начался с первых дней Февральской революции. Активное начало этому было положено созданием солдатских комитетов, которые изначально состояли из выборных представителей от солдат и явились, по сути, второй властью в армии.

Командование сразу поняло, какая пропасть разъединения солдатских масс с офицерством создается с образованием солдатских комитетов. Оно принимало меры, чтобы предотвратить этот процесс. Не сумев воспрепятствовать созданию солдатских комитетов, по приказу Верховного главнокомандующего командование взяло их организацию и деятельность под свой контроль. В войсках стали создаваться смешанные солдатско-офицерские комитеты. Командование пыталось всеми силами убедить солдат в необходимости единения с офицерами, представить дело так, будто с победой буржуазно-демократической революции исчезли причины для «разъединенности» и «отчуждения» между офицерами и солдатами, призывало солдат «забыть все старое и начать жизнь на новых началах, слившись в единую семью на взаимном доверии». С призывами покончить с недоверием к офицерам, во имя «достижения победы над врагом научиться извинять и прощать вольные и невольные погрешности начальникам» обращались к солдатам в приказах командира 9-го армейского корпуса генерал Н. М. Киселевский и 3-го гренадерского корпуса генерал Д. П. Парский, а также главнокомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко. Свой призыв они аргументировали создавшимися для единения условиями в результате организации в войсках объединенных солдатско-офицерских комитетов.

Призывы к примирению оказывали влияние на солдат, выражавших готовность поверить в искренность протянутой руки. Характерный факт готовности к сближению солдат с офицерами имел место, например, в 47-м обозном батальоне 3-й армии, в котором уже на первом заседании офицерско-солдатского комитета его председатель солдат Рожков «торжественно заявил, что всему старому он ставит крест и призывает всех забыть старое, не вспоминать прошлого во имя торжества революции». Присутствовавший на заседании командир 233-го транспорта капитан Мартынович, отличавшийся до революции, по словам солдат, жестоким отношением к ним, «низко поклонился Рожкову, выразил чувственную благодарность»²⁴⁹. Во многих случаях солдаты доверили офицерам возглавить комитеты. Радикально настроенная часть офицеров искренне поддержала солдат, выступала за демократизацию армии, уравнивание солдат в правах.

Однако в целом пропасть взаимного отчуждения и недоверия солдат к офицерам продолжала оставаться. Солдатские массы нередко инстинктивно не доверяли офицерам, считая их представителями буржуазно-дворянского класса. Офицерство, воспитанное в духе надменности к солдату, превосходства над ним, беспрекословного повиновения солдата офицеру, в большинстве случаев не сочувствовало, часто непримиримо относилось к предоставлению солдату относительной свободы, элементарных гражданских прав, нарушало их. В целом ряде случаев, как показали последующие события, выраженная готовность офицеров к единению с солдатами была неискренней из тактических (т. е. конъюнктурных)

²⁴⁸ Подсчитано автором по: Революционное движение в русской армии 24 октября – 27 февраля 1917 г. М., 1968. С. 217–220.

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 623.

соображений.

Принимая меры, направленные на единение офицеров и солдат, с целью удержать армию в своих руках, предотвратить ее разложение, поднять боеспособность, командование направило усилия на разъединение солдат с рабочим классом, чинило препятствия созданию единых Советов рабочих и солдатских депутатов – основной формы союза рабочих и солдат.

В основе объединительного процесса Советов солдатских депутатов с Советами рабочих депутатов лежало движение солдат и рабочих к сплочению и консолидации сил для успешной борьбы с контрреволюцией. Советы рабочих и солдатских депутатов являлись прообразом создаваемых на фронте солдатских комитетов и Советов, способствовали их созданию, а вместе с ними являлись школой политического воспитания и организующими центрами широких солдатских масс. Ведущую роль в этом для Западного фронта, наряду с Петроградским Советом, играл Минский Совет рабочих и солдатских депутатов, который, по признанию В. Г. Кнорина, являлся общепризнанным организатором солдатских и рабочих масс, всех трудящихся²⁵⁰.

Солдаты Западного фронта заявляли о своей солидарности с рабочими и солдатами Петрограда, необходимости союза с ними, предлагали помощь и поддержку. С такими заявлениями обращались, например, к петроградским рабочим и солдатам гарнизона солдаты 31-го Алексеевского, 280-го Василь-Сурского, 292-го Малоархангельского, 685-го Логишинского пехотных полков, других частей и подразделений.²⁵¹

В свою очередь рабочие оказывали солдатам фронта культурно-просветительскую, материальную и другие виды помощи, вели разъяснительную работу среди них. На приветствия солдатских масс, их заверения в поддержке в революционной борьбе рабочие Петроградского оружейного завода писали: «Сила единения рабочих с сынами народа – героями-солдатами – является залогом будущего процветания нашей родины... Вечные единения рабочих с солдатами – несокрушимая сила... Не забывайте, что рабочие и солдаты всегда должны стоять на страже защиты прав народа... Братской кровью единения мы скрепим узы эти в дни выступлений... Не забывайте этого»²⁵².

Не сумев воспрепятствовать созданию солдатских комитетов и Советов, объединению их с Советами рабочих депутатов, единению рабочих и солдат, командование, буржуазно-дворянское офицерство, буржуазия страны повели атаки на союз солдат и рабочих. Чтобы ослабить революционные силы, расколоть этот союз, заставить рабочих отказаться от требований восьмичасового рабочего дня, улучшения материально-бытового и социально-правового положения, отвлечь солдат от борьбы за демократизацию армии, ослабить их интерес к политическим вопросам, связанным с войной, они начали проводить политику натравливания солдат на рабочих, противопоставлять их друг другу.

Основная роль в этом отводилась буржуазной прессе. На Западном фронте с обвинениями рабочих в нежелании работать на оборону, в срыве снабжения фронта широко распространялись буржуазные газеты «Русское слово», «Речь», «Дело народа», «Биржевые ведомости», «Наш вестник» и другие издания, а также прокламации и листки, такие как черносотенца В. М. Пуришкевича «Без забрала», буржуазного издательства «Освобожденная

²⁵⁰ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957. С. 7.

²⁵¹ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 519. Л. 41; Д. 520. Л. 6, 19; Д. 554. Л. 4.

²⁵² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 марта.

Россия», комитета Общества распространения бесплатных изданий «За родину и свободу» и др. Кроме того, по фронту распространялись враждебного содержания в адрес рабочих резолюции, составленные и принятые на офицерских собраниях. В одной из них, принятой на собрании высших офицеров Особой армии, которой затем выразили «полное сочувствие и солидарность» и штаб-офицеры 3-й армии, говорилось, что «служба офицеров и солдат на позиции весьма тяжела, а потому установление рабочими восьмичасового рабочего дня» якобы «вызвало общее не сочувствие войск, обвинение рабочих в преследовании узких классовых целей и не лишены оснований опасения, что в решительную минуту армия снова останется без боевых припасов»²⁵³.

Наводнив фронт буржуазной прессой, развернув клевету на рабочих, контрреволюционные силы одновременно предприняли меры к изоляции солдат от правдивых сведений о рабочих и положении в тылу. С этой целью они пытались оклеветать рабочую печать, не допустить рабочие газеты на фронт. По признанию бывшего члена II Государственной Думы Белановского, командированного агитационной комиссией Петроградского Совета во 2-ю армию Западного фронта, «везде где был, шло очень плохое снабжение рабочей печатью, солдат пичкали исключительно буржуазной прессой, пускались всевозможные слухи о двоевластии, о нежелании рабочих работать для снабжения армии»²⁵⁴.

Реакция солдат Западного фронта на возводимую буржуазией клевету на рабочих не была однозначной. Наиболее политически подготовленные из них выступили в защиту рабочих. Например, представители частей и подразделений 6-й пехотной дивизии 3-й армии, разоблачив и осудив на митинге натравливание буржуазией рабочих, солдат и крестьян друг на друга, высказались за полное доверие рабочим, приветствовали их требования восьмичасового рабочего дня²⁵⁵. Наблюдая массовый приток буржуазной прессы с клеветой на рабочих и задержку с поступлением на фронт демократической печати, солдаты с тревогой сообщали об этом в Петроградский Совет, стремились установить причины непоступления этих изданий, принимали меры по доставке их на фронт. Другая часть солдат, оказавшись в политической изоляции от рабочих, поддавалась влиянию усиленной буржуазной пропаганды, проявила сомнения и неуверенность в рабочем классе, в отдельных случаях недовольство.

Создавшаяся ситуация осложнялась тем, что положение в тылу в искаженном представлении стало предметом обсуждения на заседаниях офицерско-солдатских комитетов, особенно высшего звена, где при активном участии офицеров вырабатывались резолюции, постановления и наказания с пожеланиями рабочим и с требованиями к ним повысить интенсивность и эффективность труда.

В защиту революционного союза рабочих и солдат, с призывом «не верить измышлениям врагов революции», «укреплять союз рабочего класса, крестьянства и армии» выступили большевики. Через свои печатные органы – газеты «Правда», «Солдатская правда» и другие, они разъясняли необходимость единения рабочих и солдат, общность интересов, разоблачали клевету буржуазии на рабочих, преследуемую ей этим цель²⁵⁶.

В свою защиту и в защиту единения с солдатами выступили сами рабочие. Например, на

²⁵³ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 104. Л. 121–122.

²⁵⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 мая.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 82. Л. 333.

²⁵⁶ Правда. 1917. 11 апр.; Солдатская правда. 1917. 15 апр.

состоявшемся 22 марта в Петрограде собрании представителей фабрик и заводов была отвергнута клевета буржуазии на рабочих. Рабочие завода братьев Айваз в принятой на собрании резолюции призывали солдат не верить злomu вымыслу, расспрашивать своих депутатов о рабочих, проверять через делегатов работу на заводах²⁵⁷.

Обсуждая экономические требования рабочих, внутривойсковые события в стране на заседаниях войсковых комитетов, общих собраниях и митингах, солдаты Западного фронта принимали решения о посылке специальных делегаций в Петроградский Совет, Государственную Думу для выяснения политических вопросов и для ознакомления с работой выпускающих военную продукцию заводов²⁵⁸.

Рабочие петроградских заводов с пониманием и сочувствием относились к солдатским делегатам, знакомили их с истинным положением дел на заводах, на конкретных примерах опровергали возводимую на них клевету.

Посещение солдатскими делегатами крупнейших предприятий Петрограда, знакомство с коллективами заводских рабочих, условиями их труда и быта, обмен мнениями по злободневным вопросам, широкий доступ к рабочей печати раскрывали сущность буржуазной пропаганды, рассеивали недоверие к рабочим. На специально созванных заседаниях заводских комитетов рабочие и солдаты-делегаты заявляли о взаимном доверии, преданности друг другу и единении. Об этом было записано в резолюции военных делегатов после посещения ими пяти отделений Путиловского завода, заявлено представителями от солдат 42-й артиллерийской бригады Западного фронта и от Франко-Русского завода на заседании Совета старост предприятия, делегатами 174-й пехотной дивизии 3-й армии, посетившими 3-ю мастерскую оружейного завода, заводским комитетом Петроградского картонного завода, в отчете делегатам – солдатам 265-го пехотного Вышневолоцкого полка 3-й армии.

По возвращении в свои части и подразделения на многочисленных митингах и собраниях делегаты информировали солдат о своих поездках, доводили сведения о настроениях рабочих. Узнав правду, солдаты заявляли о своей солидарности с рабочими, о необходимости крепить единение, о готовности поддержать их.

В защиту союза с рабочим классом, с опровержением клеветы на рабочих и солдат, с разъяснением преследуемых буржуазией целей, с призывом к солдатам крепить союз с рабочими выступили некоторые войсковые организации: ротный комитет отдельной инженерной роты 73-й пехотной дивизии, солдатско-офицерские Советы штаба 10-й армии, гренадерского корпуса 2-й армии и др.

Упрочению солидарности солдат с рабочими, расширению их контактов способствовала подготовка к празднованию 1 Мая. 16 апреля (по ст. ст.) рабочие всей России трудились в фонд «красного подарка» фронту. Рабочими Петрограда, например, за две-три недели было собрано 1200 тысяч рублей на подарки для солдат, избраны делегаты для доставки их на фронты. Такие делегации с подарками посетили и Западный фронт. Например, солдатам 111-го пехотного Донского полка 28-й пехотной дивизии 3-й армии подарки вручила делегация рабочих Охтинского завода, солдатам 297-го пехотного Ковельского полка 75-й пехотной дивизии – металлического завода, 515-го пехотного Пинежского полка 129-й пехотной дивизии 2-й армии

²⁵⁷ Правда. 1917. 8, 9 апр.

²⁵⁸ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 45–46.

– делегация от Царско-Сельского Совета рабочих и солдатских депутатов²⁵⁹. Вопрос о сборе первомайских подарков для солдат был рассмотрен на собрании рабочих депутатов Минского Совета, с призывом к рабочим и служащим Витебска о сборе средств на первомайские подарки солдатам обращался исполком Витебского Совета²⁶⁰.

Яркой демонстрацией солидарности рабочих и солдат явилось празднование 1 Мая. Во многих частях на Западном фронте и в гарнизонах состоялись митинги и торжественные собрания рабочих и солдат, беседы на политические темы, праздничные шествия. Такие мероприятия состоялись, например, в местечках Замирье, Раков, Койданово, других местечках и городах Беларуси²⁶¹.

Показателем социально-классового и политического размежевания в войсках Западного фронта являлась работа 1-го съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, состоявшегося в Минске 7–16 апреля 1917 г. Уже с самого начала представители буржуазии предприняли попытку размежевать солдатских делегатов с рабочими и провести съезд в антирабочем направлении. С этой целью они намеревались избрать председателем съезда эсера солдата-артиллериста В. В. Сороколетова. Однако большая часть делегатов – солдаты, демократически настроенные офицеры и рабочие делегаты, предпочли поручить руководство съездом представителю от рабочих, меньшевику-интернационалисту председателю Минского Совета Б. П. Позерну.

Это во многом предопределило направление работы съезда и принятые им решения. В повестку дня съезда для рассмотрения был включен вопрос «Война и улучшение быта крестьян и рабочих», а в ходе его работы была создана комиссия по рабочему вопросу. В принятой резолюции по рабочему вопросу съезд отвергал «клеветническое обвинение против рабочего класса», видя в нем «стремление имущих классов посеять рознь и недоверие между революционной армией и революционным пролетариатом». Съезд поручил фронтовому комитету «немедленно выпустить воззвание к солдатам, рабочим и всему населению о значении 8-часового рабочего дня и о клеветнических обвинениях, возводимых на рабочий класс по поводу (его) введения»²⁶².

Неутешительная для буржуазии картина социально-классового и политического расслоения в войсках, брожения и внутренней конфронтации в офицерском корпусе вызвала необходимость его консолидации и укрепления. В решении этой задачи главная роль отводилась Союзу офицеров армии и флота, инициатива создания которого принадлежала офицерам Ставки Верховного главнокомандующего. 15 апреля 1917 г. они избрали Главный временный комитет Союза во главе с председателем подполковником Лебедевым и приняли обращение к офицерам армии и флота, в котором призывали противодействовать выступлениям отдельных, демократически настроенных лиц и групп из офицерского корпуса, включиться в борьбу за спасение армии от разложения.

Союз офицеров армии и флота, объединявший 100-тысячный корпус офицерства,

²⁵⁹ РГВИА. Ф. 2725. Оп. 1. Д. 154. Л. 3; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 10; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 мая.

²⁶⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 167, 231–232.

²⁶¹ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 48–50.

²⁶² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 200–201.

фактически являлся филиалом кадетской партии в войсках. Кадеты взяли курс на сплочение офицерских организаций под флагом беспартийности, так как солдаты с неприязнью относились к этой партии, офицеры не всегда рисковали в нее вступать, опасаясь солдатского негодования. Ставка вначале настороженно отнеслась к идее отдельных офицерских организаций, видя в них препятствие провозглашенному курсу единения солдат с офицерами. Однако интересы кастовой организации офицерства взяли верх. Уже в апреле-мае во многих соединениях фронта и тыловых гарнизонах (Минск, Могилев) возникли отделения Союза офицеров.

Солдаты Западного фронта враждебно относились к созданию офицерских и им подобных союзов и энергично протестовали против них. Такой протест последовал, например, от совещания представителей армейских и фронтового комитетов, солдат многих частей и подразделений фронта²⁶³. Однако офицерская верхушка не отступила. С 7 по 22 мая в Могилеве в Ставке состоялся офицерский съезд, на который прибыли 298 делегатов (241 офицер с фронта, 57 офицеров-тыловиков)²⁶⁴, по партийной принадлежности в основном кадеты. В выступлениях Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, открывшего съезд, его начальника штаба генерала А. И. Деникина, других участников, в принятых съездом резолюциях звучал один лейтмотив – вернуть власть начальникам, «армия близка к состоянию полного развала». Съезд избрал Главный комитет Союза офицеров под председательством члена ЦК партии кадетов подполковника Л. Н. Новосильцева.

Параллельно со съездом в Могилеве с 8 по 27 мая работал Всероссийский съезд офицеров в Петрограде, организованный Советом офицерских депутатов Петрограда. Съезд собрался, по словам его организаторов, чтобы «сговориться по всем наболевшим политическим и специальным (офицерским) вопросам, с целью посылить помощь... любимой армии», «сорганизоваться и выбрать свой путь»²⁶⁵. Выступавшие признавали существовавшую «между офицером и солдатом до сих пор не пробитую стену безусловного недоверия и полного отчуждения».

Эти два съезда свидетельствовали о политических разногласиях в офицерском корпусе. Если первый был полностью делом рук кадетской партии и генеральской верхушки, то второй собрался по инициативе Петроградского Совета офицерских депутатов, который, находясь в центре революционных событий, более трезво оценил обстановку и политику возрождения армии видел возможным проводить не жесткими мерами, а путем единения офицеров и солдат. Хотя эта линия тут же натолкнулась на ожесточенное противодействие большинства участников съезда, подчеркнувших, что подавляющая часть офицеров и буржуазия едины. После бурных инцидентов съезд раскололся и правая его часть (600 делегатов из 700 с лишним) покинула съезд, чтобы вести борьбу в войсках по программе партии кадетов²⁶⁶.

На платформе партии кадетов в войсках создавались и другие родственные Союзу офицеров организации – Союз воинского долга, Союз спасения Родины, Союз Георгиевских

²⁶³ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 583. Л. 88.

²⁶⁴ Буравченков А. А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1987. С. 46.

²⁶⁵ Стенографический отчет заседаний Верховного съезда офицерских депутатов армии и флота. Пг., 1917. С. 4.

²⁶⁶ Голуб П. А. Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967. С. 48.

кавалеров, Союз казачьих войск и др.

Особая активность этих буржуазных организаций и усиление процесса социального расслоения в войсках проявились в послеиюльский период и в дни корниловщины – в условиях наиболее острого классового противостояния масс. Когда контрреволюционная военщина в тесном союзе с реакционными кругами буржуазии взяла курс на разгром революционных сил в Петрограде, подавление революционного движения в армии и стране в целом, установление военно-террористической диктатуры.

На Западном фронте это проявилось в усилившейся пропаганде в войсках Союза офицеров, Союза Георгиевских кавалеров, Совета Союза казачьих войск, Республиканского центра, других контрреволюционных организаций, в стремлении контрреволюционной верхушки и ее приверженцев на фронте восстановить старорежимные порядки, ликвидировать войсковые комитеты, завоеванные в революции демократические права и политические свободы, консолидировать свои силы к борьбе за установление военной диктатуры в стране²⁶⁷.

Стремление контрреволюции к осуществлению своих целей встретило жесткое противодействие солдат и демократически настроенных офицеров, однозначно оценивших действия контрреволюции как возврат к старому режиму. Борьба с контрреволюцией, опасность военной диктатуры способствовали объединению всех демократических сил. Слабость социальной базы корниловщины и массовость демократического движения против нее сделали невозможным установить военную диктатуру, привели к поражению контрреволюционного заговора.

3.3. Обострение межпартийной борьбы за войско и ее влияние на морально-политическое состояние солдат

После июльских событий – расстрела Временным правительством мирной демонстрации рабочих и солдат Петрограда – обострилась межпартийная борьба за войска. Особенно заметную активность в этом проявляли крайне правые и левые партии – кадеты и другие правые буржуазные партии, с одной стороны, и большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры – с другой.

Следует отметить, что условия, в которых теперь действовали названные партии, резко отличались. В то время, когда, например, партия кадетов, оставалась партией правительственной коалиции, являясь выразителем интересов крупной буржуазии и помещиков, значительной части командно-офицерского состава, оказалась в роли наступающей партии, то большевики в результате развернувшихся преследований и репрессий оказались в положении обороняющейся партии и перешли на полулегальную деятельность. Кроме того, буржуазные партии в борьбе за удержание армии в своих руках опирались на поддержку мелкобуржуазных партий, особенно меньшевиков и эсеров, еще имевших большое влияние в войсках, в то время как большевики окончательно порывали с этими партиями, выходили из объединенных с ними организаций.

Интересам буржуазных партий полностью отвечали официальная пропаганда и государственная политика Временного правительства, направленные после июльских событий на подавление революционных выступлений в армии. Войска наводнялись буржуазными изданиями и пропагандистами, в то же время большевистские газеты закрывались или не

²⁶⁷ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 163, 168, 169–170, 171, 173–174, 182.

допускались в войсках, агитаторы и пропагандисты арестовывались. Кадеты требовали довести разгром революционных сил до конца: ликвидировать Советы и войсковые комитеты, разгромить партию большевиков.

Чтобы обезглавить революционное движение в войсках, командование Западного фронта преследовало деятельность большевиков. При поддержке меньшевиков и эсеров оно проводило их аресты, предавало суду, стремилось удалить из войск любыми другими путями²⁶⁸. О том, насколько широко было развернуто преследование большевиков на Западном фронте, свидетельствует такой факт: только в тюрьмах Минска из двух тысяч арестованных после июльских событий, в основном солдат и демократически настроенных офицеров, 860 являлись большевиками²⁶⁹.

Почти одновременно, в третьей декаде июля 1917 г., в Петрограде состоялись съезды этих двух непримиримо враждебных друг другу партий. IX съезд партии кадетов проходил с 23 по 28 июля. В выступлениях делегатов и в принятых на съезде решениях особенно отчетливо проявились враждебная непримиримость к социалистической идеологии, откровенная защита интересов имущих, ярко отразились стремления кадетов создать в стране буржуазно-военную диктатуру, которая бы завершила разгром революционных сил. Съезд показал решимость кадетов достичь этой цели, если не мирным путем, то путем развязывания гражданской войны. Об этом открыто говорилось на съезде и в прессе, освещавшей его работу²⁷⁰.

С 26 июля по 3 августа состоялся VI съезд РСДРП(б). Вместо временно снятого по предложению Ленина лозунга «Вся власть Советам!», съезд выдвинул лозунг полной ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии, определил курс на вооруженное восстание. Готовиться к этому в принятом манифесте призывались рабочие, солдаты и крестьяне²⁷¹.

По окончании работы съездов обе партии начали осуществлять принятые решения. Руководство кадетской партии, осведомленное о планах генерала Корнилова, назначенного 18 июля 1917 г. Верховным главнокомандующим, приступило к подготовке контрреволюционного переворота. В войсках на фронте усилились репрессии против неповинующихся солдат и войсковых комитетов, выражавших их интересы. Кадеты требовали распространения смертной казни и на тыловые части. Ближайший сподвижник Л. Г. Корнилова генерал А. И. Деникин так охарактеризовал суть его программы: «Генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против Советов и особенно их левого сектора»²⁷².

Вокруг корниловской Ставки стали группироваться, повысив свою активность, буржуазно-помещичьи организации, такие как Союз офицеров армии и флота, Союз

²⁶⁸ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 145–146.

²⁶⁹ Голуб П. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. С. 132.

²⁷⁰ Речь. 1917. 30 июня.

²⁷¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 66.

²⁷² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. С. 8.

Георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск, Республиканский центр и другие. Они стремились к вербовке в свой состав новых членов из офицеров, к объединению и сплочению всех сил кадетской контрреволюции. С этой целью они распространяли в войсках свои постановления, воззвания и телеграммы с заявлениями в поддержку и защиту Л. Г. Корнилова, против большевиков и других революционных сил.

В то же время активизировали свою деятельность большевики, авторитет и влияние которых в войсках Западного фронта стали возрастать после апрельского, июньского и особенно июльского политических кризисов. Несмотря на преследования и аресты, продолжался их численный рост. Уже накануне июльских событий были созданы большевистские организации и ячейки в 29-м Черниговском, 31-м Алексеевском, 723-м Вильколазском пехотных полках 3-й армии; в середине июля – в 12-м и 25-м Туркестанских и 27-м Сибирском стрелковых полках 2-й армии; в 1-м артиллерийском полку 10-й армии. В середине августа были созданы большевистские организации в 6-м гренадерском Таврическом полку и 12-м железнодорожном батальоне.

Особенно интенсивный характер деятельность большевистских организаций на Западном фронте приняла после VI съезда РСДРП(б), решения которого обсуждались во всех партийных организациях и ячейках, в беседах и на страницах прессы.

Отношение на Западном фронте к этим двум, находившимся на противоположных флангах политики и враждебно настроенным друг к другу партиям с диаметрально противоположными программами не было однозначным.

Командный состав, особенно высший эшелон, часть офицерского корпуса были полностью солидарны с кадетской партией и созданными в войсках под видом беспартийных, «профессиональных» офицерских организаций, одобряли их деятельность, направленную на борьбу с большевизмом, против революции и разложения армии, за восстановление дисциплины в войсках и их боеспособности. Например, командующий 3-й армии генерал Я. К. Цихович на одном из поступивших к нему воззваний Главного комитета Союза офицеров оставил надпись: «Сочувствую этой высокопатриотической организации. Злостные нападки на Союз, якобы сеющий рознь между офицерами и солдатами, не имеют ни каких оснований, так как офицер-патриот всегда будет стремиться к единению со своим младшим братом-солдатом, и участие его в комитете, развивая его сознание, такую связь не расшатает, а укрепит»²⁷³.

Солдатские массы Западного фронта с большим недоверием и враждебностью относились к кадетской партии. В применении репрессий против революционных сил, в стремлении командования восстановить дисциплину в войсках, в возросшей активности буржуазии солдаты видели стремление «кадетов установить свою власть». К такому выводу они пришли на основе собственных наблюдений за развитием событий в стране и армии. Сообщая в письмах в Петроградский Совет о повысившейся активности кадетской партии, солдаты просили «не отдавать власти кадетам», создать «правительство демократическое, а не империалистическое, республику демократическую, а не буржуйскую», заверяли, что не допустят восстановления монархического строя, призывали Совет к активной борьбе с буржуазией, обещали свою помощь и поддержку. Об этом писали, например, солдаты 693-го пехотного Слуцкого полка, перевязочного отряда 9-й пехотной дивизии, воздухоплавательного отряда и 25-го Сибирского стрелкового полка 3-го Сибирского корпуса, 1-й Сибирской дивизии²⁷⁴, многих других частей

²⁷³ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 20. Л. 486.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 530. Л. 77; Д. 531. Л. 311; Д. 532. Л. 65; Д. 528. Л. 390, 398.

и подразделений фронта.

Одновременно все с большим вниманием и сочувствием солдаты относились к большевикам, проводимой ими, в основном нелегально, агитационной пропаганде. Как свидетельствуют сводки командования о настроении войск за вторую половину августа, пропаганда большевиков вызвала «брожение» солдат в 7-й Туркестанской и 15-й Сибирской стрелковых, 134-й пехотной дивизиях, в 15-м и 35-м армейских корпусах. По признанию командования, «несмотря на принимаемые меры», большевистские газеты и литература проникали на фронт и «весьма охотно читались солдатами», оказывая на них влияние в 5, 134 и 175-й пехотных и 15-й Сибирской стрелковой дивизиях. «Влияние большевиков», по словам командования, чувствовалось в 20-м армейском корпусе²⁷⁵.

Кадеты и другие буржуазные партии, несмотря на все возраставшую против них оппозицию, не оставляли своих планов грубой силой подавить сопротивление сил революции и установить военную диктатуру. Не рассчитывая на сознательное участие в контрреволюционном выступлении не только солдат, но даже сколько-нибудь значительной части офицерского корпуса, генерал Л. Г. Корнилов и его сподвижники обманным путем, под предлогом обучения стрельбе из английских минометов нового образца, стягивали офицеров фронта (до трех тысяч человек) в Ставку в Могилев, где концентрировались ударные силы контрреволюции для похода на Петроград.

Следует отметить, что в офицерском корпусе после Февральской революции произошли значительные изменения. В нем также не было единства, наблюдалась внутренняя конфронтация. Офицеры фронта, особенно младшие офицеры, как ближе всех стоявшие к солдатам, видевшие в каком тупике находилась армия, реальнее смотрели на сложившуюся обстановку, не сочувствовали Верховному главнокомандующему, остались верными Временному правительству.

Таким образом, социальная база, на которую делали ставку корниловцы, а это главным образом офицерский корпус, наиболее благонадежные, с их точки зрения, казачьи, инородческие части и ударные батальоны, оказалась недостаточной. Корниловский заговор с самого начала был обречен на неудачу. Он встретил жесткое противодействие солдат и демократически настроенных офицеров, однозначно оценивших действия военной верхушки, как возврат к старому режиму.

Провалу корниловского заговора способствовала и размолвка, происшедшая между Верховным главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым и Военным министром А. Ф. Керенским. Последний, все время разделявший корниловскую программу «спасения страны», расходясь лишь в вопросах тактики, почувствовал слабость своего положения, неуверенность в осуществлении своих честолюбивых планов возглавить диктаторский режим, страхась возмездия народа, в последний момент отмежевался от Корнилова и сделал Корниловский мятеж достоянием гласности.

Борьба с корниловским заговором, опасность военной диктатуры способствовали объединению всех демократических сил. Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов, объявляя войскам о контрреволюционном заговоре, сообщая об «отрешении правительством» генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего, объявляя его «изменником и врагом Родины», поставил, перед войсковыми комитетами задачу поддерживать Временное правительство, «разрушать» попытки содействовать заговору на местах, «приложить все усилия, чтобы заговор не отразился на устойчивости фронта». Призывалось «не исполнять

²⁷⁵ См.: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 181–182.

никаких приказаний Корнилова и примкнувших к нему изменников», «быстро и точно» исполнять призывы ЦИК Советов и приказы Временного правительства и верных ему лиц из командного состава, принять необходимые меры предосторожности и обеспечить связь с ЦИК «путем установления контроля над всеми передающими аппаратами», выяснить «в какой мере» комитеты могут оказать «поддержку Временному правительству вооруженной массой»²⁷⁶.

В борьбе против контрреволюционного заговора объединили свои усилия большевики, меньшевики и эсеры, создав совместные органы по организации и координации действий на местах. Например, в Минске в первый же день, как только стало известно о мятеже, на совместном заседании фронтового комитета и исполкома Минского совета был создан Штаб революционных войск по борьбе с корниловщиной во главе с М. В. Фрунзе, а 30 августа – Временный революционный комитет Западного фронта под председательством эсера Н. А. Полянского. Заместителем председателя был избран большевик К. И. Ландер²⁷⁷. Совместные коалиционные органы были созданы и в других городах и местечках Беларуси.

На предотвращение корниловского заговора была направлена пропагандистская и организационная деятельность большевистских организаций, Советов и войсковых комитетов, еще находившихся под влиянием эсеров-меньшевиков.

Следует отметить, что инициаторами активной борьбы с корниловщиной были большевики. Однако массовость движения против корниловского заговора была за меньшевиками и эсерами, преобладавшими в Советах и войсковых комитетах и наибольшими по численности вообще.

Важную роль в борьбе против корниловщины сыграли войсковые комитеты. Они являлись центрами сплочения солдат, превращались в оперативные органы или создавали специальные исполнительные бюро по организации борьбы с возможными выступлениями сторонников Л. Г. Корнилова на фронте. Во многих соединениях после получения известий о Корниловском мятеже войсковыми органами были заняты средства связи, установлен контроль за всеми командировками, перепиской и телефонными переговорами командиров и штабных работников, отдаваемыми ими приказами и распоряжениями войскам в связи с мятежом. Районы дислокации войск были разбиты на участки между частями, которым предписывалось выставить посты на всех дорогах. Во все части для разъяснения событий были направлены члены комитетов, в обязанность которых входило предотвратить возможные эксцессы между солдатами и командным составом, «поддерживать спокойствие в частях»²⁷⁸.

Многочисленные факты активного участия солдат и демократически настроенных офицеров в борьбе против корниловщины свидетельствуют, что борьба эта осуществлялась в целом под общедемократическими лозунгами и была направлена не только на защиту революции, но и существующей буржуазной власти. Важную роль в этом сыграл центральный орган революционной демократии – ВЦИК Советов, выступивший в поддержку Временного правительства и призвавший к этому революционные массы, а также маневр министра-председателя этого правительства – социалиста А. Ф. Керенского, разделявшего программу Л. Г. Корнилова, но затем отмежевывавшегося от него.

Меньшевистско-эсеровские комитеты вслед за своим верховным органом высказались в

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 3. Д. 1. Л. 26.

²⁷⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 613.

²⁷⁸ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 184–185.

поддержку Временного правительства. В принятых резолюциях, клеймя позором мятежного генерала Корнилова, как «предателя и изменника, посягнувшего на священные права народа», они «с должным вниманием и восторгом» встретили весть о назначении Керенского Верховным главнокомандующим, «с радостью» приветствовали его «энергичные шаги» на подавление контрреволюционного заговора, заявили о полном доверии Временному правительству, призывая солдат к «точному исполнению требований уважаемого вождя Керенского», стремились убедить их в том, что «путь корниловцев ведет к самодержавию и кабале. Путь же Временного правительства – к народной власти и свободе». С такими резолюциями выступили, например, общее собрание бригадного и батарейных комитетов и офицеров 2-й гренадерской артиллерийской бригады, дивизионный комитет при штабе главнокомандующего Западным фронтом, комитеты частей 73-й пехотной дивизии, 3-й батареи и 129-го отдельного артиллерийского дивизиона, 6-го гренадерского Таврического, 29-го Сибирского стрелкового, 712-го пехотного Унженского полков²⁷⁹, других частей и подразделений фронта.

Вождь партии большевиков В. И. Ленин, не отрицая борьбы рабочих и солдат с контрреволюцией и под знаменами эсеров и меньшевиков, категорически отвергал возможность политического блока большевиков с эсерами-меньшевиками по причине распространения ими предположений, «будто поддерживаемое ими правительство спасает революцию». В осознании массами предательства меньшевиков и эсеров, полном разрыве с ними, безусловном бойкоте их Ленин видел залог успеха революции²⁸⁰. Воспитание в массах такого сознания было главной задачей большевиков.

В дни борьбы против корниловщины и после ее разгрома большевики усилили агитацию в массах с требованием арестовать лидера партии кадетов П. Н. Милюкова, разогнать контрреволюционную Государственную Думу, узаконить передачу помещичьих земель крестьянам, ввести рабочий контроль над производством и распределением, решения других вопросов.

Большевики Беларуси и Западного фронта, выполняя задачу по мобилизации и организации рабочих и солдат на борьбу против корниловщины, разъясняя опасность Корниловского мятежа, косвенно разоблачали политику Временного правительства и А. Ф. Керенского. Успеху деятельности большевиков способствовала неуверенность Временного правительства с самого начала его правления в решении поставленных революцией задач. Особенно наглядно для масс контрреволюционность Временного правительства проявилась в послеиюльский период и в дни корниловщины. Солдаты все чаще в этот период приходили к выводу, что основным препятствием в успешном решении задач революции являлась политика Временного правительства. Об этом свидетельствует выраженное ими недовольство Временным правительством в письмах в Петроградский Совет и ВЦИК Советов, что отмечали и войсковые комитеты. «Завоевания революции для солдат стали еще дороже, чем когда-либо. Солдаты выражают недоумение по поводу прежней нерешительности политики Временного правительства в деле проведения демократических реформ», – отмечалось в докладе дивизионного комитета 73-й пехотной дивизии о состоянии войск в связи с контрреволюционным мятежом Корнилова²⁸¹.

²⁷⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1347. Л. 300; Ф. 2179. Оп. 4. Д. 2. Л. 307; Ф. 2403. Оп. 1. Д. 1. Л. 63; Ф. 2478. Оп. 1. Д. 71. Л. 214; Ф. 2596. Оп. 1. Д. 1. Л. 38; Ф. 3182. Оп. 1. Д. 12. Л. 23; Ф. 3363. Оп. 1. Д. 99. Л. 13.

²⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 78.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 2403. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

Непоследовательность А. Ф. Керенского в борьбе против Корнилова и его сообщников явилась поводом для подозрений среди солдат о причастности его к корниловщине. В самый напряженный момент, вызванный контрреволюционным мятежом, когда, по признанию самих прокорниловски настроенных командиров, солдаты готовы были на один выстрел мятежных войск в Могилеве ответить миллионами выстрелов в окопах, Керенский, назначенный после отстранения Корнилова Верховным главнокомандующим, 1 сентября издал приказ «О восстановлении порядка в армии».

Приказом запрещались политическая борьба в войсках, выступления солдат против офицеров, предусматривался роспуск всех революционных организаций и отрядов войск, созданных для борьбы с Корниловским мятежом, войсковым комитетам категорически запрещалось вмешиваться в вопросы назначения или смещения начальствующих лиц, приказывалось «стать в строгие рамки деловой работы и не вмешиваться в строевую и оперативную работу». Уклонение от исполнения этих требований Керенский грозил подавлять «всей силой власти»²⁸².

Следует отметить, что в целом приказ был направлен на восстановление дисциплины в войсках и их боеготовности, на предотвращение опасности гражданской войны, однако он был не ко времени. Это признавали даже близкие к политике правительства члены ВЦИК Советов, не сразу поверившие в подлинность приказа и встревоженные тем, что «приказ этот вызовет возбуждение среди них (солдат) и может иметь роковые последствия, которые Советам едва ли удастся предотвратить»²⁸³.

Основания для такой тревоги были. Например, на Западном фронте размах борьбы солдат, войсковых комитетов и созданных для этого специальных органов достиг таких размеров, что заодно с Корниловым они готовы были смести всех его сторонников, оставшихся у власти. Приказ же Керенского вызвал у солдат такую резко отрицательную реакцию, что они немедленно отреагировали на него потоком писем во ВЦИК Советов, в которых высказывались против Временного правительства и эсеров-меньшевиков, поддерживающих его. Так, солдат 8-го гренадерского Московского полка писал: «До каких пор мы, солдаты, и вы должны подчиняться своим старым врагам и слепо требовать поддержания нашего злокачественного правительства. Они наши враги, такие как и разные корниловы... До ареста Корнилова все министры во главе с председателем Керенским принимали и утверждали все его требования, в то время, как... солдатские и рабочие требования не принимались во внимание»²⁸⁴. В заключение солдат высказал свое мнение о Керенском как о члене эсеровской партии: «Что... Керенский – социалист-революционер, то мы и я верю, но чтобы он был на деле социалистом для бедного крестьянина и для всех без исключения, то нет. Мы все увидели, а если и не все, то те, которые увидели... считаем долгом уяснить своим товарищам, которые до этого времени не понимают... кто он есть Керенский...»²⁸⁵.

Против приказа министра-председателя Временного правительства о запрещении политической деятельности в армии выступил исполком фронтового комитета Западного фронта. В принятой на общем собрании резолюции исполком призывал ВЦИК Советов и

²⁸² Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 470–471.

²⁸³ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 610. Л. 29–34.

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 269. Л. 14.

²⁸⁵ Там же. Л. 15.

Временное правительство «решительно отказаться от политики соглашения со всеми партиями и кругами общества», причастными к корниловщине, «немедленно устранить со всех ответственных постов в армии лиц, связанных сочувствием мятежникам», «решительно и без замедлений» проводить демократизацию армии²⁸⁶. Все меньше принималось резолюций о поддержке Временного правительства солдатами в войсковых частях Западного фронта, а в тех, что принимались, содержались требования смертной казни корниловцам, немедленного освобождения из тюрем большевиков и прекращения их преследования, полной демократизации армии, роспуска контрреволюционных Государственного Совета и Государственной Думы, Союза офицеров, Союза Георгиевских кавалеров и им подобных реакционных организаций²⁸⁷.

Корниловский мятеж ускорил общенациональный кризис, вызванный глубокими социально-экономическими и политическими противоречиями. В стране царила хозяйственная разруха, стала массовой безработица, росли цены на продукты и товары первой необходимости, ощущался их острый недостаток. Беднейшим слоям населения грозил голод. В бедственном положении находились семьи фронтовиков. Из дня в день ухудшалось снабжение и их самих. Все это вызывало еще большее недовольство солдат Временным правительством.

Солдаты требовали от Петроградского Совета и ВЦИК Советов принять меры для предотвращения надвигающейся катастрофы, подсказывали выход из создавшегося трудного экономического положения, который они видели, прежде всего, в прекращении империалистической войны, в революционном решении социально-экономических проблем (имущественное уравнивание генералов, офицеров и чиновников с солдатами, реквизиция излишков хлеба у помещиков и продажа его по твердым ценам и др.)²⁸⁸.

Вопросы продовольственного и хозяйственного положения в стране становились предметом обсуждения на общих собраниях солдат и заседаниях войсковых комитетов. В принятых резолюциях для борьбы с продовольственной и хозяйственной разрухой в стране, кроме установления твердых и доступных для всего населения цен на хлеб, другие продукты и предметы первой необходимости, солдаты требовали «перехода некоторых крупных предприятий в руки государства», немедленного установления государственного контроля над всей промышленностью с обязательным участием в нем рабочих организаций, решительной борьбы с саботажем в промышленности. Резолюции, содержащие такие требования, были приняты на общих собраниях солдат армейской артиллерийской мастерской, 32-го эвакогоспиталя, 1-й роты 6-го гренадерского Таврического полка, на объединенном собрании всех полковых и равных им комитетов 2-й гренадерской дивизии, на заседаниях полкового, ротных и командных комитетов 291-го пехотного Трубчевского полка, полкового комитета 6-го гренадерского Таврического полка, исполкома гренадерского корпуса.

В ряде случаев в принятых резолюциях солдаты требовали немедленной передачи всех земель в распоряжение крестьянских земельных комитетов до окончательного решения вопроса о земле на Учредительном собрании. В таком решении аграрного вопроса солдаты видели

²⁸⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 637–638.

²⁸⁷ См. об этом подробнее: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 194–195.

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534. Л. 252, 291; Д. 536. Л. 66; Д. 537. Л. 41; Д. 539. Л. 72; РГВИА. Ф. 3342. Оп. 1. Д. 246. Л. 154.

способ «успокоения страны, устранения самочинных захватов и погромов» помещичьих имений, лишить помещиков возможности «извлекать из земли пользу» только для себя. Такие требования были выдвинуты на объединенных заседаниях полковых комитетов 2-й гренадерской дивизии, дивизионного комитета, комитета команды управления и батарейных комитетов 134-го отдельного артиллерийского дивизиона, полкового комитета 17-го Сибирского стрелкового полка, полкового, ротных и командных комитетов 8-го гренадерского Московского полка²⁸⁹.

Зная, что Временное правительство не станет на путь таких революционных мер, солдаты и войсковые комитеты во многих случаях требовали передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой они видели «единственный путь спасения революции в России», «выразителя воли демократии – большинства населения России». За формирование верховной власти «из представителей всех слоев населения, способных к государственной работе», чтобы «спасти завоевания революции, углубить их и вывести страну из катастрофического положения», высказался в принятой резолюции исполком гренадерского корпуса²⁹⁰.

Во многих случаях в принятых резолюциях, в выступлениях на митингах, собраниях и заседаниях войсковых комитетов, в письмах в Петроградский Совет, ВЦИК Советов и в редакции газет солдаты подвергали резкой критике эсеров-меньшевиков за сотрудничество с буржуазией, которое, по их мнению, «привело только к затягиванию войны, к отдалению от закрепления завоеванных свобод, к беспощадной борьбе с революционной демократией, ко всем проявлениям контрреволюции, кульминационным пунктом которой явилась корниловщина»²⁹¹. Солдаты, не скрывая, говорили о своем недоверии эсеров-меньшевицко-кадетской правительственной коалиции, заявляли о необходимости передачи власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Революционный подъем в стране и армии дал основание большевикам снова выдвинуть временно снятый VI съездом РСДРП(б) лозунг «Вся власть Советам!» и предложить эсеров-меньшевикам создать коалиционное правительство без участия представителей буржуазии. Меньшевики и эсеры не воспользовались этим предложением и создали 14 сентября 1917 г. Всероссийское демократическое совещание, на котором имели абсолютное большинство. Большевики не примирились с этим и считали совещание и созданный на нем Предпарламент ширмой, которой меньшевики и эсеры хотели прикрыть диктатуру буржуазии.

Развернулась острая межпартийная борьба за массы, главным образом между кадетами и эсеров-меньшевиками с одной стороны и большевиками – с другой. Узловым вопросом, вокруг которого велись идеологические и политические баталии, являлась подготовка к выборам в Учредительное собрание и созыву II Всероссийского съезда Советов.

Большевики предвидели, что буржуазные партии используют все пути и способы, чтобы обеспечить себе большинство в Учредительном собрании, от состава которого зависели пути решения всех жизненно важных проблем: войны и мира, земли и свободы, государственного устройства, социальные вопросы. Однако, зная, что идея созыва Учредительного собрания была одной из самых популярных среди широких масс, они не решились открыто выступить против

²⁸⁹ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 198.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 2179. Оп. 4. Д. 5. Л. 16.

²⁹¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 340.

его созыва, а приняли самое активное участие в предвыборной кампании. Вопрос о выборах в Учредительное собрание рассматривался на 1-й Северо-Западной областной конференции РСДРП(б), где были приняты постановление и обращение к Советам, солдатским, крестьянским и фабрично-заводским комитетам, профсоюзам по поводу выборов, с изложением предвыборной большевистской программы. Решения конференции затем широко обсуждались в частях и соединениях Западного фронта.

В свою очередь повысили активность в войсках фронта в связи с выборами в Учредительное собрание партии меньшевиков и эсеров. С этой целью в конце сентября – начале октября 1917 г. меньшевики и эсеры провели корпусные совещания и конференции, армейские конференции 2, 3 и 10-й армий и фронтовую конференцию меньшевистской партии²⁹², а также выступали с агитацией среди солдат на митингах и собраниях, заседаниях войсковых комитетов, с публикациями в печати. Они отводили Учредительному собранию высокую роль – «хозяина земли Русской», связывали с ним справедливое решение всех вопросов, призывали ждать его и не предпринимать никаких революционных мер. Причем эсеро-меньшевики не давали полной гарантии, что вопросы о войне и мире, земле и социальной справедливости Учредительным собранием будут решены в пользу широких масс народа. Например, по вопросу о земле основным содержанием пропаганды эсеров была социализация земли. Однако прежде чем провести этот закон, они собирались «основательно разобраться, какие законы на пользу крестьянину», «в чем зло» существовавших земельных порядков и т. д., связывали с этим неоднократное откладывание Учредительного собрания.

Предвыборная агитация политических партий привлекала внимание солдат и вызывала у них интерес прежде всего к программам, в которых солдаты искали предлагаемые партиями пути и способы решения важнейших политических и социальных проблем. Осторожность эсеро-меньшевиков, их нерешительность в решении вопросов о земле, войне и мире, неоднократное откладывание сроков созыва Учредительного собрания, призывы не предпринимать никаких революционных мер усилили подозрение к ним и Временному правительству, вызвали недовольство среди солдат, выход из партий меньшевиков и эсеров.

Интересам солдат больше отвечала программа большевистской партии, провозглашавшая немедленное прекращение войны и заключение мира, конфискацию частнособственнических земель и передачу их крестьянам, другие социальные реформы. В условиях нараставшего революционного подъема происходил численный рост этой партии. Например, меньше чем за три недели – период между 1-й Северо-Западной областной конференцией большевиков (15–17 сентября 1917 г.) и II Чрезвычайной Северо-Западной областной конференцией (5–7 октября 1917 г.), большевистские ряды на Западном фронте выросли с 4590 членов партии до 21 138, то есть более чем в 4,5 раза, было много сочувствующих большевикам. Также в частях и соединениях фронта в этот период создавались новые большевистские организации (например, в 217-м Ковровском, 218-м Горбатовском, 723-м Вильколазском пехотных полках 3-й армии и др.) и пополнились ранее созданные большевистские организации (в частях 6-й и 55-й пехотных дивизий 3-й армии). 14 большевистских организаций, насчитывавших до тысячи членов партии, было к этому времени в 3-м Сибирском корпусе 2-й армии, других частях и соединениях фронта²⁹³.

Осенью 1917 г. наблюдался рост влияния большевиков в Советах и войсковых комитетах,

²⁹² См.: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 221.

²⁹³ Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. 1990. № 5. С. 55.

в составе некоторых из них создавались большевистские фракции. Уже к середине сентября такие фракции были во фронтовом комитете, в армейских комитетах 2-й и 10-й армий, в исполкоме гренадерского корпуса, некоторых других соединениях.

Особенно острая борьба между эсеро-меньшевиками и большевиками развернулась вокруг вопроса о созыве II Всероссийского съезда Советов. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов, объявив под давлением масс о созыве съезда, выступил за его отсрочку, объясняя это тем, что съезд помешает созыву Учредительного собрания, отвлечет на местах агитационные и организационные силы. В связи с этим на местах шла межпартийная борьба за войсковые комитеты, которые должны были делегировать на съезд своих представителей. В прямой зависимости от того, на чьей стороне окажутся войсковые комитеты и Советы, был состав делегатов II съезда Советов.

На Западном фронте против созыва съезда Советов выступили главным образом верхушечные комитеты, во главе которых находились меньшевики и эсеры: исполком фронтового комитета, некоторые корпусные и армейские комитеты. Они выступили с резолюциями, в которых призывали войсковые организации не посылать делегатов на съезд.

Большевики, зная, что буржуазия, поддерживаемая меньшевиками и эсерами, не отдаст власть Советам мирным путем, прикладывали все усилия на местах к обеспечению созыва съезда Советов, для чего повели усиленную борьбу за переизбрание войсковых комитетов. В этом они встретили полную поддержку солдатских масс. Следует отметить, что до 20 октября 1917 г. во многих частях фронта произошли перевыборы комитетов, в состав которых в подавляющем большинстве были избраны большевики. Низовые комитеты делегировали своих представителей в дивизионные и корпусные комитеты, состав которых, таким образом, также большевизировался и высказывался за созыв съезда Советов.

Уже 16 октября за созыв II съезда Советов высказался в принятой резолюции дивизионный комитет 6-й пехотной дивизии, 17–18 октября – съезд корпусного, дивизионных и полковых комитетов 35-го армейского корпуса, 24 октября – съезд 8-й пехотной дивизии, других частей и соединений, которые тут же делегировали своих представителей на II Всероссийский съезд Советов, вручив им наказы от солдат частей с требованием к съезду взять власть в свои руки.

Таким образом курс Временного правительства и Верховного командования на восстановление дисциплины в войсках и их боеспособности путем жестоких репрессий не увенчался успехом. Он вызвал резкое противодействие солдат и части офицерства. Попытка же военных верхов во главе с Корниловым совершить военный переворот и установить военную диктатуру в стране, спровоцировала острую межпартийную борьбу за войска и за власть, способствовала разочарованию широких масс, в том числе солдат на фронте, в политике партий правительственной коалиции и переходу их на сторону большевиков, призывавших рабочих, солдат и крестьян к вооруженной борьбе за власть Советов.

Глава 4

Победа Октябрьской революции. Роспуск старой армии

4.1. Морально-политическое и боевое состояние армий Западного фронта в дни Октябрьской революции

25 октября 1917 г. в результате вооруженного восстания рабочих и солдат Петрограда

было свергнуто Временное правительство. Одной из основных причин падения его власти был отказ в поддержке со стороны армии. Однако лидеры свергнутого правительства не оставляли надежд на восстановление положения. Бежавший из Петрограда министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский, члены меньшевистско-эсеровского ВЦИК Советов, создавшие Всероссийский комитет спасения революции, требовали срочно направить с фронта на Петроград преданные Временному правительству войска, в рассылаемых телеграммах пытались дезинформировать массы, утверждая, что в Петрограде восстановлен порядок правительственными войсками, призывали солдат на фронте к спокойствию.

Свои телеграммы и воззвания направляли в войска большевики. Уже 25 октября II Всероссийский съезд Советов обратился с воззванием «К рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором призвал солдат к бдительности и стойкости, выразил уверенность, что «революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма...»²⁹⁴. В этот же день послал телеграмму всем армейским комитетам и Советам солдатских депутатов Петроградский ВРК с призывом к солдатам «бдительно следить за поведением командного состава», офицеров, которые «прямо и открыто не присоединились к свершившейся революции», немедленно арестовывать как врагов и «не допускать отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград», действуя «словом и убеждением, а где не помогает – препятствовать отправке беспощадным применением силы»²⁹⁵.

На Западном фронте и в Беларуси о событиях в Петрограде стало известно уже 25 октября. Отношение к революции тут не было однозначным. Революцию приветствовали большевики и их сторонники. Большевики Минского Совета в первый же день, 25 октября, в своем обращении к населению Минска и его окрестностей объявили о переходе власти в руки Совета, предложили «всем революционным организациям и политическим партиям... немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах»²⁹⁶. Затем с 27 октября по 2 ноября создали орган такой власти – Военно-революционный комитет.

Сторонники Временного правительства – штаб фронта, фронтовой комитет – по примеру Всероссийского в Петрограде создали Комитет спасения революции в Минске и вступили в борьбу за власть. Действуя в тесном контакте со Ставкой в Могилеве, они подтянули к Минску части Кавказской кавалерийской дивизии и польского корпуса И. Р. Довбор-Мусницкого и, опираясь на них, выступили против большевиков, предъявив Минскому Совету ультиматум с требованием передачи комитету власти в городе и на Западном фронте. Благодаря тактическому маневру большевики Минска избежали разгрома. Не располагая достаточными силами, они, выигрывая время, вошли в соглашение с Комитетом спасения революции, одновременно тайно послав своих представителей на Западный фронт за подкреплением.

Обе противоборствующие стороны отчетливо понимали, что решающее слово в борьбе за власть принадлежит армии. Комиссар Ставки В. Б. Станкевич, находившийся 25 октября в Петрограде, телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генералу Н. Н. Духонину: «Здесь создается крайне сложное положение, из которого нет выхода без поддержки и решительного слова со стороны фронта. Так как фронт решит и как будет

²⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 12.

²⁹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 30.

²⁹⁶ Там же. С. 30–31.

действовать, так сложится и судьба власти в России»²⁹⁷. Один из лидеров большевиков Беларуси и Западного фронта В. Г. Кнорин также признавал, что им «было ясно, что вопрос о торжестве Советской власти решается не в Минске, а в Петрограде и Москве, но в исходе борьбы фронтовая вооруженная сила может сыграть значительную роль». Поэтому «основной и первой задачей» большевиков было «не допустить снятия с фронта частей и отправки их в столицы»²⁹⁸. Основным условием соглашения большевиков Минского Совета с Комитетом спасения революции и являлось обязательство последнего «не посылать войск Западного фронта для подавления народного движения»²⁹⁹.

Заклучив соглашение, обе стороны не собирались выполнять принятые обязательства. Комитет спасения делал попытки снять с фронта и отправить на Петроград и Москву верные Временному правительству войска, пропускал эшелоны, направляемые с Юго-Западного и Румынского фронтов, вел агитацию против Петроградского ВРК, Совнаркома, большевиков и их сторонников. Большевики за спиной Комитета вызвали с фронта войска в свою поддержку, усиленно агитировали за революцию и власть Советов, против Керенского и его сторонников, задерживали эшелоны, направляемые Ставкой на Петроград.

Уставшие от трехлетней войны, полуголодные и полураздетые, распропагандированные большевиками, подкупленные их программой решения важнейших социальных вопросов, требованием немедленного прекращения войны, солдаты Западного фронта встретили весть о свержении Временного правительства с большой радостью. С гневом и возмущением осуждали они попытки командования скрыть от них или представить в искаженном виде сведения о революции. В войсках повсюду прошли митинги и собрания, на которых солдаты приветствовали победу революции, выбирали делегатов для поездки в Петроград, чтобы выяснить истинное положение, информировать Петроградский ВРК об отношении к революции на фронте, получить инструкции для деятельности на местах.

Солдаты связывали с революцией надежды на скорое заключение мира, получение земли, социального равноправия и политических свобод. В принятых на собраниях, заседаниях и съездах войсковых комитетов резолюциях они выражали солидарность с революционным пролетариатом и готовность выступить с оружием в руках на защиту Советской власти. Такие резолюции были приняты полковыми комитетами интендантских учреждений 20-го армейского корпуса, 515-го пехотного Пинежского полка 129-й пехотной дивизии, на объединенных заседаниях комитетов 18-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, 1-го Сибирского инженерного полка, на заседаниях ротных и полковых комитетов 9-го армейского корпуса, на собраниях 202-го пехотного Горийского полка 51-й пехотной дивизии, 530-го пехотного Василь-Сурского полка 133-й пехотной дивизии, 1-й Кавказской артиллерийской бригады, 1-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, на съездах гренадерского и 9-го армейского корпусов, революционным комитетом 15-го армейского корпуса³⁰⁰, в других частях и соединениях фронта.

²⁹⁷ Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953. С. 110.

²⁹⁸ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. С. 35–36.

²⁹⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 46–47.

³⁰⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 60; РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 34; Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 38; Ф. 2179. Оп. 4. Д. 8. Л. 52; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 101; Ф. 3337. Оп. 1. Д. 211. Л. 211; Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 90; ГАРФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 131, 160, 169–170, 216.

Приветствия и заверения солдат Западного фронта о готовности выступить на защиту революции свидетельствовали об их морально-политическом настроении в пользу большевиков. Оно проявилось не только на словах, но и в конкретных действиях – массовом создании оперативных органов – военно-революционных комитетов (ВРК), передаче всей власти в армии в их руки, в борьбе против отправки командованием фронта частей для подавления революции в Петрограде в Москве.

Создание ВРК – боевых чрезвычайных оперативных органов власти, было продиктовано необходимостью решения большевиками жизненно важных задач, от которых зависела победа пролетарской революции, установление большевистской диктатуры. ВРК приняли действенные меры по пресечению попыток командования направить войска в Петроград, Москву, другие города для подавления революции, по созданию и посылке отрядов революционных солдат на помощь революционным центрам, проведению мероприятий в соответствии с декретами Советской власти.

Эти задачи большевики и их сторонники могли решить только в случае установления в войсках Советской власти, для чего в первую очередь необходимо было отстранить от управления выступивших против революции генералитет, комиссаров Временного правительства и эсеров-меньшевистские армейские комитеты, взять под контроль деятельность командования, штабов, средств связи, сообщения и т. п.

Одними из первых создали ВРК и обеспечили взятие ими власти большевики гренадерского корпуса 2-й армии, которые к этому времени получили большинство мест в войсковых комитетах. Уже 27 октября ВРК были созданы также на общем собрании солдат запасных рот 30-го Полтавского и 32-го Кременчугского пехотных полков 15-го армейского корпуса 3-й армии. В первые дни победы революции ВРК были созданы в частях и дивизиях 1-го Сибирского, 9, 15, 35, 50-го армейских корпусов³⁰¹, других соединениях Западного фронта.

Следует отметить, что на Западном фронте не было единой системы создания ВРК, разными они были также и по своему социальному и партийному составу. В одних случаях ВРК создавались путем выборов кандидатур, в других – путем включения в их состав целых комиссий войсковых комитетов, в третьих – путем простого переименования войсковых комитетов в военно-революционные³⁰². Например, полковой комитет 515-го пехотного Пинежского полка 129-й пехотной дивизии 2-й армии на экстренном заседании 6 ноября принял решение «в связи с переживаемыми событиями и переходом власти Советам... объявить себя военно-революционным комитетом с исполнительным бюро». В состав последнего включались члены контрольно-оперативной и контрольно-хозяйственной комиссий полкового комитета. Полковой комитет 291-го пехотного Трубчевского полка 10-й армии принял решение в создаваемый ВРК включить членов следственно-примирительной комиссии комитета³⁰³. Преимущественно большевистский по составу ВРК 3-й армии приказом № 1 объявил, что «с 15 ноября все войсковые комитеты и Советы переименовываются в военно-революционные

³⁰¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. С. 686–687; Рабочий и солдат. 1917. 2 ноября; НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 7; РГВИА. Ф. 2046. Оп. 1. Д. 1123. Л. 259, 261, 263; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 80. Л. 64; Ф. 3342. Оп. 1. Д. 246. Л. 130; Ф. 4152. Оп. 1. Д. 6. Л. 88; ГАРФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 161.

³⁰² См.: РГВИА. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 104.

³⁰³ Там же. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.

комитеты, в руки которых должна перейти вся полнота власти»³⁰⁴.

На Западном фронте против большевиков выступили армейские, отдельные корпусные и дивизионные комитеты, которые по примеру и призыву Всероссийского комитета спасения революции и фронтового комитета для борьбы с революцией создали свои «комитеты спасения». Такие комитеты были организованы армейским комитетом 3-й армии, при штабе 10-й армии, при штабе 50-го армейского корпуса, в 73-й пехотной дивизии³⁰⁵.

Состоявшие из представителей меньшевиков и эсеров, лиц командного состава, потерявших к этому времени доверие среди солдат, квалифицировавшие в своих телеграммах и обращениях вооруженное восстание в Петрограде как «анархическое выступление большевиков», «комитеты спасения революции» успеха не имели. Вся их деятельность в основном свелась к распространению дезинформации о мнимой победе Керенского и «полном уничтожении большевиков», попыткам задерживать телеграммы Петроградского ВРК и Минского Совета и натолкнулась на противодействие солдат.

Тем временем большевикам Минска, опиравшимся на созданные на фронте ВРК, удалось получить подкрепление. Военно-революционный комитет 2-й армии по просьбе Минского Совета и ВРК Западного фронта об оказании помощи послал в Минск бронированный поезд, бронемашину, два пехотных полка и сводный отряд солдат. Прибытие этих войск, а также сведения о поражении войск Керенского – Краснова под Петроградом предопределили судьбу сторонников А. Ф. Керенского в Минске. Комитет спасения распался и в Минске большевиками была восстановлена Советская власть.

В отличие от войсковых комитетов высшего звена, низовые комитеты – ротные, командные и полковые – во многих случаях были более умеренными и демократичными. В принятых резолюциях при обсуждении вопроса о событиях в Петрограде они высказывались как против левого радикализма большевиков, так и против политики соглашения социалистических партий с буржуазией, требовали создания «однородного социалистического правительства», то есть коалиции из представителей всех демократических партий и национальных групп. Например, на пленарном заседании полкового и ротных комитетов 62-го Сибирского стрелкового полка, состоявшемся 1–2 ноября 1917 г., при обсуждении вопроса «текущий момент» была принята резолюция, в которой выражено не только недоверие Временному правительству за его «нерешительную политику во внутренних и внешних делах республики», но и вынесено порицание «большевистскому выступлению, внесшему раскол в демократию и создававшему гражданскую войну». «Протестуя против гражданской войны, против всяких вооруженных выступлений с чьей бы то ни было стороны», заседание комитетов придавало «высокое значение комитетам спасения революции, как временным органам, стоящим на страже водворения спокойствия и объединяющим расколовшуюся демократию»³⁰⁶.

Как бы подавая пример демократичного подхода при формировании власти, стремления к единению всех демократических сил, полковые комитеты, создавая комитеты спасения революции, стремились учитывать настроение и мнение всех солдат, независимо от их партийной и национальной принадлежности, включали в их состав представителей всех

³⁰⁴ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 117.

³⁰⁵ Там же. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 26; Ф. 2447. Оп. 1. Д. 35. Л. 177; Ф. 2275. Оп. 4. Д. 13; Ф. 2403. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 3337. Оп. 1. Д. 211. Л. 15.

социалистических партий и национальных групп. Например, полковой комитет 1-го Сибирского стрелкового полка, поставив в повестке вопрос об организации комитета спасения революции, принял решение пригласить на заседание «представителей всех социалистических партий и национальностей» по одному от каждой роты. Собравшиеся на второй день, 2 ноября 1917 г., на собрание члены полкового комитета и приглашенные после долгих прений приняли решение создавать «не комитет спасения революции, а военно-революционный комитет». В состав комитета вошли по одному представителю от меньшевиков-интернационалистов, эсеров, беспартийных, мусульман, крестьянской секции и три большевика³⁰⁷. Цели и задачи ВРК оставались теми же, которые были определены Комитету спасения революции: «установить самый строгий контроль за всеми поступающими свыше в полк, а также исходящими распоряжениями, чтобы без его ведома ни одна часть полка не была передвинута»³⁰⁸. В таком же порядке комитеты спасения революции были созданы и действовали во 2, 3 и 4-м Сибирских стрелковых полках 1-й Сибирской стрелковой дивизии и 62-м Сибирском стрелковом полку 16-й Сибирской стрелковой дивизии 1-го Сибирского корпуса³⁰⁹, некоторых других частях и соединениях фронта.

Выступая против развязывания гражданской войны в стране, комитеты спасения революции многих частей и соединений ответили отказом на требования Всероссийского комитета спасения, Ставки и комиссаров свергнутого Временного правительства послать войска в Петроград, «дабы не вызвать этим и на фронте братоубийственной войны», требовали ее прекращения в тылу³¹⁰. Одновременно «резко протестовали» против выступления казачества во главе с А. М. Калединым, считая его равнозначным выступлению генерала Корнилова в августе 1917 г.

Следует отметить, что в первые дни Октябрьской революции на Западном фронте, особенно в соединениях 3-й и 10-й армий, движение за создание «социалистического министерства» из представителей всех социалистических партий, без участия буржуазии, было значительным. На экстренных заседаниях и съездах войсковых комитетов обсуждение вопроса о политической власти в стране проходило в острых дискуссиях более умеренных элементов в лице офицеров, чиновников – представителей эсеровской и меньшевистской партий, за которыми шла часть солдат, с леворадикальными силами – солдатами и незначительной частью офицерства – большевиками и их сторонниками.

Ярким примером острой политической борьбы по вопросу о власти является разгоревшаяся дискуссия между эсерами и большевиками на конференции полкового, ротных и командных комитетов 291-го пехотного Трубчевского полка 73-й пехотной дивизии 10-й армии, состоявшейся 29 октября – 1 ноября 1917 г. По основному вопросу конференции «о текущих событиях» слово было предоставлено прибывшему на заседание командиру полка. Отметив, что вопрос «об организации государственной власти – самый важный вопрос момента», он в сдержанной и корректной форме высказался о большевиках, вопреки воле ЦИК Советов, созвавших II Всероссийский съезд Советов, свергнувших Временное правительство и передавших власть Петроградскому ВРК. В связи с этим, высказав сомнение в том, что «судьбы

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 3337. Оп. 1. Д. 211. Л. 162.

³⁰⁸ Там же. Л. 352.

³⁰⁹ Там же. Л. 13, 344, 352.

³¹⁰ РГВИА. Ф. 3337. Оп. 1. Д. 211. Л. 344; Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 133; Ф. 2447. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

родины в надежных руках», он призвал делегатов при обсуждении «вопроса об основании новой власти» не быть «эгоистами, думающими только о себе», но и помнить «о потомках... вдумчиво работать для них»³¹¹.

На конференции из девяти выступивших по обсуждаемому вопросу делегатов только трое высказались в оправдание действий большевиков по захвату власти³¹². Остальные шестеро – эсеры, высказались в защиту эсеровской партии, как «лучшей из всех и выражавшей волю большинства». Признавая бездействие эсеров в решении земельного вопроса и оправдывая его причинами войны, один из выступивших заявил, что сами эсеры «всегда были против войны, и если они сейчас идут за коалиционным правительством в вопросе о войне, то лишь до Учредительного собрания, где этот вопрос будет поставлен первым»³¹³.

Осуждая захват власти одной партией, эсеры отмечали «постепенную деятельность» большевиков, направленную на устранение Временного правительства и передачу власти Советам. Подозревая большевиков в их неуверенности осуществить свою цель на Учредительном собрании из-за меньшинства там своих представителей, эсеры считали, что большевики затеяли созыв II Всероссийского съезда Советов, чтобы «помешать Учредительному собранию», а так как «большинство депутатов не хотело созыва съезда» накануне этого форума, то и делегатов прибыло на съезд «вместо 3 тыс. всего только 500, в том числе 250 большевиков», которые и провозгласили о «взятии власти»³¹⁴. При этом эсеры в своих выступлениях ссылались на оценку событий, данную только что состоявшимся к тому времени в Минске съездом крестьян-солдат Западного фронта, заявившим, что «выступление большевиков не своевременно, крестьянами не поддерживается» и «приведет к краху»³¹⁵.

После прений было принято решение выработать два проекта резолюции – большевиками и эсерами, затем дать на обсуждение в роты и команды полка, чтобы «в решении этого вопроса принял активное участие весь полк». На второй день, 30 октября, не достигнув согласия по процедуре голосования за резолюции, стороны решили «считать принятой ту, за которую высказалось большинство солдат и офицеров полка при предварительном голосовании в ротах и командах»³¹⁶. Подсчет голосов оказался в пользу эсеровской резолюции, в которой созыв II Всероссийского съезда Советов считался несвоевременным, как «желание навязать волю весьма незначительного меньшинства подавляющему большинству демократии», а «захват власти большевиками» – актом, «повергшим страну в междуусобную войну»³¹⁷. «Для спасения страны и революции» в резолюции виделось необходимым «единение демократии и создание социалистического министерства без представителей буржуазии».

³¹¹ Там же. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 111.

³¹² РГВИА. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 111.

³¹³ Там же. Л. 112.

³¹⁴ Там же. Л. 111–112.

³¹⁵ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1359. Л. 2–14; Д. 1097. Л. 241–246; Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 111–112.

³¹⁶ РГВИА. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 112.

³¹⁷ Там же. Л. 113.

Особую тревогу демократических организаций вызывало неминуемое ослабление боевого состояния фронта в условиях надвигавшейся гражданской войны. Ослабленное трехлетней войной, внутривойсковыми кризисами и хозяйственной разрухой в стране, оно требовало сплочения и напряжения всех усилий для поддержания боевого духа солдат, материально-технического и продовольственного снабжения войск. И без того не отвечающее потребностям фронта, снабжение было окончательно расстроено революционной смутой, что в условиях надвигавшейся зимы грозило полной катастрофой. Как явствует из доклада члена корпусной комиссии по снабжению войск 15-го армейского корпуса 3-й армии Князева корпусному ВРК, «с 10 ноября запаса продовольствия было на 10 суток... С 12 ноября не поступало ничего, а фуража в особенности... Обмундирование в плохом состоянии... Транспорт плох...»³¹⁸. Таким положение было повсеместно, а в некоторых соединениях – еще более худшим. Например, по признанию командира 3-го армейского корпуса 10-й армии «положение с фуражом было катастрофическим»³¹⁹.

Полное расстройство железнодорожного транспорта, отсутствие в связи с этим подвоза продовольствия и фуража из глубинных районов России заставляло командование искать другие источники. Самым распространенным способом пополнения продовольственных запасов в этих условиях являлись реквизиции продовольствия и фуража у местного населения прифронтовой Беларуси. Так, на заседании ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии при обсуждении доклада членов комиссии снабжения о сложном положении с продовольствием и фуражом выступившие предлагали приступить к реквизиции фуража у местного населения в районе дислокации частей корпуса с оплатой по «местным ценам». Председатель ВРК большевик А. А. Вашнев предлагал дать право реквизиционным комиссиям реквизировать фураж по ценам «выше твердых». Было принято решение «дать право комиссиям снабжения реквизицию фуража производить в контакте с местными организациями по местным ценам»³²⁰.

О сложном положении фронта с продовольствием и фуражом, материально-техническим снабжением войск военно-революционные комитеты информировали правительственные органы, направляя в Петроград свои делегации, просили оказать помощь. Однако, Петроградский ВРК, Совет Народных Комиссаров, куда обращались многочисленные делегации, не имея в своем распоряжении достаточных средств, рекомендовали решать вопросы снабжения на местах – путем реквизиций. Так, руководство ВРК Петроградского Совета в лице заместителя председателя М. И. Лациса и секретаря Гусева в ответ на обращение делегации 515-го пехотного Пинежского полка 2-й армии направило Военно-революционному комитету этого полка телеграмму следующего содержания: «Приняв во внимание доклад ваших товарищей о недостатке продовольствия и фуража... рекомендуем вам приступить немедленно к конфискации (отобранию) муки, хлеба, сена, овса, скота и рабочих лошадей у помещиков, живущих в округе расположения полка. Производить это должны совместно с волостными (гминными) комитетами той волости, где живет помещик, без порчи имущества, составляя каждый раз опись отбираемого имущества. Никакой денежной платы за это имущество не

³¹⁸ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 151.

³¹⁹ Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 398. Л. 30.

³²⁰ РГВИА. Ф. 4175. Оп. 1. Д. 6. Л. 151.

полагается, согласно закона нового правительства о земле от 26 октября»³²¹.

Такой подход большевистского руководства в решении вопроса снабжения войск развязывал инициативу на местах, приводил к трениям между военными и местным населением, способствовал развитию таких антиобщественных явлений, как грабежи, разбои и погромы, вызывал враждебные взаимоотношения между социальными слоями, которые выливались в пожар гражданской войны.

Следует отметить, что солдаты, в прошлом такие же крестьяне, во многих случаях сочувственно относились к местным жителям, отказывались от участия в реквизициях или проявляли пассивность при их проведении. Так, начальник штаба 3-го армейского корпуса 10-й армии генерал Суворов, сообщая председателю корпусного комитета о «катастрофическом положении с фуражом», вынужден был просить «заставить солдат не только не мешать, но и содействовать и исполнять все требования реквизиционной комиссии, так как крестьяне просто гонят комиссию, а солдаты – безучастны»³²². «Оказать содействие разъяснением» солдатам критического положения корпуса с продовольствием и фуражом и необходимости их «не отказываться от заготовки и доставки таковых, а придти на помощь всеми имеющимися средствами» просил на одном из совещаний председатель комиссии снабжения 1-го Сибирского корпуса представителей от дивизий³²³.

Бедность самих крестьян, их недовольство реквизициями в ряде случаев заставляли военных отказываться от проведения таковых и перекладывать это неприятное для них занятие на местные земельные комитеты. Например, корпусный комитет 50-го армейского корпуса 2-й армии при обсуждении продовольственного вопроса на одном из своих заседаний, учитывая «бедность населения в районе дислокации корпуса, чтобы окончательно не разорять крестьян», принял решение «войти в соглашение с земельными комитетами всех деревень... и ультимативно обязать их представить в назначенный срок указанное количество продуктов...»³²⁴.

Плохое продовольственно-фуражное и ободно-вещевое снабжение армий Западного фронта осенью 1917 г., наряду с другими факторами, ухудшило боевое состояние войск, с каждым днем снижалась их маневренность. Из-за недостатка или отсутствия фуража приходила в упадок основная тягловая сила на фронте – конский состав. Имевшийся в небольшом количестве автотранспорт остановился из-за отсутствия горюче-смазочных материалов. «В запасах фронта бензина нет и время прибытия его на фронт с мест разлива, несмотря на все принятые меры, неизвестно, – констатировал факт начальник снабжения генерал Ярошевский, отдавая приказание войскам, – наличный бензин... расходовать крайне экономно, исключительно для боевых заданий, оставляя некоторый запас на крайние случаи»³²⁵.

Обоюдная усталость противоборствующих сторон к осени 1917 г. сдерживала их от проведения каких-либо крупномасштабных операций. Имели место лишь отдельные локальные бои. Один из таких разыгрался на Западном фронте 31 октября – на участке, занимаемом

³²¹ РГВИА. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 80. Л. 67.

³²² Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 398. Л. 30.

³²³ Там же. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 1. Л. 33.

³²⁴ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 13.

³²⁵ Там же. Ф. 2113. Оп. 3. Д. 1564. Л. 313.

гренадерским корпусом 2-й армии, при попытке немцев прорвать оборону русских войск на высотах у д. Скрабово. По словам участника событий, немцы обрушили на гренадеров артиллерийский огонь и провели газовую атаку. Бой длился весь день. Гренадеры отбили до десяти атак неприятеля. Потери были большими с обеих сторон³²⁶.

Таким образом, морально-политическое состояние армий Западного фронта в дни Октябрьской революции в целом было в пользу большевиков. Уставшие от трехлетней войны, испытывавшие связанные с ней все тяготы и лишения, окончательно разочаровавшиеся во Временном правительстве, за восемь месяцев правления не решившим важнейших политических и социальных вопросов, солдаты и часть офицеров с одобрением отнеслись к факту его свержения, с большой радостью встретили весть о провозглашении большевиками декретов о мире и земле. Хотя к устанавливавшейся власти большевиков отношение на фронте не было однозначным.

В частях и соединениях, где было сильным влияние большевиков и их сторонников, на состоявшихся общих собраниях, заседаниях и съездах войсковых комитетов были приняты резолюции в поддержку вооруженного восстания в Петрограде, осуществлены меры по взятию власти на местах и проведению первых революционных преобразований.

Более умеренная часть войск, в которых еще оставалось заметным влияние эсеров и меньшевиков, высказав удовлетворение по поводу свержения Временного правительства, выразила негодование по факту узурпации власти большевиками, выступила за создание так называемого «однородного социалистического правительства» из представителей всех социалистических партий и национальных групп, без участия буржуазии, во имя недопущения гражданской войны.

В дни Октябрьской революции значительно ухудшилось боевое состояние войск Западного фронта. Одной из причин этого являлось нарушение железнодорожных перевозок и недопоставка на фронт продовольствия, фуража, обозно-вещевого и боевого имущества. Сказывались также общая усталость, нежелание солдат продолжать войну, провозглашение декретов о мире и о земле, вызвавшее среди солдат общее демобилизационное настроение.

4.2. Завершение демократизации армии. Устранение старого командования

К октябрю 1917 г. многовековые устои царской армии были основательно подорваны. С победой Февральской революции были отстранены от командования наиболее ярые приверженцы монархического строя. Путем введения в войсках выборных демократических органов – войсковых комитетов – было покончено с безраздельной властью командира над солдатом. Солдату были предоставлены некоторые гражданские и политические права. Армия перестала быть слепым орудием монархической власти и ее носителей в войсках – генералитета.

Захватив власть, большевики стали перед необходимостью окончательного разрушения старой армии, которая, как они считали, по своей сути была не пригодна к защите большевистской диктатуры. Сохранение армии с враждебным большевикам командным составом, всем офицерским корпусом, ударными, штурмовыми и казачьими частями угрожало устанавливаемому ими политическому строю. Не имея возможности в условиях продолжавшейся войны немедленного роспуска старой армии, большевики и созданное ими правительство – Совнарком – избрали путь ее слома посредством полной демократизации и

³²⁶ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. С. 207.

постепенной демобилизации, при одновременном формировании новой, социалистической армии.

Проведение полной демократизации армии стояло в числе важнейших политических и социальных задач, о немедленном решении которых большевиками было заявлено уже в первый день их прихода к власти, 25 октября 1917 г., в воззвании II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!»³²⁷. Большевистское руководство понимало, что осуществить задачу полной демократизации армии возможно только в условиях повсеместного установления Советской власти в войсках. Поэтому центральный орган большевистской диктатуры – Петроградский ВРК, 25 октября в своем приказе фронтовым, армейским, корпусным, дивизионным и полковым комитетам, сообщая о свержении Временного правительства и программе решения социальных и политических задач новым правительством, приказал им немедленно взять на местах всю власть, установить строжайший контроль над всем командным составом, устранить комиссаров Временного правительства³²⁸. Войска Западного фронта, кроме того, по словам командования, были наводнены радиограммами Минского Совета, в которых большевики призывали солдат выразить поддержку новому правительству, «опрокидывать» комитеты, не признающие это правительство, и создавать новые.³²⁹

Деятельностью большевиков Западного фронта по установлению Советской власти на фронте руководил созданный при Минском Совете ВРК, в состав бюро которого входили большевики К. И. Ландер (председатель), А. Ф. Мясников, В. С. Селезнев, Н. В. Рогозинский, М. И. Калманович, Н. И. Кривошеин, В. Н. Фрейман. Большевистский ВРК сосредоточил в своих руках всю полноту власти на территории Беларуси и в районе Западного фронта, направил своих комиссаров в штаб фронта, во все управления и учреждения, только с его разрешения могли производиться передвижения войск. Приказом комитета вынужден был подчиниться главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балубев, отдавший 5 ноября распоряжение начальствующему составу фронта «без вызова революционного комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений войск, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армиях военно-революционных комитетов»³³⁰.

Факторами, которые дали бы большевикам полную уверенность в поддержке революции на фронте, в установлении Советской власти в войсках, могли быть армейские съезды. Большевики Западного фронта направили все свои усилия на их организацию и проведение.

Наиболее быстро и организованно провести армейский съезд удалось большевикам 2-й армии. Это объясняется наличием наиболее многочисленных их организаций в частях и соединениях. Уже накануне армейского съезда большевиками были проведены дивизионные и корпусные съезды, которые в принятых резолюциях высказались за поддержку Советской власти. Такое решение было принято 27 октября на общем дивизионном собрании полковых и ротных комитетов 1-й гренадерской дивизии. 28 октября большевики 2-й гренадерской дивизии явочным порядком созвали дивизионный съезд, на котором была принята большевистская резолюция о поддержке Советской власти и недоверии меньшевикам и эсерам, с требованием

³²⁷ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 379–380.

³²⁸ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 380–381.

³²⁹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1564. Л. 305; Ф. 2179. Оп. 3. Д. 54. Л. 361.

³³⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 109.

перевыборов дивизионного, корпусного и армейского комитетов. В переизбранный дивизионный комитет вошли большевики и их сторонники. На съезде большевики приняли решение отозвать прежних представителей дивизии – эсеров и меньшевиков из корпусного комитета и послать в него своих представителей.

30 октября состоялся съезд гренадерского корпуса, который, по словам начальника штаба 2-й армии генерала Суворова, был представлен «далеко не всеми частями и почти однородный по своему партийному составу», «в ряде постановлений горячо осуждавший всех, кто не придерживался тактики большевиков»³³¹. Съезд принял решение считать армейский и фронтовой комитеты утратившими свои полномочия, не исполнять их постановлений и потребовал немедленного созыва армейского и фронтового съездов. На съезде был избран корпусной комитет из 30 членов, 22 из которых были большевиками³³².

Значительной остроты межпартийная борьба за власть достигла в 3-м Сибирском корпусе. 27 октября корпусной комитет, в котором было сильным влияние эсеров и меньшевиков, принял резолюцию, в которой признавал захват власти большевиками в Петрограде «недемократичным», вызванным «несомненно антиреволюционным поведением бывшего Временного правительства», «единственным выходом из создавшегося положения» считал создание «народной социалистической власти» из представителей «ЦИК и Совета республики без цензовых элементов». Корпусной комитет выделил из своего состава Временное революционное бюро из шести человек – в основном большевиков, которое в телеграмме всем дивизионным, полковым и другим комитетам предложило немедленно установить контроль над действиями командного состава, а также всеми средствами связи – почтой, телеграфом и телефоном³³³.

28 октября, «приспосабливаясь к требованиям момента, – по словам политической сводки штаба армии, – корпусной комитет созвал внеочередной съезд»³³⁴. На съезде большевики и эсеры с меньшевиками имели равное количество мест. Благодаря «неудержимому желанию мира» среди солдат, по словам той же сводки, которому отвечала большевистская программа, большевики одержали верх. 29 октября Временное революционное бюро было переименовано в Военно-революционный комитет. С образованием ВРК власть в корпусе фактически перешла в руки большевиков. Все полки корпуса были приведены в боевую готовность, а наиболее преданные большевикам выделялись в распоряжение ВРК 2-й армии. Установление Советской власти в 9-м и 50-м армейских корпусах сопровождалось актами грубого насилия над командирами и офицерами, не признававшими власть ВРК и Совнаркома. В 15-й Сибирской дивизии 9-го армейского корпуса были арестованы начальник дивизии генерал Буйвид и три офицера, последние назначались на солдатские должности. Отстранение офицеров от занимаемых должностей с назначением на низшие имели место в 50-м армейском корпусе³³⁵.

В целом установление большевистской диктатуры в частях и соединениях 2-й армии было

³³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 139.

³³² Там же. С. 60.

³³³ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 6. Д. 1. Л. 145.

³³⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 137–138.

³³⁵ Там же. С. 139–140.

осуществлено в первых числах ноября 1917 г. Об этом свидетельствуют работа 2-го Чрезвычайного армейского съезда, состоявшегося 1–2 ноября в Несвиже, и принятые на нем документы. При открытии съезда старый армейский комитет, не признавший власть Петроградского ВРК и вызвавший негодование большевиков и их сторонников, сложил свои полномочия. Съезд принял отставку и выделил ВРК из 12 человек – в основном большевиков, которому передал всю полноту власти в армии до избрания нового состава армейского комитета³³⁶.

Руководствуясь приказом № 1 Петроградского ВРК, съезд в принятой декларации заявил о передаче всей власти в армии армейскому комитету, об отстранении от должностей и аресте лиц командного состава и комиссаров свергнутого правительства, всех, кто не признавал правительства Советов, выступивших против него и в поддержку Временного правительства. В соответствии с принятой декларацией съезд выдвинул положения по демократизации войск, которые должны были утверждаться высшими демократическими органами, а также ближайшим армейским съездом³³⁷.

С меньшим успехом для большевиков развивались события в 10-й армии, в которой значительно малочисленнее были большевистские организации, слабее было и их влияние на солдат. В дивизионных, корпусных и армейских комитетах преобладали меньшевики и эсеры. Хотя сам факт свержения Временного правительства в комитетах высшего звена – дивизионных и корпусных – в основном был встречен с пониманием его неизбежности, меньшевики и эсеры высказались против установления власти только большевистской партии, требовали создания правительства из представителей всех социалистических партий. Например, дивизионный комитет 73-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса 30 октября совместно с крестьянским советом на пленарном заседании с участием представителей от частей принял резолюцию, в которой требовал создания «социалистического министерства»³³⁸.

Состоявшийся 1–2 ноября съезд войсковых комитетов и Советов крестьянских депутатов 3-го армейского корпуса в принятой резолюции признавал, что «свергнутое правительство за время своего существования не выполнило даже и одной части возложенных на него трудовым народом обязанностей», так как и «не стремилось к их выполнению..., неуклонно вело двойственную политику...», обманывая трудовой народ, что «поэтому солдаты 3-го армейского корпуса весть о свержении не пользующегося доверием правительства встретили с ликованием»³³⁹. Одновременно съезд осуждал действия большевиков, направленные на развязывание гражданской войны, и «от имени солдат 3-го армейского корпуса категорически требовал от тех, кто бы ни стоял у власти, немедленного созыва Всероссийского съезда крестьянских, рабочих и солдатских депутатов для создания однородно-социалистической власти и никакой другой признавать» не собирался. Наряду с другими важнейшими социальными и политическими требованиями, съезд требовал «полной демократизации всего государственного строя как в военном, так и в гражданских ведомствах под контролем

³³⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 75–76.

³³⁷ Там же. С. 78–79.

³³⁸ РГВИА. Ф. 2403. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

³³⁹ РГВИА. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 135.

Советов»³⁴⁰.

Большинство солдат 10-й армии с восторгом встретили весть о свержении Временного правительства. Узнав о провозглашении большевиками декретов о мире и о земле, они требовали признания Советской власти, выступили за немедленный роспуск Советов и комитетов первых созывов, как не отражавших их желаний и требований немедленного заключения мира, выборности начальников, решения других социальных вопросов. С такими требованиями выступили, например, солдаты 73-й артиллерийской бригады. Опираясь на требования солдат и постановления батареинных комитетов, бригадный комитет от имени всех солдат этой артиллерийской бригады приветствовал Советскую власть, заявил о ее поддержке «вплоть до применения оружия», требовал передачи всей власти Советам и комитетам на местах. Кроме того, комитет просил солдат на фронте хранить полное спокойствие, не допустить поражения на фронте в случае посягательств противника на завоеванную свободу, разъяснял им, что право распоряжаться военной силой, осуществлять какие-либо перемещения войск на фронте или с фронта в тыл принадлежит только ВРК, без распоряжения которого «ни одна часть не должна быть двинута с фронта». Бригадный комитет порицал армейский комитет за задержку информации для комитетов низших инстанций в переживаемый момент, за что настоятельно требовал его переизбрания³⁴¹. О готовности защитить родину и революцию силой оружия заявляли в своем наказе Минскому Совету военно-революционные комитеты 62-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса. ВРК требовали «прекращения гражданской войны, немедленного создания социалистического министерства с обязательным включением большевиков, подавления решительными мерами анархии и контрреволюции в стране»³⁴².

Под давлением солдатских требований 7 ноября в Молодечно открылся 3-й армейский съезд 10-й армии, две трети делегатов которого шли за большевиками. Основные политические партии придавали большое значение съезду в их борьбе за власть. Об этом свидетельствует участие в работе съезда представителей центральных органов этих партий. Открытие съезда и вся его работа сопровождались резкими разногласиями большевиков с эсера-меньшевиками по вопросу о власти.

Говоря о политическом положении в стране в приветственных речах съезду, политические противники призывали к «единению», «совместной созидательной работе». В этом они видели выход из создавшейся ситуации, спасение страны, армии и революции. Однако уже при избрании президиума съезда делегаты раскололись на две группы. Большевики – большая часть делегатов (326 чел.), объединились вокруг лозунга «Вся власть Советам!»; меньшевики и эсеры (187 чел.) – «Власть Советам, но с более широким представительством от всей демократии»³⁴³.

Разногласия между большевиками и эсера-меньшевиками проявились при оценке деятельности старого армейского комитета и выборах в комитет нового состава. Эсеры и меньшевики отказались от участия в выборах. К этому времени в их рядах также произошло расслоение. Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты заявили о своем участии в выборах. Было принято решение избрать армейский комитет в составе 80 членов. В числе 61 кандидатуры, предложенной от дивизий, были только четыре офицера и один чиновник,

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 103–104.

³⁴² Там же. С. 105–106.

³⁴³ Там же. С. 145–147.

остальные – солдаты. Большевиками был предложен дополнительный список из 17 человек, который был принят съездом и утвержден в состав комитета³⁴⁴.

3-й армейский съезд 10-й армии принял предложенную большевиками резолюцию. Меньшевики и эсеры выступили против резолюции и от голосования воздержались. В резолюции осуждалась свергнутая власть, с негодованием осуждалась и клеймилась презрением соглашательская политика лидеров меньшевиков и эсеров. Единственным источником власти съезд считал избранный II Всероссийским съездом ЦИК Советов, признал власть Совнаркома и приветствовал первые его мероприятия по решению политических и социальных задач. В числе других требований съезд настаивал на полной демократизации гражданского и военного ведомства, расформировании ударных батальонов и батальонов смерти. Съезд принял решение считать единственной властью на местах Советы, а в армии – комитеты, которым предоставлял полную свободу в выборе и отчислении начальствующих лиц с обязательным утверждением выбранных на командные должности комитетами высшей инстанции³⁴⁵.

Вновь избранный армейским съездом армейский комитет 10-й армии на первом заседании, 10 ноября 1917 г., объявил о взятии власти в армии в свои руки, выделил Военно-революционный комитет, которому передал руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной деятельностью армии. Командующий армией, все другие должностные лица и войсковые комитеты обязаны были подчиняться всем требованиям ВРК. Без санкций ВРК или уполномоченных им на это комиссаров не имели силы и не должны были исполняться ни один приказ, ни одно распоряжение³⁴⁶.

Острый характер борьба политических партий за власть носила в 3-й армии, в частях и соединениях которой большевики значительно уступали эсерам и меньшевикам по численности и влиянию среди солдат. Наиболее успешно для большевиков события развивались в 35-м армейском корпусе, в котором уже 26 октября был организован ВРК. Военно-революционный комитет порвал связь с эсерово-меньшевистским армейским комитетом, захватил радиотелеграфную станцию, взял под контроль штаб корпуса, а 27 октября заявил о признании и поддержке Советской власти.

Стремительно развивались события в 15-м армейском корпусе. Пленарное заседание полковых и ротных комитетов 6-й пехотной дивизии этого корпуса еще 28 октября приняло резолюцию в пользу большевиков, в которой единодушно поддерживало большевистский переворот в Петрограде. В этот же день на экстренном заседании корпусного комитета, по оглашении телеграмм о событиях в Петрограде, председателем комитета большевиком А. Ф. Роскошным был зачитан проект резолюции с предложением объединиться, забыть межпартийную рознь и оказать поддержку ВЦИК Советов в борьбе против «заклятых врагов – буржуазии». Однако, как показали результаты голосования за принятие резолюции, единения среди присутствовавших не произошло. Резолюция была принята только восемью голосами при пяти против и трех воздержавшихся³⁴⁷. На заседании было принято решение о создании ВРК.

2–6 ноября в Полоцке состоялся 2-й армейский съезд 3-й армии. На съезд прибыло 450

³⁴⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 152–153.

³⁴⁵ Там же. С. 151, 154–156.

³⁴⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 156–157.

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

делегатов, из них 335 с решающим и 115 с совещательным голосом. Расстановка сил на съезде не дала ни одной из партий явного преимущества. Большевиков было 155 из 335 делегатов с решающим голосом, эсеров – 110, эсеров-максималистов – 20, меньшевиков-интернационалистов – 50³⁴⁸. Большевистская фракция армейского комитета 3-й армии, будучи более умеренной в своих взглядах на формирование политической власти, вступила в соглашение с эсеров-меньшевиками и при совместной с ними выработке резолюции высказалась за создание «однородного социалистического правительства».

Съезд выразил недоверие старому армейскому комитету и избрал новый, в состав которого вошли 29 большевиков, 23 эсера, 4 меньшевика, 4 эсера-максималиста и 4 беспартийных. Армейский комитет взял всю власть в армии в свои руки. Съезд потребовал немедленного освобождения от должности комиссара свергнутого Временного правительства эсера подполковника П. А. Постникова. 6 ноября это требование было приведено в исполнение. Одновременно был упразднен отдел военного комиссара при штабе 3-й армии.

На съезде из представителей всех партийных фракций был создан Военно-революционный комитет 3-й армии. ВРК уже 3 ноября в своей телеграмме главнокомандующему Западным фронтом генералу П. С. Балуху потребовал немедленно остановить все движущиеся на Петроград эшелоны с войсками³⁴⁹.

После армейского съезда в армейском и Военно-революционном комитетах, во всех частях 3-й армии между большевиками и эсеров-меньшевиками разгорелась острая политическая борьба за власть. На состоявшемся 12–14 ноября 3-м корпусном съезде 15-го армейского корпуса с докладами о текущем моменте выступили представители от каждой партийной фракции: от большевиков – М. С. Хомутов и А. Ф. Раскошный, от эсеров – Карепин и Лебединский, от меньшевиков – А. В. Ячин. После заслушивания докладчиков и других выступивших, большинством голосов делегатов съезда была принята резолюция, в которой осуждались отшатнувшаяся на сторону буржуазии и выступившая вместе с ней против революции часть демократии. «Единственной полномочной властью в стране» съезд признавал Советы, от которых требовал создания «однородного социалистического министерства» из представителей всех социалистических партий, признавших Октябрьский переворот. В основу деятельности такого правительства должны были быть положены декреты, принятые на II съезде Советов³⁵⁰.

Съезд рассмотрел вопрос о демократизации армии. В принятой резолюции съезд считал этот вопрос давно назревшим, заслуживающим самого серьезного внимания и разрешения в общегосударственном масштабе. Было принято решение вопрос о демократизации армии передать в армейский комитет с требованием осуществить его в ближайший срок. До получения директив из армейского комитета вопрос о смене не соответствующих своему назначению начальников представлялся полковым комитетам³⁵¹.

16 ноября начал свою работу корпусный съезд 20-го армейского корпуса. Прибывший на съезд член армейского комитета Камкин доложил собравшимся о деятельности комитета 3-й

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 93; Победа Советской власти в Белоруссии. С. 342.

³⁴⁹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1973. С. 59.

³⁵⁰ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 115; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 418–419.

³⁵¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 419.

армии, которая сводилась, по его словам, «только к реконструкции комитета». Говоря о «настроениях комитета», он назвал его «очень тревожным» из-за «создавшихся двух политических течений, враждующих между собой»³⁵².

По прочтении резолюций частей 20-го корпуса об отношении к текущим событиям и формированию власти и основываясь на наказах делегатам, съезд принял резолюцию, в которой, констатируя тяжелое экономическое положение в стране, раскол в рядах демократии и опасность в этих условиях контрреволюции, «категорически отвергая всякую попытку соглашения с буржуазией», считал, что «не в силах справиться с этими вопросами правительство, опирающееся только на одну партию, раздираемую внутренними разногласиями, при пассивной роли других партий», и настаивал «на проведении в жизнь резолюции армейского съезда от 4 ноября о создании общесоциалистического правительства». Съезд выразил предположение, что «естественным ходом жизни и в интересах демократии такая конструкция власти рано или поздно будет проведена в жизнь»³⁵³.

Под влиянием революционных событий, провозглашенных декретов о мире и о земле, усиленной идеологической пропаганды большевиков солдаты требовали признания власти Совнаркома. Опираясь на эти требования, большевики силовым методом решали вопрос о признании Советской власти. 9 ноября на заседании Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) А. Ф. Мясников подверг резкой критике соглашение большевистской фракции армейского комитета 3-й армии по вопросу о власти с эсера-меньшевиками. Областной комитет потребовал усилить борьбу против объединительной тактики, отвести в ней решающую роль Военно-революционному комитету.

Выполняя требования Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), ВРК 3-й армии 14 ноября на заседании потребовал полного перехода власти в его руки. Не согласившиеся с этим требованием эсера-меньшевики вышли из его состава. После их ухода ВРК, пополненный восемью большевиками и двумя эсерами-максималистами, большинством голосов принял резолюцию о взятии власти в свои руки и установил, что вся 3-я армия за Советское правительство и «всякого, кто будет мешать этому правительству, она считает своим врагом»³⁵⁴.

Руководствуясь таким подходом в оценке деятельности тех, кто был не согласен с ними в решении политических, социальных и военных вопросов, большевики силой устраняли несогласных от управления войсками и занимали их места. За отказ заключить перемирие на фронте большевистский ВРК 3-й армии арестовал командующего армией генерала Д. П. Парского, назначив вместо него большевика С. А. Анучина. За нежелание «совместно работать с комитетом» был отстранен от должности командир 15-го армейского корпуса генерал Будчик. На его место ВРК назначил прапорщика Морозова. Был также арестован начальник Полоцкого гарнизона генерал Нечаев. Новым начальником гарнизона стал большевик солдат М. Чутков³⁵⁵. На заседании ВРК 18 ноября были избраны контрольная комиссия над телеграфом и телефонной станцией при штабе армии и хозяйственная комиссия, а также принято решение об избрании комиссаров в отделы штаба армии.

³⁵² РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 148.

³⁵³ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 148.

³⁵⁴ Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. 1917. 17 ноября.

³⁵⁵ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 23. Л. 83, 85.

Особым препятствием на пути установления Советской власти являлись продолжавшие существовать Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве, штаб Западного фронта в Минске и фронтовой комитет, эсеро-меньшевистское большинство которого поддерживало контрреволюцию. Последним поводом для большевиков повести борьбу против них явился отказ Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина, а вслед за ним и главнокомандующего Западным фронтом генерала П. С. Балугина от исполнения предписания Совнаркома начать мирные переговоры с противником. 11 ноября ВРК Западного фронта, сместив с поста главнокомандующего фронтом генерала Балугина, назначил на эту должность большевика подполковника В. В. Каменщикова. ВРК объявлялся «единственным органом народной власти и народной воли на Западном фронте»³⁵⁶. Вслед за этим активизировалось установление Советской власти на фронте, а вместе с тем и процесс демократизации армии.

Выборы командного состава в отдельных подразделениях и частях Западного фронта начали проводиться уже после получения первых вестей о победе вооруженного восстания в Петрограде. Чтобы упорядочить этот процесс, направить его в организованное русло, ВРК Западного фронта разработал специальные правила по проведению выборов командного состава, которые под названием «Временные положения о командном составе» вводились в действие по телеграфу приказом № 4 о демократизации армии временного главнокомандующего фронтом В. В. Каменщикова. В «Положениях» определялся порядок отстранения и выборности командиров, который возлагался на войсковые комитеты.

Согласно «Положениям», войсковые комитеты должны были выдвигать кандидатов на соответствующие должности и представлять их на утверждение в вышестоящий комитет. О каждом выдвинутом кандидате необходимо было представлять отзыв непосредственного начальника. Пользовавшиеся доверием солдат и оставляемые на занимаемых должностях командиры также подлежали утверждению. Отстраненные лица до 39-летнего возраста назначались на нижестоящие должности вплоть до рядового. Остальные подлежали увольнению. «Положения» объявлялись как временные до выработки Совнаркомом общих правил о демократизации армии³⁵⁷.

«Положения» явились основным руководством для войсковых комитетов в проведении демократизации в армиях Западного фронта. В дальнейшем они были развиты, конкретизированы и положены в основу резолюции 2-го фронтового съезда о демократизации армии.

2-й съезд армий Западного фронта состоялся 20–25 ноября 1917 г. в г. Минске. На съезд прибыло 633 делегата с решающим и 81 с совещательным голосом. Большинство делегатов – 483 – являлись представителями большевистской партии. Большое значение съезду придавало большевистское руководство. От ЦК партии большевиков и Петроградского ВРК на съезде присутствовали и выступили с приветственными речами В. В. Володарский и Г. К. Орджоникидзе. От командования Западного фронта съезд приветствовал главнокомандующий фронтом большевик В. В. Каменщиков. Приветствия были выражены представителями социалистических партий и общественных организаций. Председателем съезда был избран большевик А. Ф. Мясников, почетным председателем – В. И. Ленин. Съезд обсудил вопросы о работе фронтового комитета, о текущем моменте, о мире, о демократизации армии. В резолюции по текущему моменту съезд приветствовал Совет Народных Комиссаров, выразил

³⁵⁶ Большевистские Военно-революционные комитеты: Сб. док. М., 1958. С. 400.

³⁵⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 185–186.

ему полное доверие и обещал «всемерную поддержку в борьбе со всеми теми, кто саботирует его работу»³⁵⁸.

Одним из основных вопросов 2-го фронтового съезда был вопрос о демократизации армии. Съезд абсолютным большинством голосов принял резолюцию по нему, согласно которой в армии вводилось выборное начало, упразднялись все офицерские и другие знаки отличия военнослужащих. Уравнивались в правах и условиях службы все части и роды войск. Высшим органом управления фронтом провозглашался избираемый фронтовым съездом комитет в составе 100 человек по принципу пропорционального представительства от всех партийных фракций. Принятое решением съезда положение о демократизации армии сразу же вводилось в действие на Западном фронте и было направлено во ВЦИК Советов и Совнарком для утверждения и распространения на всех фронтах³⁵⁹.

Резолюция 2-го фронтового съезда о демократизации армии была одобрена ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего и с небольшими уточнениями 30 ноября 1917 г. передана по телеграфу как «Положение о демократизации армии» для руководства и исполнения всем частям и соединениям на всех фронтах³⁶⁰. В этот же день, исполняя распоряжение Ставки, избранный на фронтовом съезде главнокомандующим Западным фронтом А. Ф. Мясников своим приказом предписал войскам фронта и Минского военного округа «немедленно ввести его в жизнь» и «руководствоваться исключительно этим положением»³⁶¹.

После 2-го фронтового съезда демократизация на Западном фронте приняла повсеместный характер. Одним из главных критериев, которым руководствовались большевики и созданные ими ВРК при назначении на ту или иную должность, являлась политическая благонадежность назначаемого, отношение его к Советской власти. Офицеры, не пользовавшиеся доверием у солдат, отказавшиеся от совместной работы с ВРК, не желавшие признать Советскую власть, отстранялись от занимаемых должностей. Наиболее непримиримые арестовывались или разжаловались в рядовые. За последними, как правило, устанавливался надзор. Более лояльно настроенные назначались на нижестоящие должности в тех частях, в которых находились, или откомандировывались в другие части.

Центральные советские военные органы, внимательно следившие за ходом демократизации, предостерегали, чтобы при проведении выборов не наносился вред аппарату управления войсками, требовали, чтобы на командные и штабные должности выдвигались лица, обладавшие достаточным опытом и знаниями. В одной из телеграмм ВРК Ставки указывалось на необходимость «достигнуть того, чтобы на ответственной и командной должностях находились люди, соответствующие этим должностям по своему характеру, способностям и знанию дела»³⁶². С этой целью в принятом 16 декабря 1917 г. Декрете

³⁵⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 266–280.

³⁵⁹ Там же. С. 282–285.

³⁶⁰ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 224–227.

³⁶¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 335–337. В коллективном труде «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967 (с. 335) ошибочно утверждается, что А. Ф. Мясников объявлял «Положение о демократизации армии» «во исполнение решений 2-го фронтового съезда».

³⁶² РГВИА. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 8. Л. 290.

Совнаркома «О выборном начале и об организации власти в армии» предписывалось начальников штабов избирать из лиц со специальной подготовкой, которые затем в свою очередь должны были назначать всех остальных штабных с последующим утверждением их соответствующими съездами³⁶³.

Большевистские военно-революционные и войсковые комитеты в ходе демократизации в основном действовали в соответствии с таким подходом. Например, ВРК 3-й армии еще 15 ноября, отдавая приказ о немедленном и полном проведении выборного начала, потребовал от частей и учреждений армии «срочно донести о выдающихся качествах лиц командного состава для замещения высших ответственных должностей в армии»³⁶⁴.

Однако больше этого условия придерживались при выдвижении кандидатур на командные должности в технических частях и интендантских учреждениях, требовавших специальной подготовки, и меньше – в пехотных и стрелковых частях, где большевикам достаточно было политической благонадежности, принадлежности к большевистской партии. Так, если в 11-й Сибирской артиллерийской бригаде из 56 кандидатур, выдвинутых батареями и управлениями бригады, приказом ВРК были утверждены на командные должности более 40 офицеров в звании от прапорщика до полковника, 6 фельдфебелей и только 4 солдата, то в 4-м Сибирском стрелковом полку 1-й Сибирской стрелковой дивизии из 31 командной должности на 15, в том числе и на должность командира полка, были избраны солдаты³⁶⁵.

Наиболее преданные делу установления большевистской диктатуры офицеры – во многих случаях большевики – выдвигались на высшие командные должности. Например, главнокомандующим Западным фронтом на фронтовом съезде был избран большевик прапорщик А. Ф. Мясников, на армейских съездах 2-й и 3-й армий командующими армиями были избраны соответственно прапорщик Киселев и большевик подпоручик С. А. Анучин и т. д.

В этих и многих других случаях при выдвижении младших офицеров на высшие командные посты большевистские ВРК и войсковые комитеты руководствовались больше политической, чем практической, военной целесообразностью. Отсутствие необходимых знаний и опыта у младших офицеров, выдвинутых для управления крупными войсковыми соединениями, большевики стремились компенсировать деятельностью опытных штабных специалистов, перешедших на сторону Советской власти или давших свое согласие сотрудничать с ней. Кроме того, для осуществления контроля за деятельностью штабов большевистские ВРК и войсковые комитеты назначали своих комиссаров, в подавляющем большинстве из солдат.

В конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. пере выборы командного состава в армиях Западного фронта были в основном завершены. Военно-революционные комитеты, выполнив свою задачу по установлению большевистской диктатуры в войсках, сливались с войсковыми комитетами. В руках последних сосредотачивалась вся полнота власти.

Организация власти в войсках на большевистских началах проходила в острой политической борьбе большевиков с другими политическими партиями, противопоставлявшими большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!» лозунг «Вся власть

³⁶³ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 283–287.

³⁶⁴ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 23. Л. 40.

³⁶⁵ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 1. Л. 53; Ф. 2277. Оп. 7. Д. 2. Л. 34.

Учредительному собранию!». С целью противостояния этому лозунгу, сплочения всех своих сил под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики приняли решение реорганизовать войсковые комитеты в Советы солдатских депутатов.

Инициатором реорганизации на Западном фронте выступил армейский комитет 3-й армии, принявший на заседании 27 декабря 1917 г. решение о своем переименовании в армейский Совет солдатских депутатов и соответствующем переименовании всех низших комитетов³⁶⁶. Уже на следующий день в соответствии с телеграммой армейского Совета на заседаниях комитетов 15-го и 20-го армейских корпусов были приняты решения о реорганизации комитетов в корпусные Советы. Кроме того, упразднялись должности командиров корпусов, функции и обязанности которых передавались корпусным Советам.³⁶⁷ В 35-м армейском корпусе 3-й армии решение о такой реорганизации было принято на 6-м чрезвычайном корпусном съезде 3 января 1918 г.³⁶⁸ Решение о реорганизации войсковых комитетов в Советы в соединениях и частях 10-й армии было принято на заседании армейского комитета 4 января 1918 г. Руководствуясь этим, ВРК 10-й армии издал приказ, в соответствии с которым с 5 января армейский комитет переименовывался в армейский Совет депутатов 10-й армии, сам ВРК упразднялся, а его функции переходили к президиуму армейского Совета. Переименовывались также все корпусные, дивизионные, полковые и другие комитеты в соответствующие Советы³⁶⁹.

С реорганизацией комитетов в Советы, упразднением должностей командного состава и переходом обязанностей командиров к соответствующим Советам состав и функции последних расширились. Так, 6-й чрезвычайный съезд 35-го армейского корпуса, заявив о «переименовании всех существующих в войсках корпуса комитетов в Советы солдатских депутатов», переходе всей полноты власти в их руки и об упразднении должностей начальствующих лиц, принял решение определить численный состав корпусного Совета из 54 человек. В его состав вошли все 16 членов упраздняемого ВРК, 28 – от частей корпуса (в расчете по 7 членов от каждой входящей в состав корпуса дивизии), 10 членов должны были кооптироваться Советом из квалифицированных специалистов «для планомерного распределения работ и более удобного управления корпусом». В структурном отношении корпусной Совет состоял из президиума, революционного трибунала, продовольственной, демобилизационной, оперативной, инспекторской, хозяйственной, юридической, санитарной, политической и культурно-просветительской комиссий³⁷⁰.

Таким образом, к концу 1917 – началу 1918 г. демократизация армий Западного фронта в основном была завершена. Главная цель, которую преследовали большевики демократизацией, – вырвать армию из рук старого командования, не дать ему использовать вооруженные силы против установления Советской власти, была достигнута.

Окончательный успех для большевиков в проведении демократизации зависел от установления Советской власти как в главных центрах революции, так и на местах, в том числе

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 537.

³⁶⁷ Там же. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 4. Л. 3; Ф. 2218. Оп. 10. Д. 4. Л. 6.

³⁶⁸ Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 71.

³⁶⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 706.

³⁷⁰ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 71.

в частях и соединениях на фронте. Основными проводниками Советской власти являлись повсеместно созданные большевиками боевые чрезвычайные органы власти – военно-революционные комитеты.

Установление большевистской диктатуры в войсках Западного фронта проходило в острой политической борьбе большевиков с представителями других политических партий. Успех большевиков определялся поддержкой основной массовой и боевой силы – солдатами, интересам которых отвечала политика большевистской партии и, прежде всего, провозглашенные декреты о мире и о земле.

Устранение большевиками старого командования от управления войсками, а затем замена единоначалия коллегиальным управлением в армиях Западного фронта не встретили непосредственного открытого активного противодействия со стороны генеральско-офицерского корпуса. Многие из них устремились в тыл, примыкали к организуемой на Дону, Урале, других регионах страны белой гвардии, вступали на путь вооруженной борьбы против Советской власти.

4.3. Заключение перемирия на Западном фронте

Взяв в свои руки власть, большевики приступили к выполнению тех обещаний, которые пропагандировали и благодаря которым за ними пошли многочисленные массы рабочих, солдат и беднейших крестьян. Зная, что одним из главных чаяний измученных войной масс является скорейшее прекращение войны, большевики в первый же день своего правления, 26 октября 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда Советов провозгласили составленный В. И. Лениным Декрет о мире.

В Декрете о мире было выдвинуто предложение «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»³⁷¹. Таким миром Советское правительство считало «немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»³⁷². Для ведения переговоров о мире, «созыва полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира», правительство народных комиссаров предлагало «правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие... не меньше как на 3 месяца»³⁷³, не отвергая и «более короткого срока»³⁷⁴.

Правительства стран Антанты не ответили на мирные предложения Советского правительства. 7 ноября Совнарком обратился к исполняющему должность Верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину с предписанием «немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам»³⁷⁵. Генерал Духонин, не признавший власть Совнаркома, пытался уклониться от ответа на предписание. На категорическое же требование

³⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

³⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

³⁷³ Там же. С. 15.

³⁷⁴ Там же. С. 17.

³⁷⁵ Там же. С. 81.

«вступить немедленно в формальные переговоры» он ответил отказом. Уполномоченные Совнаркомом народные комиссары В. И. Ленин, И. В. Сталин и Н. В. Крыленко за «неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран, и в особенности армиям», отстранили генерала от занимаемой должности, назначив ему «под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела» до прибытия в Ставку нового Верховного главнокомандующего³⁷⁶.

9 ноября 1917 г. от имени СНК Председатель Совнаркома В. И. Ленин и народный комиссар по военным делам и Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко обратились с радиোগраммой ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, в которой призывали взять дело мира в свои руки, не дать «контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира», окружить их стражей, чтобы не допустить «самосудов и помешать» им «уклониться от ожидающего их суда»³⁷⁷. Стоявшим на позициях полкам предоставлялось право тот час выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»³⁷⁸.

На Западном фронте, где уже накануне Октябрьского переворота главным требованием солдат было прекращение империалистической войны, сама победа вооруженного восстания в Петрограде и передача власти Советам воспринимались ими как установление мира. Таким было видение сущности революции и одной из ее основных задач солдатами 5-го гренадерского Киевского полка, частей 75-й пехотной дивизии 2-й армии, дивизий 3-го армейского корпуса 10-й армии³⁷⁹, других частей и соединений фронта. Даже в 3-м Сибирском стрелковом корпусе, по мнению командования «в наиболее спокойном» из всех корпусов 2-й армии, «войсковой массой владело одно сильное, неудержимое желание знать, что мир будет, и притом сейчас же»³⁸⁰.

Важнейшей задачей победившей революции – заключение мира, считали выражавшие настроения солдат войсковые комитеты многих частей и соединений Западного фронта. Так, пленарное заседание комитетов 6-й пехотной дивизии 3-й армии в принятом постановлении, приветствуя совершившийся переворот, выразило уверенность, что «наконец-то окончена грабительская война»³⁸¹. В принятой резолюции на съезде гренадерского корпуса 2-й армии было заверено, что «новая власть... поведет решительную борьбу за мир»³⁸². Одной из важнейших «текущих задач революционного правительства» – «решительные шаги к заключению демократического мира... с предложением перемирия на всех фронтах» – считал

³⁷⁶ Там же. С. 82.

³⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 35, 48, 52.

³⁸⁰ Там же. С. 92.

³⁸¹ Там же. С. 50.

³⁸² Там же. С. 32.

съезд комитетов 10-й армии³⁸³.

Провозглашение Декрета о мире, его широкая пропаганда и разъяснение большевиками вызвали среди солдат всеобщее одобрение и поддержку, требование от Совнаркома немедленного проведения его в жизнь. Например, общее собрание полкового комитета при штабе 20-го армейского корпуса 3-й армии, заявив о признании власти народных комиссаров, требовало немедленного проведения в жизнь Декрета о мире³⁸⁴. Армейский съезд 10-й армии приветствовал Декрет о мире, как один из первых шагов Советского правительства к «осуществлению стремлений революционного народа»³⁸⁵. Приветствуя председателя Совнаркома В. И. Ленина, армейский съезд 2-й армии одним из «дальнейших шагов народной власти» считал осуществление Декрета о мире и немедленное объявление перемирия на всех фронтах³⁸⁶.

Получив радиограмму Совнаркома с предписанием начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия, Военно-революционный комитет Западного фронта обратился к главнокомандующему Западным фронтом П. С. Балуюеву с предложением предписать командующим армиями фронта приступить к переговорам с неприятелем о заключении перемирия. Генерал Балуюев, сославшись на свои политические убеждения, отказался подчиниться этому требованию ВРК. За это он был отстранен от командования фронтом. На временное исполнение должности главнокомандующего фронтом ВРК назначил большевика подполковника В. В. Каменщикова.

В этот же день, 11 ноября 1917 г., приказ ВРК о смещении генерала Балуюева и назначении подполковника Каменщикова был объявлен в войсках. ВРК уведомлял солдат и офицеров армий и тыла Западного фронта о том, что с этого времени военная власть фронта полностью находится в их руках, и предписывал им соблюдать полное спокойствие, революционную дисциплину и оказывать поддержку ВРК и вновь назначенному временно исполняющему должность главкозапа подполковнику Каменщикову³⁸⁷.

12 ноября ВРК Западного фронта обратился к солдатам фронта с призывом усилить борьбу за перемирие во имя «спасения всей страны от голода и разорения, от окончательной гибели». Комитет призвал солдат быть сильными и решительными в борьбе за мир, устранять всех, кто мешает заключению мира, «соединиться» вокруг ВРК и «поддержать его во всех начинаниях, направленных к заключению перемирия»³⁸⁸.

В тот же день ВРК Западного фронта обратился ко всем офицерам армий фронта с уведомлением об отстранении от должности главкозапа генерала Балуюева и о немедленном начале переговоров о заключении перемирия на фронте, как «предварительного условия немедленного начатия мирных переговоров»³⁸⁹. Военно-революционный комитет сообщал,

³⁸³ Там же. С. 34.

³⁸⁴ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 89–90.

³⁸⁵ Там же. С. 99.

³⁸⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 160.

³⁸⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 168–169.

³⁸⁸ Там же. С. 169–170.

³⁸⁹ Там же.

что находит «необходимым устранение от должностей всех противящихся» этому лиц, и заявлял, что по отношению ко всем добровольно сдающим должности никакие репрессии применяться не будут. ВРК выразил «твердую уверенность», что офицерство фронта «стоит на высоте поставленных историей задач и в громадной части своей не пойдет против ясно и определенно выраженной воли народа»³⁹⁰.

После получения радиограммы в войсках Западного фронта состоялись экстренные заседания войсковых и военно-революционных комитетов с целью выразить отношение к ней и наметить меры по ее осуществлению. Первым мероприятием комитетов в связи с этим являлось немедленное доведение содержания радиограммы до всех солдат частей и подразделений. Так, ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии, получив радиограмму, в тот же день, 9 ноября, огласил ее на своем заседании и принял решение сообщить о ней всем частям корпуса по телеграфу. Здесь же была разработана и единогласно принята инструкция дивизионным, бригадным и полковым комитетам и учреждениям корпуса для руководства на случай, «если бы какая-нибудь часть решилась заключить перемирие»³⁹¹.

Радиограмма Совнаркома и обращение ВРК Западного фронта с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия были встречены солдатами и частью офицеров с большой радостью и сочувствием. Например, оглашение радиограммы на многолюдном соединенном заседании полкового, ротных и командных комитетов 8-го гренадерского Московского полка 2-й армии вызвало у присутствующих энтузиазм³⁹². Полковой комитет 530-го пехотного Василь-Сурского полка 3-й армии рассмотрел радиограмму на своем заседании уже на второй день, 10 ноября, и принял решение «избрать на общем собрании полка двух солдат и одного офицера для переговоров о перемирии»³⁹³. Такое же решение было принято на экстренном заседании ВРК 515-го пехотного Пинежского полка. Здесь была избрана комиссия из трех членов, которой предписывалось «войти в переговоры с уполномоченными от германских войск и заключить перемирие сроком на 15 дней»³⁹⁴.

Радиограмма Совнаркома и обращение ВРК Западного фронта с призывом приступить к переговорам с неприятелем о заключении перемирия не встретили на Западном фронте открытого массового противодействия. Имели место лишь отдельные случаи отказа приступить к переговорам со стороны высшего командования. Стремление солдат к миру было настолько велико, что они готовы были устранить на этом пути любые препятствия. Так, за отказ вести переговоры с немцами о перемирии вслед за главкозапом генералом П. С. Балухом были отстранены от должности и арестованы командующий 3-й армией генерал Д. П. Парский, начальник гарнизона Полоцка генерал Нечаев, начальник 134-й пехотной дивизии 10-й армии генерал Афанасьев и некоторые другие должностные лица.

Радиограмма Совнаркома с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о перемирии развязывала инициативу на местах, санкционировала вступление в переговоры и

³⁹⁰ Там же. С. 170.

³⁹¹ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

³⁹² Там же. Ф. 2598. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³⁹³ Там же. Ф. 2048. Оп. 5. Д. 8. Л. 36.

³⁹⁴ Там же. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 107.

заключение временных соглашений о перемирии и прекращении военных действий отдельными частями и соединениями, не дожидаясь общего перемирия на всем русско-германском фронте.

Для ведения переговоров с неприятелем о заключении перемирия в частях и соединениях фронта на заседаниях и съездах войсковых и военно-революционных комитетов избирались специальные комиссии. Численный состав комиссий зависел от войсковой единицы. В полку, как правило, она состояла из трех человек, в корпусе – из 10–12³⁹⁵. По социальному и партийному составу комиссии были смешанными. В них избирались солдаты и представители от офицеров, как большевики, так и эсеров-меньшевики.

Во время переговоров комиссии должны были руководствоваться специальными инструкциями, которые разрабатывались вышестоящим комитетом. Например, в 15-м армейском корпусе 3-й армии такая инструкция была разработана, принята на корпусном съезде и адресована всем дивизионным, бригадным и полковым комитетам и учреждениям уже 9 ноября 1917 г. Инструкцией определялись юридическое лицо и место для ведения переговоров, а также образ действий частей и подразделений во время переговоров и в случае заключения перемирия.

Вышестоящие военно-революционные комитеты, предоставляя право войсковым частям вступить в переговоры с противником о заключении перемирия, проявляли осторожность. С целью согласованности действий комиссий частей и подразделений на переговорах, унификации предлагаемых противнику условий, а также во избежание оплошностей и ошибок при заключении частных перемирий, ВРК 15-го армейского корпуса, направляя дивизионным, бригадным и полковым комитетам инструкцию, одновременно уведомлял о том, что вопрос о заключении перемирия «обсуждается во фронтовом и армейских комитетах с участием командного состава» и просил «до получения отсюда указаний воздержаться от всяких попыток заключить частичное перемирие»³⁹⁶. В свою очередь ВРК 3-й армии 11 ноября в телеграфном обращении к солдатам с просьбой «сохранять строжайший революционный и военный порядок» предлагал «избрать по 4 делегата на чрезвычайные дивизионные съезды на 12 ноября для выработки совместного с представителями армейского комитета и ВРК образа действий, до этого... не предпринимать никаких самостоятельных шагов и переговоров с неприятелем»³⁹⁷.

12 ноября 1917 г. была разработана, принята на заседании бюро ВРК Западного фронта и затем отдана приказом главкозапа для руководства и сведения общая для фронта инструкция по подготовке перемирия. Основные положения инструкции перекликались с положениями инструкций, которые были разработаны в корпусах. Инструкция предписывала войсковым комитетам немедленно образовывать комиссии по организации перемирия на фронте; для согласованных действий вышестоящие комиссии должны были выделять не менее двух представителей в комиссии нижестоящих комитетов. Инструкцией определялись место, время и порядок ведения переговоров: переговоры должны были вестись только днем, в нейтральной зоне, через заслуживавших полное доверие комиссии переводчиков; на переговорах «под страхом революционной ответственности» воспрещалось говорить о составе боевых частей, их состоянии, довольствии, передвижении войск, разглашать другие сведения, составлявшие

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96, 113; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 107; Ф. 2048. Оп. 5. Д. 8. Л. 36; Ф. 2218. Оп. 4. Д. 5, Л. 148.

³⁹⁶ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

³⁹⁷ Там же. Л. 97.

военную тайну; войсковым частям предписывалось соблюдать бдительность, не ослаблять боеспособности фронта; все комитеты и солдаты обязывались «строжайше следить за выполнением неприятелем всех условий по ведению переговоров о перемирии»; комиссии ВРК Западного фронта по перемирию предписывалось немедленно войти в связь со всеми фронтами с предложением немедленно образовать такие же комиссии; создаваемому при Ставке Верховного главнокомандующего Военно-революционному комитету предлагалось «безотлагательно взять на себя общее руководство по организации перемирия на русском фронте»; вопрос о перемирии считался окончательно решенным по уведомлении о нем Совнаркома и по получении от него полномочий на заключение перемирия; о ходе переговоров и каком-либо изменении на фронте немедленно должны были уведомляться как Совнарком, так и войсковые комитеты соседних и вышестоящих организаций. Передавая инструкцию в войска фронта В. В. Каменщиков приказывал «немедленно приступить к переговорам с немцами для заключения перемирия»³⁹⁸.

Отдельные части и соединения Западного фронта уже до приказа главнокомандующего, руководствуясь Декретом о мире и радиограммой Совнаркома, самостоятельно вступили в переговоры с противником. 10 ноября штаб гренадерского корпуса 2-й армии по предложению ВРК корпуса направил радиограмму в штаб противостоявшей германской армии генерала Войерша с предложением приступить к переговорам о перемирии. Штаб германской армии ответил согласием на радиограмму. Для ведения переговоров немецкое командование предлагало направить с обеих сторон парламентариев и просило сообщить о согласии и дне переговоров³⁹⁹.

Встреча делегации ВРК гренадерского корпуса с представителями штаба армии генерала Войерша состоялась 15 ноября 1917 г. в 12 часов дня недалеко от Барановичей. В состав делегации гренадерского корпуса входило шесть человек: солдаты – корпусной комиссар В. Воробьев, председатель корпусного ВРК Е. Н. Конобеев, секретарь комитета С. Рак, председатель полкового комитета штаба корпуса Грецен, член корпусного комитета старого состава А. Лебедев и исполняющий дела обер-офицера для поручений штаба корпуса прапорщик Гордон. В состав германской делегации входили пять человек: генерального штаба майор Гудовиус, начальник штаба армии, майор 6-го корпуса Бенккер, два обер-офицера – переводчики⁴⁰⁰.

Германской делегацией был представлен готовый проект договора о прекращении военных действий между гренадерским корпусом и соответствующей частью армии генерала Войерша. В результате четырехчасового обсуждения проекта договора было достигнуто соглашение о прекращении военных действий 16 ноября с 12 часов дня на участке фронта Барановичи – Горбачи – Полонечко протяженностью до 30 верст. Здесь с обеих сторон прекращались все военные действия, запрещались работы, которые могли служить для подготовки наступления, совершенно прекращались минерные работы⁴⁰¹.

В этот же день, 15 ноября, состоялись переговоры о перемирии между делегацией 15-го армейского корпуса 3-й армии и представителями штаба противостоявшей 67-й германской

³⁹⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 184–185.

³⁹⁹ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 347.

⁴⁰⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 188–189.

⁴⁰¹ Там же.

армии генерала Комана. Здесь также был подписан договор о прекращении военных действий председателем ВРК 15-го корпуса А. А. Вашневым, уполномоченными корпусной комиссии по ведению переговоров о перемирии Герасимовым, Славных, Новодворским и Ушаковым и с германской стороны генералом Нагелом. Договор вступал в силу с 14 часов 19 ноября. В соответствии с ним на участке фронта от северного берега озера Нарочь до местечка Петруши прекращались все военные действия, запрещались инженерные работы, которые могли бы послужить для наступления. Всякое сообщение солдат через передовые проволочные заграждения противоборствующих сторон запрещалось, за исключением условленных для этого мест – севернее местечка Пасынки у северного берега озера Нарочь и западнее местечка Рассохи⁴⁰².

Подготовительные работы к переговорам о заключении перемирия с неприятелем проводились в 20-м армейском корпусе. 16 ноября на заседании корпусного съезда после заслушивания поступивших «телеграмм и инструкций по ведению мирных переговоров», вызвавших долгие прения, была избрана комиссия из 12 человек – представителей всех частей дивизии, и принята инструкция по ведению переговоров с немцами⁴⁰³. В 35-м армейском корпусе по получении телеграммы Совнаркома с призывом начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия немедленно был созван корпусной съезд для выработки инструкции и «приступлено к переговорам о перемирии»⁴⁰⁴.

Переговоры о заключении перемирия велись в частях и соединениях 10-й армии. Так, по донесению начальника 69-й пехотной дивизии полковника Немчинова от 14 ноября командиру 38-го армейского корпуса, 13 ноября «на участке ударного батальона в районе деревни Новоселки батальонный комитет с офицерами выходил для переговоров о мире. Немцы приняли солдата и офицера, которые побывали в штабе полка и дивизии, где получили условия перемирия на 3 месяца за подписью генерала фон Адриани... По этому условию стрельба прекратилась с 22 часов вчерашнего дня (13 ноября. – М. С.)»⁴⁰⁵. 14 ноября по требованию дивизионного комитета начальник дивизии подписал удостоверения солдатам – представителям частей дивизии для переговоров с немцами о перемирии на всем участке фронта, занимаемом дивизией⁴⁰⁶. 19 ноября состоялось перемирие между 3-м армейским корпусом Западного фронта и 57-м корпусом германских войск⁴⁰⁷. На три месяца было заключено перемирие с немцами 14-м гренадерским Грузинским полком 2-го Кавказского гренадерского корпуса на участке фронта Кунава – Сутьково⁴⁰⁸. Для ведения переговоров о перемирии создавались

⁴⁰² РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 106.

⁴⁰³ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 148.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 31.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). М., 1953. С. 161.

⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 35. Л. 60.

комиссии при дивизионном комитете 134-й пехотной дивизии⁴⁰⁹.

В ряде случаев с инициативой вести переговоры о заключении перемирия на фронте выступили немцы. Так, по донесению начальника штаба 134-й пехотной дивизии штабу 10-й армии от 30 октября, на участке фронта «у фольварка Неверишки немцы вышли из своих окопов и передали записку нашим солдатам» с просьбой «прислать делегацию солдат или офицеров для заключения перемирия»⁴¹⁰. На участке фронта, занимаемом 6-й пехотной дивизией 3-й армии, с предложением вступить в мирные переговоры выходил немецкий генерал⁴¹¹. 15 ноября в 14 часов по инициативе германской стороны перемирие сроком на 15 суток было заключено на участке фронта от Телехан до деревни Валище, занимаемом 515-м пехотным Пинежским полком 50-го армейского корпуса 2-й армии. По поручению армейского отделения Гранау договор о перемирии подписал генерал-лейтенант Бак⁴¹².

Опираясь на массовое движение солдат за заключение перемирия на фронте, армейские военно-революционные комитеты вступали в переговоры с противостоящими немецкими соединениями. 17 ноября в 18 часов 30 минут ВРК 2-й армии направил радиogramму в штаб германской армии генерала Войерша с предложением немедленно начать официальные переговоры о перемирии на фронте армии. В тот же день в 18 часов 40 минут ВРК 10-й армии обратился с телеграммой в штаб 12-й германской армии с аналогичным предложением⁴¹³.

17 ноября ВРК Западного фронта запросил немецкое командование о времени и месте переговоров о перемирии. Главнокомандующий германской армейской группой генерал фон Эйхгорн согласился вести переговоры с Военно-революционным комитетом Западного фронта.

Комиссия по перемирию при ВРК Западного фронта, готовясь к переговорам, разработала проект договора, который был рассмотрен Военно-революционным комитетом фронта. 20 ноября в местечке Солы начались переговоры. Делегация ВРК Западного фронта по заключению перемирия состояла из 11 человек: от ВРК – солдаты С. Е. Щукин, В. В. Фомин, младший унтер-офицер С. И. Берсон; от 2-й армии – доктора Н. С. Тихменев, Н. Г. Петров; от 3-й армии – солдаты В. Ф. Лукьянов, Школьников; от 10-й армии – солдаты В. И. Яркин, Н. В. Хрусталеv; в качестве военно-технических советников – капитаны генштаба Крузенштерн и Липский.

С немецкой стороны для ведения переговоров о перемирии были уполномочены: начальник штаба группы армии генерала Эйхгорна, генерал-майор фон Зауберцвейг, начальник оперативного отдела того же штаба майор генерального штаба фон Альтен, начальник разведки штаба капитан Меркер и штаб-офицер для поручений при генерале Эйхгорне ротмистр граф цу Эленбург⁴¹⁴.

После длительного обсуждения проекта соглашения о перемирии утром 21 ноября был

⁴⁰⁹ Там же. Л. 287.

⁴¹⁰ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 35. Л. 186.

⁴¹¹ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 115.

⁴¹² Там же. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 80. Л. 68.

⁴¹³ Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). С. 161.

⁴¹⁴ Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972. С. 252–253.

подписан договор о временном перемирии на Западном фронте – с 12 часов 23 ноября 1917 г. до 12 часов 24 января 1918 г. или «до заключения общего перемирия на всем русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока»⁴¹⁵.

По вступлении договора в силу на линии фронта от местечка Видзы на севере до реки Припяти на юге немедленно прекращались все боевые действия всеми видами вооружения и средствами массового поражения, а также все минные и саперные работы; прекращались воздушные полеты как над расположением противостоявшей стороны, так и в десятиверстной полосе от передовой линии своих окопов; прекращались действия разведчиков. Обе стороны обязались не производить никаких подготовительных к наступлению работ, крупных перебросок и перемещений войск с одного фронта на другой.

Делегация Западного фронта, руководствуясь идеей мировой революции, проявила упорство при обсуждении вопроса о братании и добилась принятия с некоторыми изменениями пункта, разрешающего солдатам выходить в нейтральную зону без оружия с рассвета до наступления темноты. Хотя переход солдат противостоящих сторон за свое проволочное заграждение не допускался, но и против нарушавших это условие насильственных мер не применялось.

Заключение перемирия на Западном фронте ускорило подписание соглашений о перемирии на других фронтах (на Юго-Западном фронте таковое было подписано 24 ноября, на Румынском – 26 ноября), а также всеобщего перемирия на всем русско-германском фронте (было заключено в Брест-Литовске 2 декабря 1917 г.).

В советской исторической литературе заключение перемирия на Западном фронте, да и на других фронтах, а также всеобщего перемирия считается победой дипломатии молодого Советского государства. На самом деле, на наш взгляд, это было признание Россией своего поражения в Первой мировой войне, так как огромная часть территории бывшей Российской империи оставалась под оккупацией австро-германскими войсками.

Заключение перемирия в создавшейся к концу 1917 г. ситуации на фронте и в стране было жизненно необходимым как для фронта, всей русской армии, так и для страны в целом. Это признавали и солдаты, и в большинстве своем офицерство и генералитет, а также лидеры враждующих между собой политических партий. Перемирие могло стать той передышкой, которую жаждали исстрадавшиеся от более чем трехлетней войны фронт и тыл. Оно давало возможность произвести перегруппировку сил, наладить вконец расстроившееся снабжение фронта продовольствием и фуражом, обмундированием и боевым снаряжением, произвести частичную демобилизацию армии. Однако после Октябрьского переворота в условиях разгоравшейся гражданской войны в стране, усиленной поляризации политических сил заключение перемирия и начавшаяся затем демобилизация русской армии способствовали перегруппировке сил по классовому признаку и концентрации их в жизненно важных районах страны с целью вооруженного противостояния друг другу.

4.4. Демобилизация армий Западного фронта

Победа вооруженного восстания в Петрограде, провозглашение декретов о мире и о земле, заключение перемирия на фронте усилили стремление солдат уйти в тыл. В огромной мере положение усугублялось усталостью и лишениями окопной жизни, плохим продовольственным и вещевым снабжением, приближением зимы. Многие части и подразделения настойчиво

⁴¹⁵ Там же.

требовали отвода их в тыл. Так, по донесению дивизионного комитета 28-й пехотной дивизии в Военно-революционный комитет 3-й армии, уже 6 ноября в полковой комитет 109-го пехотного Волжского полка поступило около десятка постановлений рот и ротных комитетов, в которых констатировалось пребывание дивизии в течение двух месяцев на позиции в самых неблагоприятных условиях и было выражено настойчивое требование отвода ее в корпусной резерв⁴¹⁶. В донесении говорилось о реальной угрозе самовольного ухода частей с позиций и открытии фронта противнику. Такое положение было на многих участках фронта.

Взавшие в свои руки власть большевики видели весь развал армии. Оценивая состояние старой армии в начале 1918 г., В. И. Ленин сделал заключение: «Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать ее»⁴¹⁷. Наряду с проведением полной демократизации старой армии большевики приступили к ее постепенной демобилизации. Уже 10 ноября 1917 г. председателем Совнаркома В. И. Лениным и народными комиссарами по военным делам В. А. Антоновым-Овсеенко и Н. В. Крыленко был подписан первый Декрет Совнаркома о сокращении численности армии. «Рабочее и крестьянское правительство, – говорилось в Декрете, – постановило: приступить к постепенному сокращению численности армии. Для этого немедленно уволить в бессрочный запас солдат – граждан призыва 1899 г. Об увольнении призывных других сроков предписание последует в дальнейшем». При увольнении солдат со службы предписывалось оружие сдавать полковым комитетам, на которые возлагалась ответственность за его хранение. Верховному главнокомандующему вменялось в обязанность «немедленно объявить об этом приказом по армии»⁴¹⁸.

Солдаты Западного фронта весть о начале демобилизации армии встретили как долгожданную и желанную. В этом они видели возможность покончить с лишениями окопной жизни и вернуться к родным очагам, а также «частично устранить остроту продовольственного вопроса в армии»⁴¹⁹.

Вопрос о демобилизации солдат старших сроков призыва рассматривался на заседаниях военно-революционных и съездах войсковых комитетов. В принятых резолюциях и наказах солдаты требовали «немедленной частичной демобилизации армии». Таким было требование в резолюции корпусного съезда 15-го армейского корпуса в наказе делегату на фронтовой съезд от 29-го пехотного Черниговского полка, в наказе армейскому съезду 3-й армии солдат починочной мастерской, в резолюции полкового Совета 23-го пехотного Низовского полка⁴²⁰. «Настаивать на немедленной демобилизации солдат 1900, 1901, 1902, а также 1911 и 1912 годов» призыва на действительную военную службу приняли решение на общем собрании члены полкового ВРК санитарных и интендантских частей 6-й пехотной дивизии с участием представителей комитетов 1-го и 2-го лазаретов этой дивизии⁴²¹.

⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 9. Л. 288.

⁴¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 13.

⁴¹⁸ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 96.

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 26; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 420.

⁴²⁰ РГВИА. Л. 26, 97; НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁴²¹ РГВИА. Оп. 1. Д. 1564. Л. 389, 410, 421, 432.

В декабре 1917 г. в войска фронта поступил приказ Верховного главнокомандующего об увольнении со службы всех солдат действующей армии 1900 и 1901 годов призыва. На Западном фронте демобилизация солдат указанных сроков призыва с последующей отправкой по домам производилась с интервалом в десять дней один от другого. С 10 декабря предписывалось уволить и начать перевозку солдат 1900 года призыва, с 20 декабря – солдат 1901 года призыва. Увольняемых из тыловых учреждений предписывалось предварительно заменять солдатами строевых частей призыва 1912, 1913, 1914, 1915, 1916 годов «в таком числе, чтобы тыловые учреждения могли продолжать работу, но не стремиться доводить их состав до полного штата»⁴²². Во фронтовых частях командование фронта предписывало проводить перегруппировку «с тем, чтобы в передовой линии оставить минимум сил, нужных для ее занятия и поддержания в порядке». Кроме того, путем увеличения занимаемых частями участков фронта рекомендовалось «вывести возможно больше в резерв для обеспечения регулярной смены частям в передовой линии»⁴²³.

Ссылаясь на разгоравшееся в стране вооруженное классовое противостояние, в подавляющем большинстве резолюций, наказов и постановлений солдаты требовали демобилизуемых отпускать домой с оружием. Так, солдаты частей штаба 3-й армии, объединенных дивизионным комитетом этапно-хозяйственного отдела, в наказе армейскому съезду 3-й армии потребовали принять «все меры для того, чтобы все солдаты ... при увольнении в запас были снабжены оружием» для борьбы с контрреволюцией⁴²⁴. Солдаты 21-го пехотного Муромского полка в наказе делегатам на армейский съезд требовали от «правительства Народной Республики издать обязательный декрет, чтобы увольняемым солдатам выдавалось оружие, на случай, если контрреволюция поднимет голову». Снабдить оружием демобилизованных требовали солдаты починочной мастерской 3-й армии, общее собрание полкового ВРК санитарных и интендантских частей 6-й пехотной дивизии с участием представителей 1-го и 2-го лазаретов этой дивизии, съезд 15-го армейского корпуса⁴²⁵.

Лишь в отдельных случаях войсковые комитеты принимали решения, в соответствии с которыми «оружие, как народное достояние... после демобилизации должно сдаваться на склады», поступающие «в непосредственное ведение Советов». Таким было решение армейского съезда частей, подведомственных начальнику военных сообщений армий Западного фронта⁴²⁶. «Желательной передачу оружия запасно-отпускных через военно-революционные комитеты местным Советам» считали солдаты 29-го пехотного Черниговского полка⁴²⁷. Заседание полкового Совета солдатских депутатов 23-го пехотного Низовского полка приняло решение «насильственного отобрания оружия не производить, но в то же время ротным и командным Советам морально воздействовать на товарищей, чтобы они не приносили ущерба

⁴²² РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 37.

⁴²³ Там же. Л. 26.

⁴²⁴ Там же. Л. 19.

⁴²⁵ Там же. Л. 37; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. С. 420.

⁴²⁶ РГВИА. Ф. 6565. Оп. 2. Д. 30. Л. 4.

⁴²⁷ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

полку в боевом отношении, т. к. война не окончена»⁴²⁸.

Штаб Западного фронта болезненно реагировал на утечку с фронта вооружения и снаряжения. Чтобы как-то воздействовать на этот процесс, главнокомандующий фронтом А. Ф. Мясников обратился с приказанием к командному составу частей и соединений армий, в котором, констатируя увоз из частей увольняемыми от службы солдатами или отпускниками оружия и снаряжения, назвал это явление «совершенно недопустимым» и просил немедленно разъяснить это солдатам. Ответственность за неисполнение этого приказа главнокомандующий возлагал на соответствующие комитеты и командный состав⁴²⁹.

К концу декабря 1917 г. демобилизация охватила все части и соединения армий Западного фронта. Уставшие, полураздетые, очутившиеся перед призраком неминуемого голода, солдаты устремили свой взор в тыл, угрожая повальным бегством с фронта. «Настроение полка весьма печально, в связи с недостатком хлеба бегство в тыл усилилось. Пулеметные команды выясняют, что при недостатке фуража лошади ежедневно валяются», такой представлялась картина состояния 23-го пехотного Низовского полка полковому Совету на основании докладов представителей рот и команд к 30 декабря 1917 г.⁴³⁰. Подобное состояние войск было характерным для всего фронта.

Имели место случаи, когда под давлением солдат войсковые комитеты самочинно принимали решение о демобилизации и даже о расформировании частей, мелких подразделений и команд. Чтобы удержать фронт от повального бегства, осуществлять демобилизацию более-менее планомерно, не допустить в этом сложном процессе стихийности, штабы и созданные при них демобилизационные органы запрещали самочинные действия на местах. Так, канцелярия по демобилизации при штабе 3-й армии направила 3 декабря 1917 г. телеграмму начальнику этапно-хозяйственного отдела армии с просьбой дать «распоряжение, чтобы в частях войск и учреждениях без санкции штаба армии никакие расформирования, демобилизации и увольнения солдат не производились». При необходимости произвести расформирование рекомендовалось обращаться «по команде в штаб армии с мотивированным представлением»⁴³¹. Главнокомандующий А. Ф. Мясников, как только ему стало известно, что в соединениях 2-й армии «по самочинным постановлениям производится расформирование частей и учреждений», назвал такой порядок «ликвидации частей и их имущества даже при их тяжелом положении», «не допустимым для армии» и приказал «не приступать ни к каким расформированиям или реорганизациям войск» без его разрешения⁴³².

К концу 1917 г. в особо сложном положении оказались кавалерийские, артиллерийские и транспортные части и подразделения. В связи с недополучением фуража приходила в упадок основная тяговая сила – конский состав. Положение усугублялось начавшейся демобилизацией, вследствие которой сокращался обслуживающий персонал. «С наступлением холодов, благодаря отсутствию фуража, лошади пришли в полную негодность, едва лишь в состоянии подвозить продукты... со станции Дайнова до местечка Камень – на расстояние 2

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 2. Оп. 5. Д. 8. Л. 97.

⁴²⁹ Там же. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 8. Л. 284.

⁴³⁰ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 97.

⁴³¹ Там же. Оп. 1. Д. 1564. Л. 375.

⁴³² Там же. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 12. Л. 131.

верст. Ротные лошади не в состоянии даже подвозить продукты... до места расположения рот... Частые командировки в тыловые учреждения и увольнение нескольких годов от службы окончательно подорвали живую силу полка», – констатировал кризисное состояние полка в принятой на пленарном заседании и направленной в дивизионный комитет резолюции полковой комитет 681-го пехотного Алтайского полка⁴³³. «В настоящее время кормить коней нечем. Из интендантства сейчас совсем ничего не получаем... При такой бескормице на коней напал сильный падеж. Если будет дальше продолжаться такой голод, то через неделю будет падать по 50 голов в сутки», – сообщал в принятой на заседании резолюции комитет 1-го парка 1-го Сибирского паркового артиллерийского дивизиона в дивизионный Военно-революционный комитет и «во избежание этого» просил «немедленно сократить конский состав парка»⁴³⁴. Тревожные телеграммы о создавшемся критическом положении в специальных частях сообщали в армейский ВРК и командующему 10-й армией командир 38-го армейского корпуса, председатель ВРК 5-й отдельной телеграфной роты, в армейский комитет 10-й армии и фронтовой комитет – дивизионный комитет 2-го Сибирского паркового артиллерийского дивизиона⁴³⁵, других частей и соединений.

Сообщая в высшие инстанции о создавшемся критическом положении с продовольствием и фуражом, начавшемся в связи с этим голоде и массовом падеже лошадей, части и подразделения требовали отвода их в глубокий тыл или частичного сокращения и даже расформирования. Так, о категорическом требовании 11-й Сибирской артиллерийской бригады отвода в тыл в связи с кризисом в продовольственном и фуражном вопросах сообщало руководство 38-го армейского корпуса в ВРК и командующему 10-й армией⁴³⁶. По причине некомплекта в личном составе и малого запаса фуража требовали отправки в тыл артиллерийских батарей комитет 2-й батареи и общее собрание 3-й батареи 50-го отдельного тяжелого полевого артиллерийского дивизиона⁴³⁷. При этом батарейный комитет 2-й батареи в «спешном порядке» ходатайствовал перед дивизионным комитетом о частичном сокращении численности лошадей и материальной части артиллерийского парка. Подобные требования выдвигали комитет 1-го парка 1-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, многие другие части и подразделения.

В связи с создавшейся кризисной ситуацией с продовольствием и фуражом на фронте и под давлением солдатских требований, командование и военно-революционные комитеты принимали решение об отходе в тыловые районы отдельных частей и соединений, а также о расформировании мелких подразделений и команд. Например, уже в последних числах ноября 1917 г. главнокомандующий Западным фронтом отдал распоряжение «для облегчения фуражного довольствия расположить Уральскую казачью дивизию в районе Хальч – Марьино – Новое Место – Громыки (северо-восточнее Гомеля)⁴³⁸». В середине декабря с фронта в

⁴³³ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

⁴³⁴ Там же. Л. 156.

⁴³⁵ Там же. Л. 133, 138, 149, 150.

⁴³⁶ Там же. Л. 149.

⁴³⁷ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 193, 196.

⁴³⁸ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

центральные районы России начался отвод 291-го пехотного Трубчевского полка 10-й армии, 515-го пехотного Пинежского полка 2-й армии⁴³⁹, других частей и подразделений. 12 декабря ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии принял решение о расформировании 6-го и 8-го парковых артиллерийских дивизионов, огнеметных и пулеметных школ и пулеметных команд корпуса⁴⁴⁰.

Однако в условиях полного расстройтва железнодорожного сообщения, слабого притока продовольствия и фуража на фронт, отсутствия значительных запасов такового в интендантствах, частичный отвод войск с фронта не решал фуражно-продовольственной проблемы. В штабы армий и фронта продолжали поступать тревожные сигналы об угрозе целых частей и соединений оставить фронт, о гибели дорогостоящего войскового имущества, требования сохранить его для справедливого распределения среди населения. Так, съезд Совета крестьянских депутатов при этапно-хозяйственном отделе 3-й армии, рассмотрев вопрос о демобилизации армии, в принятой и затем направленной в демобилизационную комиссию при штабе 3-й армии резолюции констатировал «ежедневную гибель народного богатства», особенно лошадей, в военных транспортах и просил обратить самое серьезное внимание на справедливое распределение высвобождающегося при демобилизации имущества между неимущими крестьянами. Съезд требовал «не допустить продажи инвентаря скупщикам и кулакам, не дать им набивать за счет бедных крестьян свои карманы»⁴⁴¹.

Возможно, в ответ на это и многие другие поступающие в штаб армии требования армейский Совет 3-й армии издал приказ, в котором обращал внимание солдат на правильную и планомерную демобилизацию, как на одну из главных задач текущего момента. Совет обязывал демобилизационные комиссии всех уровней «работать между собой в полном контакте, позаботиться о постепенном отправлении на родину личного состава армии, об учете и сохранении многомиллионных народных богатств», о передаче их «по указаниям центральной власти в руки демократических организаций для справедливого распределения между трудовым населением». Совет призывал солдат к совместной с комиссиями работе, заострял их внимание на сохранении конского состава, правильной передаче народу, как на вопросе, «имеющем в нашей земледельческой стране особо важное значение»⁴⁴². 5 декабря 1917 г. штаб Западного фронта своей телеграммой предписал штабам армий для исполнения утвержденное Главнокомандующим Западным фронтом А. Ф. Мясниковым постановление, принятое на совещании демобилизационных комиссий фронта, о предоставлении корпусным комитетам права «бесплатной передачи негодных для несения службы лошадей местным крестьянским комитетам»⁴⁴³.

Вопрос сохранения конского состава был предметом обсуждения на заседаниях войсковых комитетов и Советов. В частности, неоднократно этот вопрос стоял в повестке дня ВРК 15-го армейского корпуса, на одном из заседаний которого было принято решение о создании в дивизиях специальных пунктов для ветеринарного осмотра животных и

⁴³⁹ РГВИА. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 155; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 118.

⁴⁴⁰ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 179.

⁴⁴¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1607. Л. 566.

⁴⁴² Там же. Оп. 5. Д. 8. Л. 59.

⁴⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 1564. Л. 403.

последующей передаче наиболее слабых из них через волостные комитеты местным крестьянам⁴⁴⁴. О немедленном назначении комиссии по передаче отошавших, не способных к работе в транспорте лошадей нуждавшемуся населению ходатайствовал пред ВРК 3-й армии Военно-революционный комитет 75-го транспорта 15-го обозного батальона⁴⁴⁵. Подобные ходатайства поступали в адрес ВРК 2-й армии.

Принимая решения о передаче не пригодных к службе лошадей местным жителям, штабы и ВРК были озабочены тем, чтобы в ближайших к местам дислокации войск местностях не создавался их избыток, что могло бы, по их мнению, привести к спекуляции. Так, дежурный генерал 2-й армии, предоставляя ветеринарным комитетам частей, не входивших в состав корпусов, право передачи лошадей, сообщал им об «общем требовании», «чтобы число передающихся лошадей не превышало действительной нужды населения, во избежание какой-либо эксплуатации (спекуляции. – М. С.)»⁴⁴⁶. Он предписывал «проводить эту меру не как средство избавления частей от ненужных лошадей, а как первую помощь для восстановления разоренных хозяйств местных крестьян», и требовал, чтобы передача лошадей осуществлялась «исключительно через волостные местные крестьянские Советы бесплатно, не допуская никакой купли или продажи»⁴⁴⁷.

С целью равномерного рассредоточения лошадей в крестьянских хозяйствах штабы и военно-революционные комитеты принимали решение наиболее слабых из них передавать местным крестьянским комитетам, более сильных, «способных совершать переход», предписывали отправлять в отдаленные от фронта районы Беларуси или железнодорожным транспортом – в центральные губернии России. Такое решение было принято на заседании ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии. Слабосильные лошади со 2-го Кавказского корпуса 10-й армии были отправлены эшелонам со станции Пруды в Орловскую губернию, 1-го Сибирского стрелкового корпуса отправлялись со станции Пруды до станции Толочин⁴⁴⁸. «В самом спешном порядке отдать распоряжение о предоставлении прав начальникам станций совместно с ревкомами использовать весь имеющийся в их распоряжении порожняк для погрузки военного имущества, в особенности лошадей», – требовали ВРК и командующий 38-го армейского корпуса в телеграмме в Военно-революционный комитет 10-й армии⁴⁴⁹.

В связи с ускоренным процессом демобилизации, сокращением и расформированием частей и подразделений возникли проблемы с многочисленным вооружением и войсковым имуществом. Уже в середине декабря 1917 г. начальник штаба 10-й армии Суворов своей телеграммой ставил в известность командиров корпусов, начальников отделов и Военно-революционный комитет 10-й армии, что, «по заявлению начальника артиллерийского снабжения Западного фронта, войсковые части массами и без всякого порядка сдают всякого рода огнестрельные припасы, предметы материальной части и оружие, не считаясь с тем, могут

⁴⁴⁴ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 177.

⁴⁴⁵ Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 28. Л. 103.

⁴⁴⁶ Там же. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 11. Л. 132.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 141, 145, 179.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 150.

ли передовые армейские запасы и местные парки принять это имущество, и бросают его на произвол судьбы, лишая тем возможности произвести какую-либо, хотя бы поверхностную приемку». От имени командующего армией он требовал принять срочные меры к упорядочению этого вопроса⁴⁵⁰.

К началу 1918 г. положение войск Западного фронта еще более ухудшилось. Продовольственно-фуражный кризис в войсках, вести об экономической разрухе в стране окончательно подорвали моральный дух солдат. Например, пленарное заседание полкового Совета 32-го Сибирского полка, заслушав своего делегата о посещении им Ставки Верховного главнокомандующего и Центрального комитета действующих армий и флотов (ЦЕКОДАРФ) с целью выяснить положение дел на фронте и в тылу, пришло к заключению, что «страшный продовольственный призрак вносит дезорганизацию в ряды армии», что «армия не сегодня-завтра, гонимая голодом и холодом, двинется неорганизованной бандой в тыл, все уничтожая и сокрушая на своем пути» и что «не будет той авторитетной силы, которая бы остановила это бегство, кроме пули и штыка». Чтобы не допустить этого, полковой Совет требовал «систематической разгрузки армии» путем демобилизации солдат «не менее двух годов призыва в неделю»⁴⁵¹.

Такая характеристика состояния армий Западного фронта была близка к истине. Уже в декабре оставила свои позиции 5-я пехотная дивизия 2-й армии, требовала немедленной смены с позиций 67-я пехотная дивизия 3-й армии, предупреждали о своем уходе с позиции и требовали смены многие части и подразделения фронта. Под давлением требований солдат и низовых войсковых комитетов продолжалась ускоренная демобилизация. В конце декабря 1917 г. было начато увольнение солдат 1902 года призыва, с 10 января 1918 г. увольнялись солдаты 1903 и 1904 годов призыва, с 22 января было объявлено об увольнении солдат 1906 года призыва, с 25 января – 1907 года⁴⁵². Во многих случаях демобилизуемые и под их давлением низовые войсковые Советы продолжали требовать увольнения солдат домой с оружием. Например, полковой Совет 32-го Сибирского полка, приняв решение «совершать систематическую разгрузку армии, посредством увольнения не менее двух годов (по срокам призыва) в неделю», постановил «увольнять всех с оружием в руках и довести об этом до сведения всех вышестоящих инстанций – от дивизионного Совета до ЦЕКОДАРФ включительно»⁴⁵³.

Верховные военные органы и штаб Западного фронта на все эти требования отвечали неоднократным отказом. Главкозап и начальник демобилизационного отдела Западного фронта в телеграмме командующим армиями и армейским военно-революционным комитетам напоминали о том, что «увольняемые солдаты подлежат отпуску на родину без оружия, оставляя таковое в своих частях», и предписывали «все оружие, просмотренное, смазанное и укупоренное в частях, сдавать в артиллерийские фронтовые склады»⁴⁵⁴.

Однако в условиях форсированной демобилизации солдат, сокращений и

⁴⁵⁰ Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 46.

⁴⁵¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 82.

⁴⁵² Там же. Д. 21. Л. 197; Оп. 1. Д. 1570. Л. 104.

⁴⁵³ Там же. Оп. 5. Д. 8. Л. 82.

⁴⁵⁴ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 2. Д. 2. Л. 147; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1570. Л. 317.

расформирований многих подразделений и команд артиллерийские фронтовые склады не в состоянии были принять и разместить все подлежащее сдаче войсками вооружение и снаряжение. Для обеспечения приемки войскового имущества командующие армиями распорядились использовать корпусные склады, как наиболее близко расположенные от станций железных дорог. В частности, во 2-й армии такими пунктами являлись: для 3-го Сибирского корпуса – станции Осиповщина, Столбцы и Негорелое; гренадерского – станции Погорельцы, Хвоево и Замирье; 9-го армейского – станции Орда, Начь, Синявка, Ганцевичи и 50-го корпуса станции Мальковичи, Люща и Луинец⁴⁵⁵. В районе дислокации частей и соединений 3-й армии в середине января 1918 г. открывались склады для войскового имущества – временные в Кривичах, Будславе и Сеславино, постоянные – в Полоцке и дополнительные в районе станций Ловша и Сиротино⁴⁵⁶. Все сдаваемое имущество предписывалось принимать по описям, и специально выделенными дружинами сортировать его по видам.

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации солдат, частичного отвода полков и подразделений в глубокий тыл с целью разгрузки фронта и их последующего расформирования, увольнения старослужащих в трехмесячный отпуск и дезертирства Западный фронт был окончательно обескровлен. Уже в середине декабря 1917 г. на участке фронта, занимаемом 10-й армией, приходилось на одну версту от 70 штыков в 73-й пехотной дивизии до 140 штыков в 5-й стрелковой дивизии. В начале января 1918 г. на всей линии Западного фронта протяженностью в 450 верст, по сообщению начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича в Совнарком о состоянии действующей армии, «по сильно преувеличенным данным» насчитывалось не более 150 тыс. штыков⁴⁵⁷. К началу февраля 1918 г. на участке фронта, занимаемом 69-й пехотной дивизией, позиции охраняли одни сторожевые посты⁴⁵⁸. Таким было положение на многих участках Западного фронта.

Советское командование понимало, что на части старой армии надеяться нельзя. Почти четырехлетняя война, разруха и голод, огромная усталость сказались на моральном состоянии и боеспособности войск. Большевики делали попытки удержать солдат на фронте до заключения мира, но остановить процесс распада старой армии было уже невозможно. Приступив к постепенной ее демобилизации, Совнарком и верховные военные органы разрабатывали организационные принципы создания новой армии, которые были утверждены 22 декабря 1917 г. на заседании образованной при Наркомате Всероссийской коллегии по формированию новой, социалистической армии. Было принято решение комплектовать ее на добровольных началах из наиболее сознательной части рабочих, крестьян и солдат старой армии. Работа по созданию отрядов социалистической армии возлагалась на войсковые и местные Советы, в помощь которым были направлены члены специально созданной комиссии при Военной организации большевистского ЦК, совместно с его агитаторами. Все эти меры по созданию новой армии были одобрены Общеармейским съездом, состоявшимся в Петрограде с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., и от имени Наркомата по военным делам опубликованы в печати в виде

⁴⁵⁵ Там же. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 12. Л. 204.

⁴⁵⁶ Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 21. Л. 190.

⁴⁵⁷ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 350.

⁴⁵⁸ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 89.

«Положений об организации социалистической армии». 25 декабря в войска телеграфно был передан приказ главковерха Н. В. Крыленко о создании новой армии⁴⁵⁹.

Вопрос о создании новой армии стоял и перед военным руководством Западного фронта. По рассмотрении его на совещании представителей частей армий фронта, состоявшемся 29–30 декабря 1917 г. в Минске, было принято постановление с проектом формирования революционных частей новой армии. В последнем были определены порядок формирования, структура, численный состав и материальное обеспечение частей. Отдавая приказ войскам фронта о реорганизации старой армии, главкозап А. Ф. Мясников признал проект Западно-фронтового совещания формирования революционных частей согласным с приказом Верховного главнокомандующего, призвал руководствоваться им, «скорее строить ряды новой Красной армии»⁴⁶⁰.

Вопрос о создании «народной социалистической гвардии» широко обсуждался на заседаниях войсковых Советов частей и соединений фронта и, как правило, получал поддержку. В частях и подразделениях организовывалась запись добровольцев. Однако по причине того, что фронтовые части и соединения к этому времени были сильно обескровлены демобилизацией, расформированиями, отводом многих частей в тыл, а также дезертирством, число вступивших в формирования новой армии было незначительным. Например, ВРК 24-го пехотного Симбирского полка, обсудив вопрос о формировании Красной гвардии в полку, принял решение поручить президиуму ВРК «сформировать команду Красной гвардии из солдат рот и команд численностью 8 человек»⁴⁶¹.

Следует отметить, что были и другие примеры, когда полки принимали решение о вступлении в социалистическую гвардию всем составом: 5-й гренадерский Киевский, 8-й гренадерский Московский, 19-й пехотный Костромской, 60-й Сибирский, 266-й пехотный Пореченский полки. Однако численность каждого из них осталась не более 200–250 штыков. Всего же к середине февраля 1918 г. в армиях Западного фронта в народно-социалистическую армию записалось около 5 тысяч человек⁴⁶².

Для демобилизации старой армии и создания новой требовались время и необходимые благоприятные экономические и военно-политические условия. Ни для одного из этих процессов таких условий не было. В условиях войны, экономической разрухи и острой классовой борьбы в стране большевики, почти распустив старую армию, не успели создать новой. Страна оказалась почти беззащитной перед угрозой нового германского вторжения.

Несмотря на это демобилизация старой армии продолжалась. В январе 1918 г. было начато расформирование запасных частей и соединений Западного фронта. 20 января главкозап А. Ф. Мясников отдал приказ расформировать 25 запасных полков, три запасных артиллерийских дивизиона, управление инспектора запасных войск фронта и управления пяти пехотных запасных бригад⁴⁶³. Продолжались усиленная демобилизация фронта,

⁴⁵⁹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 309–311.

⁴⁶⁰ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 4. Л. 12.

⁴⁶¹ Там же. Ф. 2213. Оп. 5. Д. 8. Л. 14.

⁴⁶² 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 28.

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 43. Л. 195.

расформирование частей и соединений. В то же время почти все имущество фронта было сконцентрировано у крупных железнодорожных узлов. Вывоз вооружения и войскового имущества затягивался и при наступлении германских войск в феврале 1918 г. добрая половина его попала в руки врага.

Глубокое и внимательное изучение материалов того времени позволяет сделать вывод, что в сложившейся ситуации большевистское руководство рассчитывало на заключение сепаративного мира с Германией «на любых условиях» и на «пожар мировой революции». Для большевиков важнее был внутренний фронт борьбы за власть. И этим объясняется в сложнейших для фронта условиях снятие и отправка с Западного фронта в декабре 1917 г. – январе 1918 г. на фронты гражданской войны около 15 наиболее крепких полков пехоты и трех артиллерийских бригад.

Еще в начале января 1918 г. штабы армий и фронта, видя полную небоеспособность Западного фронта, поставили перед Ставкой Верховного главнокомандующего вопрос о необходимости быстрой его ликвидации с перемещением оставшихся частей, управлений и военных учреждений, со всем имуществом, за естественный рубеж – за реку Березину по линии Псков – Полоцк – Борисов – Бобруйск – Речица, а штаба фронта из Минска в Смоленск. В конце января этот вопрос обсуждался на совещании Ставки Верховного главнокомандующего с представителями от всех фронтов. Однако решение по вопросу было отрицательным.

В ходе брест-литовских переговоров уже к 7 января стало ясно, что германское правительство не желало заключения мира на справедливых условиях. Оно отказалось принять условия советской мирной делегации и предъявило захватнические требования. Л. Д. Троцкий, возглавлявший советскую делегацию, отказался принять ультимативные условия немецкой стороны, заявив в то же время, что Советская страна вести войну не будет и продолжает демобилизацию армии. Такое поведение Троцкого было использовано немцами для возобновления военных действий.

Германские войска активно готовились к наступлению: ремонтировались подъездные к линии фронта железнодорожные пути, подтягивались свежие силы. Все это не осталось незамеченным для русских войск. Более того, немецкие солдаты и офицеры, установившие за время перемирия приятельские отношения с солдатами и офицерами русской армии, накануне наступления услужливо предупреждали последних о готовившейся на 18 февраля операции и просили их не приходить больше в немецкие окопы и уходить с занимаемых позиций⁴⁶⁴.

Об этих и других фактах, свидетельствовавших о намерениях противника, неоднократно с тревогой сообщалось из штабов корпусов в армейские штабы, а из последних – в штаб главнокомандующего Западным фронтом. Одновременно в донесениях командиры корпусов и председатели корпусных Советов просили указаний об отводе войск в тыл, так как имевшимися в их распоряжении совсем незначительными силами, по их мнению, не было смысла оказывать сопротивление во много раз превосходящему по численности и вооружению противнику. Кроме того, они запрашивали указаний как поступить со сосредоточенным на складах имуществом, а также архивами штабов и денежными суммами, уведомляя, что «получить вагоны на вывоз хотя бы более ценного нет никакой надежды»⁴⁶⁵.

Штаб Западного фронта с ответом явно медлил. Например, командующий 10-й армией уже накануне начала вторжения германских войск, 17 февраля, вынужден был «вторично»

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 90, 93–94.

⁴⁶⁵ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 95.

телеграфно запросить о «скорейших», «вполне определенных указаниях: как поступить войскам в случае наступления немцев». При этом командарм предупреждал, что «промедление и неточность в указаниях могут повлечь ненужное кровопролитие»⁴⁶⁶. Чтобы успокоить командарма, начальник штаба Западного фронта полковник Н. В. Сологуб в тот же день, поздно вечером телеграфировал в штаб 10-й армии, что «ввиду близкого срока окончания перемирия главнокомандующим будут даны не позже утра 18 февраля исчерпывающие указания о дальнейших действиях войск»⁴⁶⁷.

Лишь 18 февраля 1918 г. под грифом «Весьма срочно. Очень секретно» главкозап А. Ф. Мясников со ссылкой на постановление Западно-фронтового совещания (состоялось 14–15 февраля) и указания Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко телеграфно просил командующих армиями «в срочном порядке» оповестить войска о том, что «в случае нападения немцев оказывать сопротивление в виде партизанских вылазок», в «последнюю минуту вооружить все надежное местное население», «эвакуировать казначейскую наличность и самое необходимое штабное имущество 2-й и 10-й армиям в Минск, 3-й в Витебск, а оттуда по его особому указанию в Смоленск. Остальное имущество и пути сообщения уничтожить»⁴⁶⁸.

Факты говорят о том, что такое распоряжение было отдано А. Ф. Мясниковым самолично, не совещаясь с военными специалистами штабов армий и фронта, которые, кстати, не разделяли такого порядка действий. Вот что говорил об этом в переговорах с начальником штаба Западного фронта Н. В. Сологубом начальник штаба 10-й армии К. И. Рыльский – бывший полковник старой армии: «Мясников дал «вполне самостоятельно» указания, которые с военной точки зрения вызывают полное недоумение, а по идее резко расходятся с торжественными заявлениями народных комиссаров, главковерха и главкозапа о том, что мы больше не воюем. Первый же выстрел с нашей стороны развязал бы руки немцам и упростил их юридическое положение, а предложение вооружить жителей для партизанских действий навлекло бы только на них жестокую расправу неприятеля. Одним словом, наше вооруженное сопротивление ничего бы нам не дало, кроме напрасной крови..., а имущество и территорию все равно бы потеряли. Не лучше ли попытаться что-нибудь выговорить путем переговоров? Спасем хоть что-нибудь»⁴⁶⁹.

Полностью согласившись с ним начальник штаба Западного фронта Н. В. Сологуб ответил, что еще за три дня до наступления противника он предлагал главкозапу А. Ф. Мясникову «подписать директиву, указывавшую армиям определенный способ действий, сводившийся к отводу, не ввязываясь в какой-либо бой». Однако такое предложение Мясниковым было отвергнуто, как «не отвечающее обстановке»⁴⁷⁰.

Кроме того, распоряжение А. Ф. Мясникова об оказании сопротивления германским войскам было запоздалым. Оно было передано в войска в день начала наступления противника. К этому времени на фронте, не дождавшись указаний, командующие армиями стали действовать по своему усмотрению. Например, начальник штаба 10-й армии К. И. Рыльский от

⁴⁶⁶ Там же. Л. 87.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 91.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 92.

⁴⁶⁹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 117.

⁴⁷⁰ Там же.

имени командующего армией в телеграмме всем командирам корпусов и начальникам дивизий утром 18 февраля подтверждал, что в случае наступления немцев «вооруженного сопротивления не применять, ввиду объявленного прекращения военных действий. Войскам необходимо спокойно оставаться на местах, а штабам немедленно сообщить штабу армии и предложить немцам войти в переговоры со штабом армии для объяснения цели их движения»⁴⁷¹.

18 февраля 1918 г., нарушив условия перемирия, германские войска перешли в наступление на широком фронте от Рижского залива до устья Дуная. На Западном фронте в этот день действия противника начались ранним утром открытием артиллерийского огня и выступлением конных и пеших разведывательных отрядов, а также разведывательными полетами аэропланов. Под влиянием артстрельбы и полетов авиации противника, при отсутствии необходимых сил для его отражения в занимавших позицию войсках начались паника и их беспорядочное отступление⁴⁷². В первые же часы штабы армий и фронта потеряли управление войсками. Была нарушена связь между корпусами.

В результате неорганизованного отступления части и соединения Западного фронта понесли большие потери в вооружении, войсковом имуществе и личном составе. Не имевшие для передвижения средств, многие штабы остались на месте и были захвачены противником. В тылах противника остались штаб 2-й армии с подведомственными ему учреждениями, гренадерский и 9-й армейский корпуса, части и соединения 3-го Сибирского и 50-го армейского корпусов 2-й армии; 38-й и наполовину 3-й армейские корпуса 10-й армии; штаб 35-го армейского корпуса 3-й армии, другие соединения и части. Кроме того, противнику достались огромные склады дорогостоящего вооружения и войскового имущества, сосредоточенные на железнодорожных станциях для вывозки в глубокий тыл, но не эвакуированные из-за полной дезорганизации железнодорожного движения и развала транспортных средств.

За несколько дней германские войска, фактически не встречая сопротивления, захватили значительную территорию. В ночь с 19 на 20 февраля 1918 г. штаб Западного фронта был эвакуирован в Смоленск. 21 февраля большевики покинули Минск. В этот же день сюда прибыл первый эшелон германских войск, а до конца февраля немцы оккупировали Могилев, Полоцк, Гомель, угрожали Витебску, Орше и другим городам и местечкам Беларуси.

23 февраля 1918 г. главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников отдал приказ о мобилизации всех годных к строевой службе мужчин для отпора наступающему противнику и задержания его на линии Витебск – Орша – Могилев – Гомель. Советские органы власти не оккупированной части Беларуси заявили о готовности защищать революцию, приступили к спешному формированию из добровольцев рабочих и крестьян частей и подразделений Красной Армии. Уже к 22 февраля в Могилеве добровольцами записалось 2 тысячи рабочих, крестьян, из которых был сформирован полк Красной Армии и несколько других подразделений. В Витебской губернии количество добровольцев составило около 5 тысяч человек. В самом Витебске были созданы и вооружены 4 батальона. Формировались также полк имени Облискомзапа, 1-й и 2-й Гомельские красногвардейские батальоны, Оршанский конный дивизион и другие подразделения⁴⁷³.

⁴⁷¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 88.

⁴⁷² Там же. Л. 110.

⁴⁷³ Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. Т. 3. С. 101.

Благодаря предпринятым мерам было организовано сопротивление германским войскам. На отдельных участках их продвижение было приостановлено. На центральном направлении путь врагу преградили Витебский, Могилевский и Оршанский отряды. Витебск и Оршу обороняли революционные части правого фланга Западного фронта. Германские войска были остановлены на рубеже Невель – Витебск – Орша. На линии Могилев – Быхов – Рогачев активно действовали части Красной Армии и красногвардейские отряды под командованием Чердынцева, в районе между Бобруйском и Жлобином – 3-я бригада латышских стрелков, на левом фланге – части 1-й и 2-й революционных армий Западного фронта. Подступы к Гомелю обороняли 1-й и 2-й Гомельские батальоны, 1-й и 2-й Клинецовские, Унечский и Московский боевые отряды. В боях под Речицей сражался отряд гомельских железнодорожников. Стойко обороняли станцию Красный Берег красноармейцы батальона Павлова. В борьбе с врагом мужество и отвагу проявили революционный отряд под командованием Г. В. Зиновьева, 8-й гренадерский Московский, 60-й Сибирский стрелковый, 266-й пехотный Пореченский и другие революционные полки, а также красногвардейские отряды И. Н. Антоненко, Б. С. Горбачева, И. Ф. Шубина⁴⁷⁴.

Наступление германских войск и боевые действия против них были прекращены подписанием 3 марта 1918 г. советско-германского договора в Бресте.

Февральское 1918 года наступление германских войск явилось новой трагедией для Беларуси. В течение нескольких дней огромная ее территория была оккупирована неприятелем и подвергнута новому разграблению. Главной причиной трагедии на этом этапе явились межпартийная борьба за власть, политизация и демократизация войсковой жизни, приведшие к окончательному разложению армии и поставившие страну в условиях продолжавшейся мировой войны на грань военной катастрофы.

В это трагичное для России время старая русская армия «доживала» свои последние дни. 24 марта штаб Западного фронта из Смоленска был перемещен в Тамбов, где 12 апреля 1918 г. был расформирован. Западный фронт старого состава прекратил свое существование. Огромными усилиями рабочих и крестьян, революционно настроенных солдат и офицеров старой армии под руководством большевиков спешно создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Уроки истории учат, что при любом политическом и государственном строе армия не должна являться орудием в руках политиков в борьбе за власть. Она должна оставаться верной присяге и быть готовой выполнить свое главное предназначение – защитить Отечество от внешнего врага.

Заключение

Армия любого государства является отражением того общества, из недр которого она вышла и, следовательно, несет на себе как позитивное, так и негативное – «болячки» этого общества. Такое свойство особенно характерно для русской армии периода Первой мировой войны.

Вступление России в эпоху империализма, подготовка к мировой войне, а затем участие в ней заставили господствующие классы империи создать многомиллионную армию, состоявшую в основном из безграмотных крестьян и рабочих. Создав огромную армию, правящие круги, по

⁴⁷⁴ Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. Т. 3. С. 101–102.

причине экономической и военно-технической отсталости страны, не смогли ее в полной мере и должным образом вооружить и снарядить. В казарме, как и в стране в целом, господствовали полукрепостнические порядки и пережитки.

Противоречия между социальным составом войск, интересами солдат, с одной стороны, и командно-офицерского состава – с другой являлись объективными причинами, приведшими русскую армию к разложению.

Мировая война, целый ряд поражений в ней, которые понесли русские войска, внутриполитические события в России явились субъективными причинами, ускорившими процесс разложения русской армии, который произошел в три этапа.

Первый этап процесса разложения стал проявляться уже через несколько месяцев после вступления России в Первую мировую войну, когда войска стали испытывать острый недостаток вооружения и снарядов (позже продовольствия и фуража), когда по этой причине, а также из-за слабой организации и плохого управления войска терпели одно поражение за другим, несли огромные потери и отходили, уступая противнику территории. Все это, а также зависимость царизма от союзников, в угоду которым солдаты русской армии не один раз в ходе войны проливали кровь, отдавали свои жизни, вызвало недовольство и брожение в войсках, падение их морально-политического и боевого духа, особенно проявившихся в стихийных формах – неповиновении солдат командирам, массовой сдаче в плен и дезертирстве. В итоге армия стала мощной оппозицией самодержавию и в дни Февральской буржуазно-демократической революции перешла на сторону восставшего народа.

Мощным социальным потрясением для армии явилась Февральская революция. Введение в армейскую жизнь демократических начал и политических свобод в условиях войны, при низком образовательном и общекультурном уровне солдат, взгляд на взаимоотношения между начальником и подчиненными с классовых позиций подрывали дисциплину и боеспособность войск, способствовали разложению армии.

Уже сам факт создания двоевластия в стране в первые же дни победы Февральской революции явился дестабилизирующим фактором в обществе и, особенно, в войсках, где по примеру образовавшихся Петроградского, Московского, Минского и других Советов рабочих депутатов стали создаваться солдатские Советы и комитеты.

Политические силы, под давлением которых в войсках были созданы солдатские комитеты и Советы, с самого начала преследовали цель разложить старую армию как опору самодержавного строя в прошлом, чтобы не допустить реставрации последнего.

Верховное командование, не сумев противостоять начавшемуся процессу создания войсковых комитетов, маневрировало, само пошло на их создание, пыталось использовать комитеты в целях укрепления дисциплины в войсках, повышения боеготовности. Однако эта цель не была достигнута. Комитеты, особенно нижнего звена, на протяжении всей своей деятельности вели борьбу с командным составом за расширение своих прав вплоть до введения выборного начала в войсках и участия в оперативно-боевом управлении войсками. В конечном счете комитеты явились основным фактором подрыва единоначалия командного состава.

Мощным средством разложения русской армии явилась межпартийная борьба за власть. Отчетливо понимая, какую роль в этой борьбе будет играть армия, вышедшие из подполья меньшевики, энесы, эсеры, большевики, национальные партии развернули бурную политическую и идеологическую пропаганду в войсках. Взяв за основу своей деятельности в войсках пропаганду наиболее злободневных вопросов войны и мира, земли и свободы, других социальных вопросов, каждая из политических партий через призму своей программы доводила до солдат пути и способы их решения. Армия, таким образом, превратилась в полигон межпартийной борьбы за войско.

В начале второго этапа самым популярным в войсках Западного фронта был пропагандируемый меньшевиками и эсерами лозунг оборонительной войны – войны в защиту революции и свободы. Временное правительство, Верховное командование и командование фронта сделали ставку на использование угара революционного оборончества в наступательных целях. Однако как только вопрос продолжения войны стал переходить из теоретической плоскости в практическую, возникли сложности: уже при подготовке к летнему наступлению солдаты отказывались от оборудования старых и строительства новых позиций, а когда был отдан приказ о наступлении, то целые части и даже отдельные дивизии оказались непригодными, чтобы выполнить этот приказ, по причине нежелания солдат воевать.

Политизация армейской жизни, межпартийная борьба за влияние на солдат способствовали падению дисциплины в войсках и их боеготовности, росту антивоенных настроений. Принадлежность агитаторов и пропагандистов к различным партиям, их разные, часто диаметрально противоположные политические взгляды, неадекватное видение решения проблем государственного устройства, проведения политической, экономической и военной реформ будоражили войска, раскалывали их по социально-классовому принципу, что вело к поляризации политических сил, к их конфронтации.

Попытки Временного правительства и Верховного командования восстановить дисциплину в войсках, остановить процесс дальнейшего разложения армии путем применения жестких мер, вплоть до применения смертной казни, успеха не имели. Недовольство в войсках все нарастало и по принципу цепной реакции перебрасывалось на новые, по мнению командования более благонадежные части и подразделения.

Еще больше подхлестнула развитие процесса разложения армии попытка военных верхов во главе с генералом Л. Г. Корниловым путем контрреволюционного заговора установить военную диктатуру в стране. Корниловщина еще больше обострила взаимоотношения солдат с офицерами, усилила антивоенные настроения, вызвала окончательное разочарование политикой партий правительственной коалиции – кадетов, эсеров и меньшевиков. На этом фоне быстрыми темпами росло влияние большевиков, поддерживавших требования масс о доведении борьбы с корниловщиной до конца, прекращения войны, решения вопроса о земле, других социальных вопросов. В войсках, как и в стране в целом, назрела кризисная ситуация, которую большевики и использовали для взятия власти в свои руки.

Октябрьская социалистическая революция явилась новым, еще более мощным, чем Февральская революция, социальным потрясением как для страны в целом, так и для армии. После ее победы в новых условиях наступил третий этап процесса разложения старой армии.

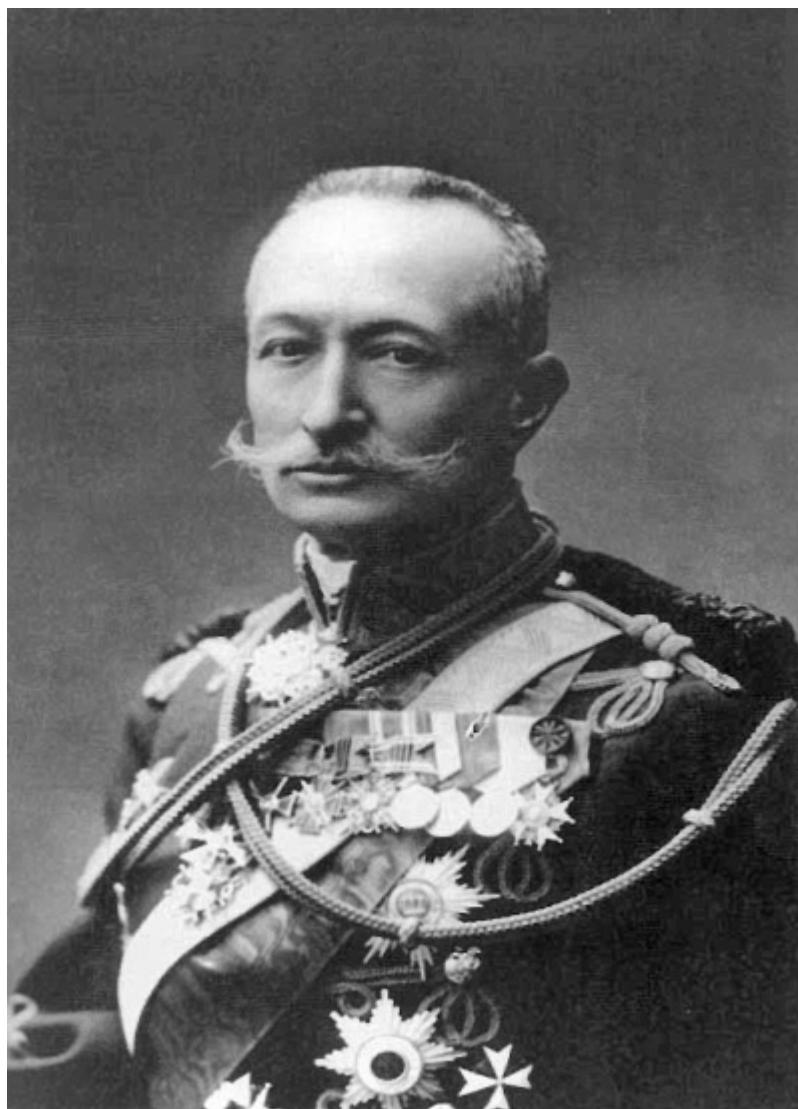
Взяв власть, большевики не могли мириться с враждебно настроенным к ним командно-офицерским составом старой армии, сформированными в ее недрах ударными, штурмовыми и казачьими частями, развязавшими вооруженное выступление против советской власти. Большевики и созданный ими Совнарком приняли решение завершить слом старой армии путем ее полной демократизации и постепенной демобилизации.

Демократизация старой армии была проведена быстрыми темпами. В ее ходе старый командный состав был полностью отстранен от управления войсками и в начале заменен новым, из политически благонадежных для советской власти младших офицеров и солдат, выбранных на собраниях и заседаниях войсковых комитетов, а затем вообще заменен коллегиальными органами управления войсками – революционными Советами. К концу 1917 – началу 1918 г. демократизация армий Западного фронта была полностью завершена. Главная цель, которую преследовали большевики, – демократизацией вырвать армию из рук старого командования, не дать ему использовать вооруженные силы против советской власти, была ими достигнута.

Одновременно с процессом демократизации армии был осуществлен процесс ее демобилизации. В результате к февралю 1918 г. старая русская армия была почти полностью разрушена. Советское правительство, демобилизовывая старую армию, не успело создать новой армии. Страна, по сути дела, оказалась незащищенной перед новым вторжением германских войск, которые, смяв сторожевые посты, прорвали фронт и, не встретив почти никакого сопротивления, за несколько дней оккупировали почти всю территорию Беларуси. В конце марта – начале апреля 1918 г. старая армия прекратила свое существование. На смену ей большевистское руководство страны спешно создавало новую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Царь Николай II,
Верховный главнокомандующий с июля 1915 г. по 2 марта 1917 г.

А. А. Брусилов,
Верховный главнокомандующий с середины мая по вторую половину июля 1917 г.

В. И. Ромейко-Гурко, главнокомандующий
армиями Западного фронта с 31 марта по 23 мая 1917 г.

П. С. Балуев, главнокомандующий Западным фронтом с 5 августа по 12 ноября 1917 г.

А. И. Деникин,
главнокомандующий армиями Западного фронта с мая по июль 1917 г.

А. Ф. Мясников,
главнокомандующий Западным фронтом с 25 ноября 1917 г. по март 1918 г.

П. А. Лечицкий,
командующий 9-й армией с 9 августа 1914 г. по 18 апреля 1917 г.

П. Н. Ломновский,
командующий 10-й армией с 12 июля по август 1917 г.

Пулеметная команда 303-го Сенненского полка в районе Гродно. 1914 г.

Офицеры 20-го Галицкого полка и отец Николай. 1915 г.

Музыканты 112-го пехотного Уральского полка. 1916 г.

Вид костела (западная сторона) в Сморгони после военных действий. Апрель 1917 г.

Группа писарей полковой канцелярии 530-го пехотного Василь-Сурского полка во главе с адъютантом. Август 1917 г.

Приложение

Письмо прапорщика 16-го гренадерского Мингрельского полка 10-й армии И. А. Кушина в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 15 марта

Дорогой товарищ! Предъявители этого письма делегаты 16 Гренадерского Мингрельского полка во главе со штабс-капитаном Кирилловым. Цель их приезда: с одной стороны – узнать непосредственно в Питере, как обстоят дела, не утаивают ли каких-либо прав и т. п.; во-вторых – получить указания на счет дальнейшей деятельности, раздобыть литературу и т. п.; в-третьих – рассказать о настроениях и стремлениях фронта. Направляю их снова к вам, ибо не знаю, к кому в Совет рабочих депутатов надо обращаться в подобных случаях. Надеюсь, что вы их направите куда следует.

С товарищеским приветом И. Кушин

Дорогой товарищ! Одновременно с этим письмом пересылаю Вам «официальное» письмо, с которым к Вам явится делегация нашего 16-го Гренадерского Мингрельского полка. Во главе ее стоит штабс-капитан Кириллов, но хотя он и стоит во главе, он ни черта не понимает ни в каких политических делах и выдвинулся вперед лишь благодаря грубейшему демагогическому заигрыванию перед солдатами, заигрыванию, не имеющему даже политической школы. Солдаты здесь примитивны, политический смысл происшедшего им не достаточно (а пожалуй, и хотят) не ясен. Неопределенная радость по случаю «свободы», смешивается с надеждами на то, что перестанут кормить чечевицей, дадут всем целые сапоги и т. п. Но жадность к политическим вопросам очень велика, и нетребовательная аудитория приходит в восторг от всякого меткого словца по адресу Николая, при любом упоминании слова «республика» и т. п. И эту жадность некому удовлетворить; офицерство не только абсолютно невежественно, оно скрыто враждебно относится к таким вещам, как предоставление солдатам политических прав и т. п., особенно офицерство высшее, начиная со штабс-офицеров. Воображаю, что чувствуют генералы.

Были случаи, когда солдаты угрожали штыками кое-кому из офицеров и т. п. недоразумения. Конечно офицерство теперь не может сопротивляться действиям солдат, сознавших свою силу. У нас явочным порядком возникают советы солдатских депутатов, которые в своей деятельности далеко выходят за рамки, отведенные для частных организаций, и являются фактически официальным учреждением, обладающим известной долей власти. Меня интересует, насколько Вы находите это желательным и чем объясняется указание последнего воззвания Совета рабочих депутатов (по соглашению с Гучковым), что приказы № 1 и 2 относятся лишь к Петрограду? Нежеланием ли на основании оценки общего положения, чтобы у нас это делалось явочным порядком или у Вас просто не знают, насколько бессилён кто бы то ни было воспрепятствовать созданию таких организаций, если их захотят создавать.

Далее, меня интересует, какую позицию решено занять по отношению к войне (не по существу, конечно, – это для меня было и есть ясно...). Но решено ли это выставить как лозунг момента или этот вопрос пока откладывается, вроде экономических требований. Я здесь не решаюсь выступать с речами на эти темы, видя, что я сразу отпугну слушателей вовсе, тогда как «распропагандировав» их независимо от вопроса о войне, я создам почву и для подхода к этому вопросу. С другой стороны, этот вопрос фактически ставится уже жизнью, читаются статьи, из которых узнают, что существует лозунг «Долой войну!» и т. п. Много речей произносится на ту тему, что революция – средство победы (и это создало много адептов ее среди офицеров). Уклонение от постановки вопроса создает в таком случае очень фальшивое положение. На этот вопрос мне хотелось бы получить ответ поскорее.

Каковы сейчас отношения у нас с большевиками и каковы с потресовцами? С последними может быть блок, но партийное объединение я скорее допускаю с большевиками, как бы ни были велики разногласия.

Необходимо создание социал-демократических организаций, необходима литература, «директивы» и т. д. ... Я просил бы Вас ответить мне письмом.

Чрезвычайно меня поразило, что В. Абросимов – провокатор. Я мельком слышал и раньше намеки, но они исходили от большевиков. И я не придавал этому значения, считая это проявлением фракционной грызни. Поразило известие и о Черномазове и Шурханове.

Я Вам надоедаю письмами, но я не знаю сейчас к кому обращаться, поэтому бомбардирую письмами Вас.

С товарищеским приветом И. Кушин

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 6–11.

Из письма солдата-отпускника В. Кравцова в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 25 апреля 1917 года

Дорогие товарищи солдаты, а главное ротные комитеты. Обращаюсь я к вам с вопросом важным по поводу комитета города Речицы Минской губернии. Я, хотя не участвовал в городе на собрании, но слышал от прочих, что какой-то Рахманов, депутат говорят из Петрограда, имеет при себе 5 человек, которые на общем собрании запрещают говорить присутствующим на собрании гражданам. Всего только разрешается говорить 5 минут, а Рахманов и его депутаты говорят сколько угодно и более всех. Так что многие в большом сомнении боялись. Я думаю, что вы, товарищи, обратите на это внимание и постараетесь узнать, выслан ли такой из Петрограда депутат с фамилией Рахманов. Он в Речице со дня революции, никуда больше не едет.

Пропаганда такая, что якобы Минский фронт совсем оставлен солдатами, т. е. поудирали с позиции, но благодаря наводнению немец не может двигаться. Минск приготовлен к эвакуации. Вот какие у нас новости. Прямо душу раздирают и нельзя верить никому, что это чушь, и потом все крестьяне опять же боятся за такие усиленные отпуска, что немца говорят не победили, а солдат распускают. Прошу ротный комитет сообщить мне по какое время я могу жить дома или по назначенное 22 мая или же ожидать первого требования, т. е. вызова меня в роту, весенние работы идут хорошо. Уже сеют ячмень и овес. Погода переменная ветреная, сухая и холодная...

У нас мужики как пуганные вороны. Рады новому правительству, но и боятся, чтобы не вернулась старая власть.

Адрес: станция Василевичи Полесской железной дороги Минской губернии село Какуевичи.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 521. Л. 11–12.

Из письма председателя ротного комитета с Западного фронта Семенова Н. С. Чхеидзе и товарищам Совета рабочих и солдатских депутатов от 27 апреля 1917 года

Сидя в окопах, читал газеты «Биржевые ведомости» и «Русское слово» и нахожу, что все

требования удовлетворили как, например, рабочих 8-часовым рабочим днем и плата мужчин 62 копейки в час, женщин – 50 копеек в час...

Но почему-то... не могу найти ни в одной газете, ни в одном приказе, что бы была удовлетворена жизнь русского солдата, который, сидя в окопах, уже три года защищал дорогую родину и русскую молодую свободу.

И его интересы совсем забыты. Очень обидно нашему русскому солдату, так что он работает не 8, а все 24 часа и просто совсем забыли и он за эти 720 часов получает себе заработок 75 копеек, почти одну копейку получает в час.

И его оставшееся семейство терпит еще большее бедствие, чем их защитник.

Почему именно?

А вот почему.

Во-первых, обратите внимание, что оставшаяся жена с 2–3 или 5 детьми, не может работать, а пользоваться пайком каким-то 2 руб. 65 копеек в месяц.

Во-вторых, тому же оставшемуся семейству приходится получать муку по 3–4 рубля за пуд, да и нужны еще дрова для отопления квартиры, за которые приходится платить за кубическую сажень 100 и 120 рублей. Это городская жизнь и чужие же и квартиры.

Да и в деревне тоже такому оставшемуся семейству не так жидко приходится, да ведь такой получит... т. е. 2 рубля 60 копеек в месяц.

Но почему-то на это никто не обращает внимание. Не нужно товарищи забывать своих товарищей, т. е. тех защитников, которые страдают уже три года, а семейство их ничем не обеспечено.

В-третьих, а как, например, таких от товарищей офицеров оставшееся семейство пользуется какими-то усиленными пайками и квартирными деньгами, ведь они теперь защитники как и мы русские солдаты, которые получают 75 копеек в месяц, а наше семейство получает 2 рубля 65 копеек в месяц.

... Просим вас, товарищи принять наше положение во внимание, и обратить на наше оставшееся семейство.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 519. Л. 29–30.

Письмо члена коллегии ответственных ораторов Д. Михайлова с позиции 5-й дивизии в исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 мая 1917 года

Сейчас беседовал с немецким офицером в присутствии группы наших солдат и офицеров, и взаимное совещание между солдатами русскими и немецкими состоится через несколько часов.

Местные штабы дивизий корпуса и армии делают все возможное, чтобы задержать распространение взглядов, идей и постановлений Совета, поддерживают контрреволюционную агитацию. Имеются поражающие сообщения солдат об этой агитации и преступных распоряжениях высших офицеров. Назревает резня офицерства солдатами, т. к. на почве ужасных приказов из штабов усиливается рознь и недоверие солдат ко всему офицерству. В предотвращение кровопролития прошу Совет распорядиться о немедленном проведении в жизнь армии выборного начала, о предоставлении комитетам всей полноты власти в своей части.

Передовые окопы между озерами Нарочь и Вишневское. Член коллегии ответственных ораторов Д. Михайлов.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 554. Л. 71.

**Из заявления солдата 4-й роты 9-го пехотного запасного полка гражданина
Могилевской губернии Быховского уезда, Ново-Быховской волости,
деревни Комаричи И. Каржова в Петроградский Совет рабочих и
солдатских депутатов от 10 июня 1917 года**

20 мая сего года, я, побыв на родине, заметил следующий беспорядок: Быховский уезд Могилевской губернии далеко отстоит в своей деятельности на пользу революции, т. к. в уезде все бывшие начальники как-то: земские начальники, городской голова и члены земской управы, существуют поныне, получив лишь другое название, тормозят дело на благо народа. Крестьяне работают у помещиков на старых условиях, для солдатских семей не выдают бесплатных дров с помещичьих лесов, считая таковые собственностью. Не принимают никаких мер к прекращению алкоголизма и т. д. В деревне Комаричи, в которой проживает моя семья, комитет избран из людей старых слуг помещиков, которые занимаются провокационной деятельностью: безземельных наделяют землей, отчисляя таковую от семей тех солдат, которые в настоящее время находятся в действующей армии. Солдатка жена Ефима Мороза берет в акцизном управлении талоны на спирт и распивает вместе с членами Комаричского комитета, люди, по приговору Комаричского комитета сажаются в грязные и сырые бани, в которых невыносимо просидеть даже суток, но таковые сажаются на 5–10 суток... Упомянутый комитет деревни Комаричи не принимает никаких мер против дезертиров. Все такие беспорядки происходят ввиду отсутствия полезных работников.

Покорнейше прошу Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов командировать членов в упомянутый уезд... для правильной агитации на пользу родины, ибо мы все молодые находимся от семьи далеко, что в последствии может вызвать печальный эксцесс по приезду солдат домой, которые не согласятся жить под игом помещиков.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 556. Л. 52.

Обращение группы солдат к Петроградскому Совету рабочих и солдат

Многоуважаемый и доверчивый совет, разве наше теперешнее отступление и неподчинение солдат и неисполнение своего долга не ясно было раньше? И разве дело не более запутано, как до 18 июня? И разве после таких больших жертв не можно предполагать, что опять придется зимовать в окопах? Обратите внимание на эти вопросы.

С почтением группа раненых солдат в последних боях.

Желаем вам всего хорошего.

Полоцк, 16 июля 1917 г.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 526. Л. 3.

**Обращение солдат 17-й Сибирской стрелковой дивизии к В. И. Ленину и
большевикам**

Просьба с Западного фронта.

Товарищи социал-демократы! Во-первых будем просить всенародного защитника Ленина поместить нашу единодушную с вами речь в вашу справедливую, издаваемую вами газету «Правду», которую мы читаем. Уразумеем, действительно есть у нас защитники нашей жизни и наших интересов. Единодушный товарищ Ленин прибегните к помощи нашей и не дайте нас в руки буржуйам, чтобы, которые пили раньше с нас кровь и теперь хотят тоже пить. Просим вас, товарищи большевики, бить буржуев, которые кричат войну до победы. Если вы с ними не справитесь, то позовите нас на помощь. Мы с ними расправимся. Просим вас, товарищи большевики, столкнуть министров буржуев, которые изверги рода человеческого, губители народные. Передайте военному министру Керенскому, чтобы он к нам лучше не ездил, если хочет живым быть. Товарищ Ленин, вы не подумайте, что мы приедем вас бить. Мы знаем кого бить. Мы того будем бить, кто этой войны желает, а мы ее не желаем и кричим: «Да здравствует мир и наш товарищ Ленин!»

17 Сибирская стрелковая дивизия

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 526. Л. 13.

Резолюция по вопросу о состоянии страны и армии, принятая съездом представителей комитетов частей 38-го армейского корпуса в заседании 17 июля 1917 г.

Общее собрание комитетов 38 корпуса, дивизионного, полковых и бригадных комитетов и комиссий боевого сотрудничества частей корпуса, обсудив вопрос о состоянии страны и армии в настоящий момент заявляет, что 38 армейский корпус, разделяет точку зрения центральных органов русской революционной демократии, признает: революция и страна гибнут. Внутренний фронт революционной демократии прорван анархо-большевистскими устремлениями, результатом чего явился натиск контрреволюционных сил на русскую революцию 3–5 июля, болезненный удар которого усугублен политическим дезертирством из состава Временного правительства ответственных руководителей буржуазии. Неизбежным последствием разрушения революционного фронта явился прорыв и фронта в Галиции; прорыв нанесший смертельный удар русской революционной армии, которая в последнем этапе разложения, обезумевши бежит и грабит под влиянием преступных лиц, забывши совесть и честь и оставив на произвол судьбы революцию и родину. Спасение страны и революции в этот, почти безысходный момент, восстановление революционного фронта, создание единой революционной власти, опирающейся на все живые силы страны и наделенной неограниченными полномочиями и воссоздании боеспособности разложившейся армии.

Средства должны быть исчерпаны все, и если революционная демократия признала необходимость применения крайних решительных мер вплоть до смертной казни, революционная совесть должна быть спокойна при разрешении вопроса: или революция и родина, или отдельная жизнь изменников и трусов. Но крайние революционные меры, чтобы не стать произволом и не ударить по самой революции, должны сосредотачиваться в надежных руках верных носителей демократической воли и мысли.

Верно: помощник комиссара С. Копейкин

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 70.

Из резолюции полкового комитета 23-го Низовского пехотного полка,

данной делегации в Центральный орган – Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

2. Отношение к войне.

Полк признает крайне необходимым прекратить вновь начатую кровавую бойню, которая на руку враждебной буржуазии. Проводя свои захватные интересы, она толкает нас и наших союзников к новым жертвам. Уставшие и измученные, мы просим Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов исчерпать все свои меры к убеждению союзников о необходимости скорейшего окончания войны, что может быть достигнуто путем присоединения их к нашим лозунгам войны.

3. О приказах.

Полковой комитет, обсудив в экстренном заседании приказ по Военному Ведомству № 526 и телефонограмму о смертной казни за № 15228 за подписью Керенского горячо протестует, ибо это уничтожает достоинство революционной армии, в частности, и позор для человечества вообще. Где великий дар Русской революции – отмена смертной казни? В связи с этим, комитет пришел к решению, послать делегацию для точного выяснения положения вещей.

4. О привлечении на фронт окопавшихся в тылу.

В интересах родины и в целях восстановления справедливости по отношению к нам, сидящим в окопах, требуем немедленной отправки на фронт для облегчения нашей непосильной работы всех до сего времени прочно окопавшихся под видом работников на оборону на фабриках, заводах и торгово-промышленных предприятиях, а также лиц, своевременно сумевших приобрести необходимые свидетельства о несуществующих болезнях. Врачей, способствовавших к укрывательству, привлечь по всей строгости закона.

5. О полиции.

Несмотря на неоднократные требования об отправке прежней полиции на фронт, она по-прежнему несет функции по охране общественного благополучия, переобмундировавшись в милицию, или же посылается в инженерные войска. Вначале отправленные из них роты, по газетным сведениям, отозваны обратно в тыл ввиду деморализующего влияния их на части, что на самом деле не отвечает действительности. Предусматривая в их присутствии в тылу силу, на которую опираются контрреволюционные классы. Мы настоятельно просим Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предупредить нами указанную возможность немедленной отправкой на фронт всей находящейся в тылу полиции.

Также просим принять самые решительные меры по урегулированию продовольственных отношений между городом и деревней.

Более решительные меры против купцов-спекулянтов могут спасти деревню от окончательного экономического распада.

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 47. Л. 245.

Резолюция по вопросу о роли комитетов в текущий момент, принятая съездом представителей комитетов частей 38-го армейского корпуса в заседании 19 июля 1917 г.

Общее собрание комитетов 38-го корпуса, дивизионного, полковых и бригадных комитетов и комиссий боевого сотрудничества частей корпуса, обсудив вопрос о роли

комитетов в текущий момент в связи с вопросом воздействия на массы, признает: выдвинутые революцией воинские организации частей армии являлись и являются единственно истинными носителями революционно-демократической мысли армии. Короткий, но тернистый жизненный путь их с такими трудными этапами, как ликвидация братания, борьба с анархо-большевизмом и создание наступательного порыва армии служит ярким показателем их внутренней мощи и идейной стойкости.

В настоящий тяжелый момент для революции и родины, в обстановке крайне репрессивных мер, все организационное должно быть спаяно в неразрывное и несокрушимое целое центральными революционными органами, ибо это наш долг перед революцией и родиной. С удвоенной энергией воинские организации должны нести в широкую темную солдатскую массу здоровое и трезвое понятие революционной демократии, добиться правильного понимания революционных задач момента. Должны напрячь все свои силы, чтобы из разложившейся и развращенной бесформенно-уродливой массы выделить облик сознательной и мощной революционной армии, ибо в противном случае гибель революции и родины неизбежны – облик демократически мыслящего гражданина избирателя ибо время учредительного собрания близко. Должны искусной и твердой рукой направить неизбежную кровавую волну репрессий по руслу, ведущему к спасению революции и родины, в корне пресекая всякую возможность произвола в ясном сознании, что произвол, есть здесь смертельный удар революции и только выполнив свою великую, ответственную миссию в сознании исполненного долга, мы вправе сказать, что для спасения революции и родины мы сделали все.

Верно: помощник комиссара 10 армии С. Конейкин

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 69.

Из письма солдата в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов

Мы как сидим в окопах и доверились на вас. И не отказываемся верить вам, но только просим вас не слушать буржуев. Мы все уже сидим более шести месяцев и ждем чего-нибудь хорошего, а вернее сказать миру. Но вы не подумайте, что мы в зиму остаемся разутыми и раздетыми. Но мы как видим и читаем, что вы только стараетесь установить дисциплину и доверяете разной сволочи и корпусным.

Зачем поставили генерала Корнилова и генерала Балуюева, которым не нужен скорейший мир. А ему нужно установить пулеметы в учебных командах, чтобы расстреливать солдат, чтобы осталось меньше нашего брата, тогда и пропадет наша свобода. Они этому случаю радуются, чтобы потопить нашу свободу. Но, товарищи, у солдат мнение другое. Они думают иначе, если будут такие приказы изданы действительно, то этот самый буржуй – Корнилов и Балуюев. Они, не думай, что далеко находятся от позиций, и не убьет! Нет, их и там шальная пуля найдет! Этот удар не пройдет даром, за пролитую человеческую кровь в 1917 году.

Как они просили и уговаривали, как ребятишек пятилетних, чтобы идти в наступление и сделать только один удар, но что же вышло! Согласились пойти. Сделали удар, и другой. И, наконец, и третий. Но они, подлецы, говорили так, что нам нужен один удар и будет мир. Но и что же, когда уговаривали – говорили, что будут бронированные автомобили и будет кавалерия, и будут в шесть рядов стоять орудия. Но этого ничего не было. Где же она правда и совесть начальства? Или у них совсем ее не было? Они свою совесть, наверное, продали Николаю II. Таких субчиков и офицеров стало очень много в полках! Я не один раз бывал на заседаниях полкового комитета. И что же, если солдат что-нибудь скажет в пользу солдат, сидящих в

окопах, то офицер ему ни за что не даст высказаться. Но если что-нибудь скажут про дисциплину, то офицер вылезает из кожи. Но этих мы пока не боимся, они всегда в наших руках.

Этим разным корпусным и дивизионным, им безусловно хорошо, они от позиции за 10 верст, а если не так, сел в автомобиль и уехал. Затем, какая же в начальстве правда? Когда немец наступал, шел целыми колоннами, а не рассыпной цепью и батарея хотя бы дала один выстрел. Ей, наверное, не простой же солдат приказал отступить, но мы думаем, что какой-нибудь начальник из буржуазного класса. В последствии солдат совсем стал виновником, и сколько за это отступление расстреляли понапрасну бедняков наших солдат через эту какую-нибудь сволочь, да еще хотят взять власть палача Николая II, но вряд ли им это удастся, войска стали понемногу просыпаться, дураков стало меньше...

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534. Л. 30–32.

Доклад о деятельности комиссариата при 10-й армии за истекшую неделю с 15 по 22 июля 1917 года

За отъездом в Петроград комиссара Венгерова и его двух помощников, Вербо и Павловского, с 15 июля остался при армии помощник комиссара – Крыжановский, а с 17-го к нему присоединился другой помощник комиссара Копейкин, временно отлучавшийся в Петроград. За истекшую неделю находим нужным отметить следующее в нашей деятельности:

1) В 38 корпусе состоялся съезд корпусного комитета совместно с председателями дивизионных и других комитетов. Съезд продолжался три дня (16, 17, 19) и вынес две (прилагаются при докладе) резолюции по текущим политическим моментам и вопросам о роли комитетов в создавшихся условиях жизни армии. Общий тон выступлений на съезде носил характер признания неизбежности последних мероприятий Временного правительства и готовности содействовать проведению их в жизнь.

2) Нами были приняты меры по разгрузке этапного пункта при станции Молодечно, благодаря коим почти удалось освободить пункт от всех арестованных (число до 500). Часть из них была отправлена в Минск в распоряжение судебных властей; часть была распределена по различным полкам за отсутствием обвинительного материала; один арестованный был разжалован, в согласии с армейским комитетом, из телефонистов в пехотинцы, за оскорбление словами женщин-воинов на вокзале, где он был арестован по требованию толпы.

3) В единичных случаях нами были приостановлены аресты отдельных чинов, впредь до выяснения всех обстоятельств предписавшими аресты начальниками с комитетами и командирами соответствующих частей.

4) Было предложено приостановить действия приказа (что и было выполнено по нашему настоянию) командиру 38 корпуса о роспуске дивизионного комитета 175 пехотной дивизии и назначении новых выборов с требованием, чтобы новый состав комитета не включал членов прежнего состава, как противоречивый приказу № 271.

5) Было предложено распустить состав Военно-революционного суда, избранного при штабе 175 пехотной дивизии, без наличия подсудных ему дел, согласно постановлению Временного правительства от 12 июля.

6) Принимали участие при раскассировании 10 рот 536 полка и 6 рот 534 полка, за отказ их выполнить боевой приказ в период наступления. Эти части, будучи отозваны в тыл, по дороге были обезоружены тремя сотнями казаков, затем по прибытию на место их назначения, были выделены зачинщики в числе 45 человек, которые тут же были отправлены в Минск в

распоряжение генерала Абдулова; прочие же были отправлены эшелоном в 3 армию для укомплектования полков (о чем было нами своевременно донесено комиссару фронта).

В своей деятельности мы руководствовались указаниями и мнениями, как высшего комсостава, так и армейского и других комитетов.

Что касается общего состояния 10-й армии, то можно констатировать следующее:

1. Самочувствие офицеров значительно улучшилось, благодаря тому, что они отныне чувствуют за собой возможность проведения в жизнь законных требований по отношению к своим подчиненным. В солдатских массах замечается на фоне общей растерянности признаки оздоровления: учебные и др. занятия, работы идут почти нормальным порядком. Нарушений приказов не замечается. В среде комитетов замечаются опасения того, что командный состав злоупотребит своей властью в ущерб общественным организациям. Пищу таким опасениям дают отдельные случаи нарушения командирами прав организаций, как это было отмечено выше в случаях 38-го корпуса.

За комиссара С. Копейкин помощник комиссаров Д. Крыжановский

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 67–68.

Из письма солдата 9-й роты 685-го Логишинского пехотного полка В. И. Потапова в исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов от 8 августа 1917 года

Господа! Находясь далеко от тыла, как на острове бурного океана, ожидаем от вас помощи, влейте хоть одну каплю в наболевшие сердца солдатского бальзама, который подействовал бы на баррикады стоящей на пути нашего желания. Услышьте далекий и обессиленный голос с неуютных окопов, который беспрестанно просит и молит вас!

Представьте господа! Ведь нас совсем отрезали от тыла, и мы никакой связи не имеем с ним, и не знаем, что творится у нас за спиной, только слышим ваши печальные воззвания: «Спасайте революцию!», а чем спасать, мы и не знаем: штыком или подчинением начальникам, которые так страшно желают не народной, а собственной власти, но вы на минуту можете остановиться и подумать, насколько это правда, что говорит генерал Балубев: «Господа офицеры! Время, дескать, вам проснуться, власть взять в свои руки, т. е. связать солдат теми же заржавленными оковами, которые от слабой чемры отлетели, как лист пожелтевший от осеннего ветра. Нет, не будет того, что было 7 месяцев назад, а теперь равенство и братство, но, товарищи-попечители, прошу вас от имени всей революционной армии, вашего ходатайства о пользовании солдатами кратковременным отпуском. Мы уже молчим о ликвидации проклятой жерли, всецело надеемся на вас, что вы знаете, как поступить с последним... Но опять не думайте, что солдаты здесь спят! Нет, они не спят, они терпят и переносят. Опять могу сказать то, что не будет того, чего желает Союз советов господ офицеров.

Мы не верим им, а верим всецело вам, т. е. Совету рабочих и солдатских депутатов, которые не дадут нас в обиду той черной руке, которая нет, нет, да протянет свою грязную лапу на завоеванную свободу, а как увидит органа человеческого движения, так и убирает, боясь, чтобы не раздавила ее массивное движение.

Итак, товарищи-вожди народной свободы, свяжите тесно с тылом, как это было 2 месяца назад... Прошу сказать гарантию.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 529. Л. 205–206.

Из письма солдата 22-го пехотного Нижегородского полка Фролова в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 10 августа 1917 года

Я солдат – сторонник наступления, пробывший на позиции 28 месяцев. И вот, второй раз уже... ранен... И всю боевую работу я испытал на практике и хорошего ничего не видно – одни лишь бесполезные жертвы. Товарищи, за что кладете клеймо на всех солдат, что мы беглецы и предатели? Мы все только пишем и говорим, что нужно организовать. Меня ранило и мы приехали в Минск на телячьем поезде голодные, на станции лежали целую ночь. Пошли к коменданту. Он говорит: «Откуда вас принесло?» Это первый привет. Приехали в Москву, все смотрят как на зверей. Теперь лежим, хлеба мало, курить нечего и здоровые стали все болеть при хорошей помощи врачей...

Вот приеду на фронт, расскажу товарищам, что за нашу кровь тыл жиреет и мы бросим винтовки и пойдем, пускай будет Вильгельм – нам хуже не будет. А защищать так нужно всем. Вы распутайте паутину с глаз своих. Разъясните народу, кто виновник неудачного наступления у Крева и Сморгони. По-вашему, виновник – солдат. А по-нашему – бывшие благородные и превосходные банды, которые до сего времени сидят на своих прежних местах и пьют невинную кровь. Последовал приказ, что нужно наступать, мы этим добьемся скорейшего мира. Мы своему начальству поверили, и пришлось свериться, приказ от любимого вождя народа Керенского. Мы беспрекословно его исполнили...

... Нам говорили, что каждому полку 4 полка в затылок будет поставлено в поддержку. Мы верили. И вот – 9 июля, в 7 часов утра пошли... Мы в полчаса заняли три линии немецких окопов... Мы дошли до 4 линии, а поддержки нет никакой. Наши цепи поредели и пришлось отступать с большими потерями. И кто этому виноват? Что у нас в тылу были только кашевары?

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 530. Л. 165–166.

Информация от бывшего помощника комиссара 10-й армии Роберта Вербо во фронтовую комиссию ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов

Комитеты и их роль. В первые дни, когда комитеты возникали революционным путем, а потом, не имея определенных норм своей деятельности, пользовались моральной силой, опираясь на поддержку Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда, они добились многого от комсостава. После же злосчастного поражения на фронте и в тылу, когда голову подняли контрреволюционные силы, а социал-патриоты во многом стали их поддерживать, значение комитетов было сильно подорвано.

Самое назначение Корнилова, как раз после того, когда он издал несколько приказов о сокращении роли комитетов и приказа по своему фронту о том, что все члены комитетов должны вернуться в свои части, вызвало сильную тревогу в солдатских организациях, а комсоставу дало надежду на перемену курса в смысле возвращения дисциплинарной власти начальству, о которой открыто заговорил офицерский союз; постановления офицерского союза отдавались для сведения приказом по армии.

И вот начинается открытая борьба с комитетами. Недалекие командиры просто стали заявлять, что хотят «плевать» на комитеты, а более тонкие политики стали говорить, что рады пойти навстречу комитету, но это возможно будет лишь тогда, когда выйдут новые положения

о комитетах, а пока действовать как по приказу они не позволят. По армии был отдан приказ, прислать все незаконные постановления комитетов и в связи с этим некоторые комитеты были отданы под суд. В 1 Сибирской дивизии 1 Сибирского корпуса революционный комитет отдан под суд за то, что вынес постановление против начальника дивизии, причем на этом собрании были представители всех полковых комитетов и резолюция принята единогласно. Начальник дивизии остался, а против комитета ведется следствие, хотя многие подсудимые убиты во время наступления. Комитеты, лишенные своих прав, данных революцией, уставшие, потому, что работников мало, стоят перед полной невозможностью что-либо сделать, доходят до отчаяния; многие полковые комитеты прекратили свою деятельность и масса глухо недовольно бродит, готовая каждую минуту вспыхнуть. Комитеты высшие ждут из Петрограда, что мы им выработаем новые приказы, расширяющие их права.

Отношения с офицерством с каждым днем все хуже и хуже. Офицерство организовалось в офицерский союз. Каждого офицера не вошедшего в этот союз пытаются под тем или другим предлогом удалить из полка. Офицеры, работавшие раньше в комитетах, уходят из них, боясь конфликтов с начальством. Были случаи, когда офицеры требовали отдачи чести, причем кричали на солдат. Офицерские собрания отдельных полков выступили с резкими резолюциями по адресу солдатских комитетов, чем еще больше оттолкнули от себя солдатскую массу. Требуют команду «смирно» даже тогда, когда по приказу этого не имеют права делать. Высший командный состав пытался распустить нежелательные им комитеты и только вмешательство военного министерства по настоянию армейского комитета и комиссара останавливало эти распоряжения. Вакханалия судов растет с каждым днем. За каждую мелочь придают суду, желая запугать солдат. Издаются приказы порочащие и оскорбляющие солдат или их идейных руководителей. Этот разлад наблюдается не только в пехоте, но и у казаков, артиллерии и кавалерии.

Масса солдат напугана резкими приказами, ищут защиту у комитетов или просто копят злобу, которая каждую минуту может вылиться анархией. Комитеты же бессильны чем нибудь помочь солдату даже в его минимальных справедливых требованиях.

Комиссары. При армиях вначале комиссары назначались от СР и СД и военного министерства. Ввиду отсутствия людей в назначении комиссаров были допущены ошибки. Как от совершенно случайного назначения Филоненко, которого почти никто не знал, не рекомендовал, вел переговоры не имея на то полномочий с товарищем Министра князем Тумановым и политическим кабинетом Военного министра, как уполномоченный от Совета. Когда же Совет захотел его отозвать, началось наступление и оставлять армию без комиссара или сменять его во время боя было уже нельзя, и дальше он был назначен военным министерством в Ставку. Так же в тот момент, когда военный отдел вынес мотивированный отвод против Савинкова как комиссара фронта, он вступил в управление министерством. Утешением ЦК СР и СД было то, что в любой момент можно было отозвать комиссаров из армии, а потому и рассчитывали, что добьемся возможности отозвать и комиссаров фронта. Но тут произошел перелом в другую сторону. Нам заявили из министерства, что отныне комиссариат будет только от Временного правительства и единственная уступка СР и СД была сделана в том, что Совету представлялось возможным представлять свой список комиссаров. Один из результатов новых назначений в армию – Иорданский – из группы «Единство», которая мечтает о Стокгольмской конференции, где имя Плеханова упоминается только с негодованием (причем новый комиссариат будет ответственен лишь перед Временным правительством). Уже были случаи столкновения таких комиссаров с комитетами. Они будут придатком командному составу, но на солдат едва ли им удастся опереться, что необходимо армии и при каких только условиях комитеты смогут работать. Единственная возможность

борьбы с контрреволюционными стремлениями, саботажем в армии во время боя со стороны штабов (что утверждают многие оперативные комиссии при комитетах) – это право отвода начальников.

Есть части войск, из которых достаточно только убрать командира и они будут совершенно надежными войсками. Такой случай был даже с казачьим полком и артиллерией участвовавшей в бою. Это право отвода, конечно нужно поставить в рамки выработанные Всероссийским съездом, т.е. дивизионный комитет (комитета полковым, ввиду их зависимости от случайного настроения толпы этого права давать нельзя) имеет право просить о смещении командира полка и если начальник дивизии с этим не согласен, то приговор идет на утверждение корпусного комитета и т.д. Это было подробно разработано на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Это могучее средство, которое заставит притихнуть в армии гидру контрреволюции и наладить отношения солдат и офицеров. Комиссарами нужно иметь надежных людей, которые бы работали совместно с комитетами.

Сейчас все кричат о невмешательстве комитетов в стратегию. Рассмотрим в чем же это вмешательство заключается: Комитеты (огромное большинство) до боя уговаривали солдат идти в наступление, имели богатый материал о психологическом настроении частей и во время боя шли впереди и вели свои части в атаку (участвовали в атаке врачи, фельдшера и писаря комитетов), другие налаживали подвоз продуктов, подвоз санитарных повозок, налаживали эвакуацию раненых. Из комитетов на основании приказов № 271 были выделены оперативные комиссии (которые так же, как и комитеты не имеют прав), имеющие богатый материал о бое и если кто-нибудь из начальников сделает ошибку, то это от них не уйдет и заставит эти штабы более тщательно относиться к своим обязанностям. Вмешиваться же в распоряжения командного состава боевого характера ни одна комиссия не посягала. Они только требовали быть всегда в курсе дела, всех предполагаемых операций, чтобы знать как и чем помочь, хорошо зная состояние частей и местности. Могло быть возражение, что нельзя многим лицам сообщать секретные сведения, но в комиссиях всего три человека и притом специально из всего состава комитета выбранных тайной подачей голосов. Кому больше верить выбранным или назначенным в большинстве случаев недовольному новым строем командному составу? Увеличить значение комитетов, расширить их права в пределах активного вмешательства в хозяйство армии, отпуска, увольнения, переговоры, дать право отвода начальников. При всех случаях следствия к следователю назначить представителей комитета. Недопустимо, чтобы в революционной стране судили свободных граждан по старым военным законам и вели дело и следствие старые военные начальники.

Сохранить оперативные комиссии и предоставить им право знать все предполагаемые шаги штаба соответствующей части.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 148–152.

Из письма комиссара 10-й армии В. Венгерова во фронтовую комиссию ЦИК

Копия в политический отдел военного министерства.

Самый острый вопрос в армии – восстановление дисциплины, репрессивные меры со стороны командного состава и последствия, которые вызывают эти меры. Прежде всего, надо отметить, что случаи неповиновения и явной дезорганизации в полках, которые были очень часты в 10 армии в конце июня и первой половине июля, теперь стали исключением. Наиболее крупный инцидент был в 43 Сибирском стрелковом полку. По имеющимся пока данным, одна

из рот 2-го батальона отказалась приступить к занятиям. Учебная команда, вызванная командиром полка для принуждения оружием к исполнению приказа, вместо принудительных действий против роты – разбежалась. Тогда часть солдат накинулась на командира полка, сорвала с него погоны, потом командира арестовали и продержали несколько часов в землянке. По-видимому, по дороге к штабу полка были угрозы по адресу командира полка, караул тоже ругал и грозил. Помощник комиссара Копейкин, узнав о происшествии, сейчас же дал телеграмму полковому прокурору о составлении комиссии при участии представителя солдатских организаций для производства дознания. До получения ответа следствие было начато судебным следователем, но не дало никаких результатов. Ввиду того, что многие свидетели, главным образом, офицеры давали туманные показания, как будто из страха перед солдатской массой, следователи и временный командующий армией настаивали на временное разоружение полка. Я выразил согласие только на разоружение 2 батальона, участие которого в инциденте ясно. Командарм решил тем не менее произвести разоружение всего полка, предложил мне ввиду разногласия обратиться к комиссару высшей инстанции. За отсутствием фронтового комиссара и временным отъездом из ставки комиссарверх из этого ничего не вышло. По приказу командарма полк был окружен кавалерийскими частями и сложил оружие без всякого сопротивления, получив от присутствующего при разоружении помощника комиссара обещание, что разоружение носит временный характер и производится в интересах следствия.

Однако, пока следственной комиссии, в состав которой вошли следователь и представители армейского и корпусного комитетов, почти ничего не удалось добиться. Штабом армии получена телеграмма, согласно которой главком приказал учредить по этому делу военно-революционный суд.

Из других случаев неисполненного приказа, знаю один отказ от выполнения боевого приказа (заступить на позицию) в 42 Сибирском стрелковом полку, но на следующий день полк сам решил приказанию подчиниться и на позицию заступил. Все остальные случаи – отказы от приступа к занятиям, но и они не многочисленны. По моим наблюдениям и по мнению многих лиц высшего командного состава большая часть этих случаев вызывалась неумением правильно поставить дело со стороны офицеров. После долгого перерыва в занятиях сразу начинали с маршировки: бега, приема «на караул» и т. п. Понятно, что это вызывало резкий отказ со стороны солдат, видевших в таком обучении не восстановление обучения на новых разумных началах, а простое возвращение «старого режима». В других случаях конфликт вызывался сразу взятым некоторыми офицерами резким тоном.

В некоторых случаях инциденты улаживались мирно, в других дело дошло до суда. Наиболее яркий случай имел место в 63 Сибирском стрелковом полку, где отказалась выйти на занятия пулеметная команда. По отзыву начдива это лучшая команда в 1 Сибирском корпусе, проявившая много мужества в последних боях, по его же словам в возникшем конфликте много виновата нетактичность начальника команды и отчасти командира полка. Тем не менее свыше 160 человек было предано военно-революционному суду. Благодаря участию защитников, посланных армейским комитетом, дело окончилось оправданием всех подсудимых, кроме одного приговоренного к 4 годам арестантского отделения. По впечатлению защитников без их участия дело легко могло бы кончиться тяжелым и непоправимым приговором.

Чтобы закончить о строевых занятиях, скажу, что занятия идут теперь с большей или меньшей интенсивностью почти во всех частях.

Чрезвычайно печально обстоит дело с взаимоотношениями солдат и командного состава. После июльских приказов офицеры во многих частях сразу переменили тон, стали грозить расстрелами, презрительно отзываться о солдатских организациях и т. п. Понятно, что это

питает злобу солдат против офицерства и могу с уверенностью констатировать, что такого определенно враждебного отношения к офицерам я не видел в армии ни в один из предыдущих периодов революции. Командный состав старается применять репрессии или пугать репрессиями где надо и где не надо. Я считаю своим долгом разъяснить при всяком случае, что применение мер репрессии вообще и судебной в частности, должно иметь место только при невозможности иначе уладить конфликты, тем более, что практика доказывает постоянное возникновение брожения во всей части после репрессивных мер против отдельных солдат.

В ответ на привлечение солдат к ответственности у последних намечается стремление привлекать к судебной ответственности лиц командного состава, часто тоже по пустячным поводам.

Особо надо отметить борьбу, путем привлечения к дознанию и следствию, с солдатскими организациями. Об этом послал вам вчера телеграмму, в дополнение к которой прежде всего должен сообщить, что один из случаев приведенных в телеграмме – назначение следствия над комитетом 3 корпуса будет очевидно ликвидирован, т. к. командармом даны в этом смысле указания комкору, за то о мелких случаях привлечения отдельных членов комитетов сведения поступают постоянно. До суда пока дело не дошло, нигде и я употребляю все усилия, чтобы не допустить этого, т. к. определенная политическая тенденция всех таких привлечений совершенно ясна. Но и производство дознания сильно волнует комитеты и полки. Многие мелкие комитеты совершенно подавлены; как общее правило наблюдается бегство из комитетов офицеров. Считаю бы очень важным обратить на это внимание и провести через министерство хотя бы предложенную нами в телеграмме меру о недопустимости возбуждения дознания и следствий над членами комитетов без согласия комиссара.

Крупный инцидент разыгрался в связи с запрещением печатать орган армейского комитета «Голос X армии» в штабной типографии. Начало инцидента известно фронтовой комиссии и П. М. Толстому, а так как он еще до сих пор не закончен, то не лишнее интереса изложения всего инцидента откладываю до следующего отчета.

На 15 августа назначен с согласия командарма армейский съезд.

На фронте совсем тихо. На Молодечно ежедневные налеты аэропланов, которые сбрасывают бомбы почти без последствий...

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 162–163.

Из письма старшего унтер-офицера А. Овечкина и младшего унтер-офицера Н. Муравьева в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов от 11 августа 1917 года

66 сибирский стрелковый полк 5 рота.

Согласно вашему предложению, появившемуся в газете «Солдатское слово» о том, что каждый гражданин может предлагать свое мнение об условиях мира в более подходящем смысле. Наши предложения состоят в одинаковых условиях для всех воюющих стран, а именно в том, что, если все воюющие государства тратят громадные суммы для нужд войны по 50 миллионов в день каждая, и война затянется на несколько месяцев, то в общем получатся колоссальные суммы, а на такие громадные суммы можно восстановить все разоренные войной государства, такие как Бельгия, Сербия, Черногория, Румыния, Франция и Польша...

А если мы будем поддерживать империалистические цели наших союзников, то война может затянуться на еще более отдаленный срок.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 530. Л. 189.

Из письма из окопов в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 18 августа 1917 года

... Мы на вас надеемся, что вы нас освободите от этой империалистической братоубийственной бойни. Слава богу идет шестой месяц после переворота, и только что и делаете, что правительство сменяете. Товарищи, нельзя ли взять власть всю в свои руки и сделать исполнительный комитет специального социалистического правительства. Я много читаю газет и все газеты так говорят, чтобы было правительство демократическое и должна быть у нас демократическая республика. Ну ничуть не империалистическое правительство, также республика не должна быть буржуйской. Мне представляется чудная картина, что наш брат солдат, если в чем замечен, сейчас арестовать, ну что касается... буржуев, как преподобные Гучков, Милюков, Родзянко, Коновалов и Терещенко почему их до сих пор не арестовали? На нашего брата есть уже и каторга, и тюрьма, и расстрел, но почему им нет того приказа? Значит потому нет, что они сами законы вырабатывают. Но по моему мнению должно быть так, что если нашего брата стрелять, так надо впредь было расстрелять Сухомлинова и Штюрмера, и Протопопова, и всех николаевских торговцев. Значит так, что продавали корпусами нашего брата, почему ж тех до этих пор в каторгу не присудили и не расстреляли, так как в 693 полку, какой они сделали проступок? Значит так, кто стоит за бедный народ, так того стрелять и в каторгу, но почему кровожадов, что стоят против народа, почему тех не представили судебному прокурору? Наверное и прокурор Гучкова брат. Пожалуйста, дайте ответ и в вашей газете объясните, почему казаки не находятся в окопах, для чего у нас женские батальоны? Кто это допустил? Это позор для революционной России! И дайте ответ, для чего у нас существуют Государственная Дума и Государственный совет? Неужели думают кадеты поставить другого Николая Кровавого? Нет, не допустим! Товарищи, не думайте, что это мое одно мнение, спросите у всей армии, что находится 4-й год в окопах. Войдите в положение, в нашу жизнь...

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 532. Л. 65.

Из обращения солдата 10-й армии Западного фронта к гражданам Петроградского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов от 23 августа 1917 года

Граждане, неужели засевши в одном из помещений Петрограда и получивши план настоящей судьбы нашего народа и смотря на него решить таковую... Не думаю, что бы вы не ознакомившись с личным положением настоящей армии, а так же и прошедшего времени. Дело в следующем: я конечно по крови и плоти казак. Настоящее время нахожусь на фронте действующей армии офицером. Присматриваюсь уже не мало на ваши разные постановления, которыми только ликовал и питал надежду о справедливости и до настоящего времени ничего не находил не усмотренным вами, но теперь заметил и решаюсь хотя не своим делом, но не хочу упустить факта, не усмотренного вами, и этот пример много значит для всех фронтовиков. Именно: раньше чем посеять зерно и получить от него надлежащий доход, то чтобы не было между ними другого зерна, как например «березга», которая своим всходом начинает глушить всход того зерна, от которого сеявший ожидает доход, надо его перечистить приспособленным

на то орудием земледелия, так и тот случай, о котором я пишу вам: раньше, чем даст закон дисциплину в армии и учредит судные и телесные наказания, то надо всё начальство, которое находится не только в тыловых учреждениях, но самое главное на фронте проветать, ибо они делают сами разврат и давши им закон и силу в руки, уверяю вас, что будет еще хуже чем сейчас. Нас уже заставляют убивать солдат, а получивши власть наверное заставят и получится не война на врага, а бойня своих.

Со слезами на глазах прошу вас... усмотреть и не упустить этого момента. Хотя бы сделайте чистку только в казачьих войсках, а главное у кавказских...

Я беспартийный

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 533. Л. 9.

Из письма солдат 4-й роты 25-го Сибирского стрелкового полка в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 29 августа 1917 года

Товарищи... с болью в душе шлем вам горячий привет и просим вас избавьте нас от злых клевет... на нас и расстраивают наши стойкие ряды. Про нас клеветают темные силы, а высший командный состав их поддерживает. Чтобы избавиться от разгрома нашей армии и революции, то просим вас сделать чистку и выметку царским генералам и штабам, чтобы они не выбивали из нас наш дух и силу. Товарищи, они только стараются завоевать себе власть, а не защищать свободу. Они начинают говорить в глаза, что вы не достойны свободы и вы ее проспали. Но просим вас, товарищи, действуйте смело и надейтесь на нас. Мы с вами за едино, за вами вся сила. Все генералы и полковники явные контрреволюционеры. Они стараются всеми силами, чтобы выловить наших истинных защитников. Начали наводить на них клевету и аресты. Чтобы им легче было завести нас в заблуждение. Это недопустимо, что они творят и ссылаются на Временное правительство. Товарищи, если вы хотите, чтобы наша армия была единая и стойкая, то постарайтесь сделать чистку всем контрреволюционным генералам и полковникам. Так вот, товарищи, если вы хотите спасти страну и революцию, то ищите опору в нас, в демократии и делайте шаг вперед, а не назад. Надейтесь на нас, мы всегда с вами товарищи. Смерть буржуям, да здравствует совет рабочих и солдатских депутатов!..

Получаем газеты на фронт только буржуазные. Нам не допускают того, что нужно. Закрывают нам глаза.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 528. Л. 390.

Протокол № 17 экстренного заседания бригадного комитета 67-й артиллерийской бригады от 30 августа 1917 года

Председательствовал поручик Руднев; присутствовали: солдаты Григорьев, Пушницын, Погодин, Шейнин, Урядников, секретарь Цветков.

1) Бригадный комитет, узнав о поведении генерала Корнилова, желавшего взять всю власть в свои руки от тех вождей, выдвинутых всей русской демократией, и которым верит вся армия и трудовой народ, порицает действия генерала Корнилова.

2) Со своей стороны бригадный комитет выражает протест против генерала Корнилова и настаивает привлечь к ответственности за измену Родине не только его, но и его сторонников.

3) Бригадный комитет от лица всей бригады, выражая полное свое доверие Временному правительству во главе с А. Ф. Керенским, работающим в единении с Советами РС и КД, с открытым сердцем перед всем народом, защищающим трудовые массы и желающим спасти страну от внешнего и внутреннего врага, обещает со своей стороны дать поддержку не только на словах, но и на деле.

4) Бригадный комитет призывает всех товарищей солдат к полному спокойствию и работе, строго охраняя фронт, не позволяя себе делать самочинных выступлений, сплотиться вокруг своих комитетов и о всех действиях и замыслах против Временного правительства, против тех, кто будет пытаться встать на сторону изменника Корнилова и против организаций, как войсковых, так и органов русской демократии просит доводить до сведения своих комитетов.

5) В связи с создавшимся положением и для проведения в широкие солдатские массы доверия к новому командному составу, который будет призван Временным правительством для спасения Родины, бригадный комитет считает необходимым расширения рамок действий армейских и солдатских комитетов.

РГВИА. Ф. 3743. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

**Из письма солдата 116-го Малоярославского полка Ефима Козырева в
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 13 сентября 1917
года**

Товарищи, наше новое правительство предписывает деревне производить выборы в волостные земства и подготовиться к выборам в Учредительное собрание.

Товарищи, обратите ваше внимание на деревню. Кого деревня может выбрать в волостное земство, если в деревне остались одни женщины, да малолетние дети, а еще те буржуи, которые избегали военной службы.

Товарищи, вот на этих буржуях деревня и основывает свои выборы.

Товарищи, разве эти буржуи могут спасти нашу молодую революцию, когда они стараются погубить нашу революцию, а с нею и всю Россию.

Товарищи, если вы желаете спасти нашу свободу, а с нею же и всю Россию, то распустите солдат хотя бы до 35-летнего возраста, тогда можно будет сохранить нашу свободу и спасти Россию от гибели. Эти солдаты будут бороться с деревенскими буржуями, чтобы их не допускать ни в волостное земство, ни в Учредительное собрание. Товарищи, только этим путем роспуска старых солдат вы можете спасти Россию.

Товарищи, деревня расстроилась, деревню забрала в свои руки буржуазия. Бороться с буржуазией некому. Без народа деревня слабеет, если вы, товарищи, не обратите внимание на деревню, не распустите солдат до 35-летнего возраста, то все пропадет.

Буржуазия всех побьет в деревне.

Товарищи, я пробыл в деревне 2 месяца и все это рассмотрел.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534. Л. 195–196.

**Из письма солдата 708-го пехотного полка Николая Печалина в
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 22 сентября 1917
года**

Дорогие товарищи, вы пишете, что наши избранники. Нет, вы не справедливо делаете. Вас просят выслать кадровых, а вы высылаете больных нам в дружины в добавление тех людей, которые совершенно раненые и больные. Вы делаете совсем недобросовестно, делаете хуже старого режима. Это не есть свобода и гражданство. Дорогие товарищи, вам очень свободно и спокойно, вспомните, как люди наши обратно страдают в земляных канавах под обстрелом неприятельских шрапнель. Это наверное все забыто. Наш брат очень забывчив. Наш брат старается только сам о себе, был бы я жив, а другой как хочет...

Если таковые у вас будут порядки, то мы присоединимся к партии большевиков и сделаем что нам нужно будет.

Нельзя, товарищи, забывать несчастное положение. Еще покорнейше прошу изменников нашей родины генерала Корнилова, во что бы то ни стало, не оставляйте его в живых, если он будет живой, тогда все на вашей шеи будет уплачено.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 534. Л. 303–304.

Письмо солдат 10-й армии К. Карабана, И. Нефедова, Е. Левина, И. Садчикова в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 4 октября 1917 года

Как не боролась демократия за создание однородного правительства, но под давлением темных сил вынуждена была отступить. Ей не подоспели те многомиллионные резервы, тот русский беспартийный мужик, который занят делом и на фронте, и в тылу и благодаря этому буржуазия на цыпочках, сквозь спящего мужика пробирается к власти. И так исполнились слова тов. Каменева: Кишкины и Бурышкины пришли и умывают руки. Затянут петлю на шее революции. Я не скажу, что это контрреволюционеры, нет. Их слишком мало и их контрреволюция не страшна. Но зачем они пришли против воли всей страны? Мешают только работе правительства. Ведь им не придется управлять страной, т. к. довольно им дела, чтобы поладить меж собой и спасти свою коалицию (но едва ли вы ее спасете, придется скоро идти туда откуда пришли). Удивляет более всего то, что люди позволяют себе думать, что вся революция состоит только в том, что убрали Николая и его министров, остается только посадить новых буржуев и готово. Но будет ли какая разница между Николаевским и Керенского кабинетами, и гарантирована ли страна, что эти Кишкины – Бурышкины не будут такими же Штюрмерами – Протопоповыми? Нет, господа, нельзя так смотреть на крестьян. Трехлетняя война многому научила их, и если они еще молчат, то это не значит, что ничего не понимают. Вернее было бы прислушаться к голосу страны, подлинной страны бедняков, а не тех шкурников, которые кричат от имени крестьян, и вы тогда предrekli бы в какую партию они выделяются. Мы солдаты прекрасно знаем настроение своих братьев и не будем вас убеждать, но в этом вы убедитесь; спросите какую угодно роту или часть населения, рассказав им справедливо программы всех партий, и тогда увидите, что все они одного мнения и все идут за теми, кто поддерживает их интересы, то есть за партией большевиков. Смешно читать, что кадеты освятили Россию «буржуазной республикой». Разве не нахальство это, что бы в стране сплошного крестьянства господствовала кучка капиталистов. Долой буржуазную коалицию! Да здравствует истинно революционное правительство!

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 64–65.

Письмо солдат 3-й армии в Совет солдатских депутатов от 23 сентября 1917 года

Товарищи! Не смотрите на Керенского, он нас доведет до такой пропасти, что мы все разом погибнем. Товарищи, солдаты, старайтесь скорейшему времени миру. Мы не в силах держать фронт. Товарищи солдаты, вы подумайте сами, что у нас дома сейчас умирают с голоду, у нас дома родители, жены и дети не щенята. Нам нечего слушать буржуазию, а долой войну, да здравствуют товарищи большевики. Товарищи, мы здесь на фронте платим за 10 штук папирос 1 рубль, а за табак осьмушку три рубля, а хлеба нам вовсе не дают, а получаем одни сухарные крошки и гнилые или заплесневевшие и суп такой нам варят, что и вас, товарищи, уверяем, что ни одна собака не будет есть, а это все портит гнилая и горькая вобла... Затем до свидания, товарищи большевики. Мы останемся горе горевать и тухлую воблу доедать.

Письмо солдата 110-го Камского пехотного полка 28-й дивизии в Центральный исполнительный комитет от 23 сентября 1917 года

Господин председатель, будьте добры дать нам отдых, страдающим уже 4-й год на позиции, были в боях и получили поранение. Силы наши истощились. Ноги болят так, что иногда с трудом проходишь 20 верст. Мы готовы всегда дать поддержки и исполнить все требования Временного правительства. Одно просим у вас, дать нам исправить свои истерзанные физические силы. Тем более уже настанут холода. Три зимы страдали на позиции. Исправим свои силы, опять готовы будем исполнить все требования Временного правительства. Свободу будем спасать. Старый режим нас истерзал. Все готовы отдавать себя в жертву для спасения свободной России.

Я воин, имею от роду 39 лет, со дня войны 110 пехотного Камского полка 28 дивизии.

ГАРФ. Ф. 6978. Он. 1. Д. 534. Л. 341–347.

Из письма солдата 27-й сибирского стрелкового полка 7-й Сибирской стрелковой дивизии И. А. Богданова в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 6 октября 1917 года

Прошу вас, товарищи, прислушаться к голосу нас, окопных жителей, оторванных от всей природы. Не могу умолчать, чтобы не открыть правду, что мечтают страдающие массы в окопах, жертвуя своими жизнями и мало того, и все средства, которые приобретались несколько лет. Теперь все проходит для братоубийственной войны, остаются сироты, калеки, нищета...

Далее солдат, говоря о том, что раздаются слова до победного конца и «нужно поднять дух армии» заявляет... товарищи, теперь слепить армию довольно. Пора сказать твердо и определенно. Правда забыли то, что испытал воин, и если ему стало неведомо, то ему нужна дисциплина, на него нужно взять плетку, а если плетка не поможет, то нужно взять то же оружие, с которым сам же этот воин сидел 2 1/2 года в вырытых окопах и не раз был на волоске от смерти.

Теперь все организации должны подумать, что они есть выборные, достойные быть представителями народа и на них надеется народ. Что нам скажет наш народ, если мы посадим всех около разбитого корыта. Тогда голодная масса возьмет обернет штыки в тыл... Позор

всем, как не совестно тому, кто винит рабочего и солдата, которые лицом к лицу с врагом.

Мы на фронте, читая такую подлую пропаганду проклинаем его и полно сердце злобы, довольно играть народом. Довольно нас гноить в грязи... Довольно в наше честное лицо бросать грязь... Довольно нам в окопы доставлять нахально буржуазные газеты, мы которые не просим. Довольно на военной полевой почтовой конторе рвать слезами политые письма, в которых наши отцы и матери пишут, какое время приходится переживать.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 129–130.

Из прошения от полков 62-й дивизии Западного фронта от 8 октября 1917 года

Товарищи крестьяне! Мы, ваши товарищи, находимся, как вам известно, уже 4-й год в окопах, просим мы вас, обратите внимание на нашу просьбу. Товарищи, ... не пора ли нам окончить эту проклятую, кровопролитную бойню. Довольно губить нам своих товарищей и проливать кровь на полях сражений. Посмотрите на наших товарищей, сколько у нас их всяких калек убогих! Товарищи, надо обратить внимание и на то, сколько у нас есть пустых домов и малых детей, сирот, которые не могут себе добыть куска хлеба. Еще, товарищи, просим мы вас, как вы, наши представители, во главе революционной армии, и с товарищем верховным главнокомандующим Керенским, постарайтесь напрячь все свои силы окончить эту кровавую бойню...

Известно ли вам... в каком положении мы находимся, и какой у нас есть недостаток? Во-первых, подходит холодное время, а у нас совершенно ничего нет, мы все холодные и голодные, а высший командный состав о нас не заботится. Нам в силу необходимости приходится воевать не с немцем, а с высшим командным составом. Если вы не обратите на это внимание в течение этих двух месяцев, то мы тогда оборачиваем свои пушки, пулеметы и штыки и начинаем как с командира полка и кончаем военным министром Керенским, а потом будем воевать с немцами.

Товарищи, вы не подумайте, что это такие резолюции выносит только один полк или дивизия. Нет, это не один полк и дивизия, а вся наша революционная армия на такой точке зрения.

ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 172.

Из протокола № 11/65 экстренного объединенного заседания полкового, ротных и командных комитетов 5-го Киевского полка 17 ноября 1917 года

Утверждение наказа выработанного комиссией на фронтовой съезд Кленову и Павлову, имеющим быть в Минске 20 ноября.

Большинством голосов принят наказ, предложенный Новиковым: Мы солдаты, измученные, истерзанные бесчеловечной сорокамесячной бойней шлем привет нашим защитникам, нашим передовым повергнувшим в прах иго царского самовластия, иго буржуазии, ярыми защитниками которой были Корниловы, Керенские и др.; они силой своего хитрого ума обманывали нас 7 месяцев, они дали нам Милюкова и Гучкова, они дали нам коалицию, которая привела нас к невольному наступлению и которая создала нам расформирование под страхом расстрела революционных полков на фронте. Они устроили

кровавое побоище 3-го июля, в котором хотели погубить революцию, они создали аресты наших передовых борцов, они дали нам Московское черносотенное совещание, они дали нам диктатур Корнилова, который повел войска против центра нашей революции, они дали нам демократическое совещание, которое превратилось в черносотенный Совет республики, они дали нам героя лже-социалиста Верховного главнокомандующего Керенского, который в союзе с героем Калединым, окончательно хотели потопить революцию разгонами и арестами Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, выводами революционных полков из центров нашей революции и снятием полков с фронта и походов на революционный Петроград, не считаясь с пролитием невинной крови, чему помогла буржуазия в Москве и многих других городах. Ну что же? Долго Вы будете нас обманывать, чего еще придумаете, однородное социалистическое министерство?

Наш лозунг «Вся власть Советам!» и коммунисты доверяют вам, работайте на благо все без исключения. Презрение всем, кто не хочет работать во имя свободы и справедливости, проклятие всем, кто хочет крови. И мы солдаты фронта грозно заявляем, настанет час справедливой мести всем мародерам и саботажникам.

1) Мы требуем немедленного демократического мира.

2) Мы требуем немедленного созыва Учредительного собрания, которое поддержим силой штыков.

3) Мы требуем немедленного проведения в жизнь созданных декретов и распоряжений Совета Народных Комиссаров.

4) Мы требуем установить строжайший контроль над производством.

5) Мы требуем немедленно снабдить фронт продуктами первой необходимости, также обмундированием.

6) Мы требуем снабдить фабричные районы продуктами деревни и деревню продуктами фабрично-заводского производства по твердым ценам.

Мы требуем признать власть С.Н.К., которые уполномочены 2-м Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов до созыва Учредительного собрания, и требуем от Советов Народных Комиссаров более решительных действий и не признающих революционную власть карать по всем строгостям революционного закона. Долой войну! Да здравствует международная революция! Да здравствует третий интернационал! Да здравствует власть рабочих, солдат и крестьян! Да здравствуют Советы Народных Комиссаров! Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

РГВИА. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 33.

Резолюция объединенного собрания полковых, бригадных, ротных, батарейных и командных комитетов 1-й гренадерской дивизии от 29 декабря 1917 года

Всесторонне обсудив текущий момент:

1) Полное отсутствие денег, продовольствия и фуража, не имеем своевременного подвоза, израсходован весь неприкосновенный запас, истощив реквизициями все местное население, части 1-й гренадерской дивизии поставлены в трагическое положение. За отсутствием фуража дивизия уже потеряла половину конного состава, и в самом непродолжительном времени совершенно останется без перевозочных средств.

2) Личный состав полков тает на глазах комитетов ежеминутно, в ротах осталось, в среднем по тридцать штыков, на орудия – по одному и по два прислуги. Все это – результат

продовольственной разрухи и преждевременного увольнения в трехмесячный отпуск опытных солдат. Особо сильное влияние на уменьшение личного состава оказала телеграмма, предупреждающая о возможности возобновления боевых действий на фронте. Раздетые, голодные, потерявшие надежду на скорое заключение мира, убитые тылом солдаты категорически отказываются от дальнейших боевых действий с Германией.

Принимая во внимание все вышеизложенное объединенное собрание постановило:

- а) Немедленно снабдить дивизию продовольствием, фуражом, обувью и одеждой.
- б) Немедленно заменить уставшие части 1 Гренадерской дивизии.
- в) Требуем осведомить нас через посылаемую делегацию об истинном ходе мирных переговоров.
- г) Оставаться на позиции в ожидании удовлетворения в вышеизложенных требованиях до 14 января 1918 года.

д) Для скорейшего осведомления высших организаций и осуществления требований, дабы фронт не остался открытым, избрать комиссию в составе 8 человек, которая немедленно отправится в Совет Народных Комиссаров и в город Москву в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Председатель редакционной комиссии Сезенов

Секретарь Суворов

ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 47. Л. 212–220.

Протокол общего собрания армейской мотоциклетной команды 10-й армии, состоявшегося в Минске 28 ноября 1917 года

Присутствовало 58 человек.

1) О текущем моменте – с докладом выступил Данилевский – председатель командного комитета. Он обрисовывает первые дни революции в Москве и Петрограде. Подчеркивает важность законов о земле, мире, суде и пр., изданных СНК. Коснувшись 2-го фронтового съезда, он оглашает принятые съездом резолюции и отмечает разницу в работах и составе 1-го и 2-го съездов.

2) Выборы в Совет Р и СД Минска – вследствие ухода из Совета рабочих и солдатских депутатов т. Слюсаренко в ЦИК и т. Данилевского в Исполнительный комитет Минского Совета постановлено избрать на место ушедших депутата и его заместителя – большинством голосов избраны в Совет Минска Зарембский, а его заместителем Смирнов Мих.

По вопросу о командном составе – общее собрание, поддерживая в основных чертах выработанные 2-м фронтовым съездом постановления о демократизации армии, и признавая, что для закрепления революции необходимо скорейшее проведение в жизнь постановлений съезда, высказывается 57 голосами при 1 воздержавшемся за выборное начало. Видя, вопреки постановлениям комитета, своевольные действия начальника команды поручика Воронцова-Вельяминова, высказывавшегося на собрании, что он по своему аристократическому происхождению не может быть демократом, и его помощника зав. мастерской прапорщика Дмитриева общее собрание постановило их сместить, а на их должности выдвигает следующих кандидатов: на должность начальника команды: Угаров, Лазарев, Данилевский; на должность помощника его: Лазарев и Сухонин.

При голосовании избран начальником команды Угаров (за 50, пр. 1, возд. 7), на должность его помощника Лазарев (за 49, пр. 1, возд. 8). Общее собрание постановило передать их на утверждение армейского комитета, а Угарову и Лазареву вступить на означенные должности.

Далее оглашаются поступившие письменные заявления:

1) Солдата 15 гренадерского Тифлисского полка Николая Храмцова с просьбой о принятии его в команду как слесаря, окончившего ремесленное училище в Тамбове. Обсудив заявление собрание постановило назначить Храмцову испытание при мастерской и если он выдержит его, то принять в команду в качестве специалиста слесаря...

2) Отношение временного ВРК с просьбой назначить двух мотоциклистов для службы в связи при комитете. Общее собрание признало необходимым удовлетворить, видя в этом органе высшую народную власть, которой необходимо оказывать всяческую поддержку. По выяснении желающих нести службу связи при ВРК, собрание не давая никому из них преимущества, постановило решить дело жеребьевкой. На должность мотоциклистов при комитете вытащили жребий Ярошенко и Степовой, что и утверждается общим собранием...

Из списка офицеров избранных на командные должности 26-й противосамолетной батареи и представленного на утверждение в ВРК 10-й армии видно, что на заседании батарейного комитета 26-й отдельной легкой батареи для стрельбы по воздушному флоту 3 декабря избраны:

1) Волоцкий Михаил Дмитриевич – капитан, командиром батареи, за его совместную работу с комитетом и за хорошее отношение к солдатам выдвигаем его командиром батареи.

2) Рудзит Карл Петрович – прапорщик, старшим офицером батареи, за его совместную с комитетом работу и за научные лекции, за хорошее отношение к солдатам батареи выдвигаем его старшим офицером батареи.

3) Негреев Иван Артемович – прапорщик, младший офицер батареи. «А прапорщика Негреева за несовместную работу с комитетом и за их дерзкое отношение к солдатам батареи, за их подстрекательство в дела политики комитет постановил разжаловать его в канониры и оставить при батарее для несения службы»⁴⁷⁵.

Председатель комитета Белов

Секретарь Тюнюков

РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 1. Л. 70–73

Именной указатель

Абдулов 232

Абросимов В. 224

Адриани фон 185

Айваз 116

Алексеев М. В. 22, 30, 37, 38, 40–42, 44, 45, 56, 57, 68, 69, 74, 76, 84, 85, 90, 107, 120

Альтен фон 187

Андреев 71

Андреев А. М. 6

Антоненко И. Н. 209

Антонов-Овсеенко В. А. 189

Анучин С. А. 168, 172

Афанасьев 180

⁴⁷⁵ Такие записи в отзыве батарейного комитета. – М. С.

Б ак 186

Балуев П. С. 157, 165, 178–180, 216, 231, 233

Башко П. К. 9, 11, 37

Безродный Ф. С. 8

Белановский 115

Белов 250

Бенккер 184

Берсон С. И. 187

Богданов И. А. 246

Бонч-Бруевич М. Д. 201

Брусилов А. А. 78, 95, 96, 215

Будчик 168

Буйвид 159

Буравченков А. А. 120

Бурыйшкин 244

В асильев И. 65

Вашнев А. А. 152, 184

Венгеров В. 232, 237

Вербо Р. 232, 235

Вержховский Д. В. 16, 24

Вильгельм II 234

Войерш 183, 184, 186

Володарский В. В. 169

Волоцкий М. Д. 250

Воробьев В. 183

Воронцов-Вельяминов 249

Воротников 65

Г апоненко Л. С. 5, 143, 185, 186

Герасимов 184

Гольденберг И. 52

Голуб П. А. 6, 121, 123

Горбатовский В. М. 38

Горбачев Б. С. 209

Гордон 184

Городецкий Е. Н. 6

Грецен 183

Гречкин Г. А. 6

Григорьев 242

Гудовиус 184

Гуревич Н. Е. 5

Гурко В. И. 61, 62, 69, 70, 112, 216

Гусев 152

Гучков А. И. 36, 41, 53, 56, 60, 74, 82, 90, 224, 240, 247

Д анилов Ю. Н. 3

Данилевский 249

Деникин А. И. 3, 12, 33, 51, 53, 57, 62, 81–83, 88, 90–93, 100, 106–108, 120, 124, 217

Диренок Е. Д. 6

Дмитриев 249

Дмитриев И. Г. 4, 46, 60, 65, 72

Довбор-Мусницкий И. Р. 142

Духонин Н. Н. 142, 168, 176

Жилин А. П. 80

Зарембский 249

Зауберцвейг фон 187

Захаркин Ф. Д. 65

Зиновьев Г. В. 209

Знаменский О. Н. 6

Иванов 65

Иванов Н. Я. 6

Ивашин В. Г. 6, 7, 187

Игнатенко И. М. 6, 7, 9–11, 19, 26, 93

Иорданский 236

Исаев 65

Каганович Л. М. 5

Каледин 149, 247

Калманович М. И. 157

Каменев 244

Каменская Н. В. 6

Каменщиков В. В. 52, 168, 169, 178, 179, 183

Камкин 166

Капшуков С. Г. 110

Карабан К. 244

Карепин 165

Каржов И. 227

Квасов Н. 60

Керенский А. Ф. 60, 76, 78, 91, 93–95, 100, 106–108, 127, 129–133, 141, 143, 146, 147, 228, 229, 234, 242, 244–247

Кизрин И. Г. 4

Киржниц А. 4

Кириллов 223

Киселев 172

Киселевский Н. М. 111

Китанина Т. М. 26

Кишкин 244

Клембовский В. Н. 107

Кленов 247

Кнорин В. Г. 4, 52, 65, 113, 143

Князев 151

Козырев Е. 243

Коман 184
Кондзеровский П. К. 13, 14
Конилов Х. В. 5
Конобеев Е. Н. 183
Коновалов 240
Копейкин С. 229, 230, 232, 233, 238
Корнилов Л. Г. 107, 124, 127–133, 140, 149, 213, 231, 235, 242–244, 247
Короложевич А. 53
Король А. С. 8, 10
Кравцов В. 225
Краснов П. Н. 147
Кривошеин Н. И. 46, 60, 72, 157
Кругликов П. С. 5
Крузенштерн 187
Круссер 52
Крыжановский Д. 232, 233
Крыленко Н. В. 178, 189, 202, 205
Крымов А. М. 34
Кузнецов 65
Кузьмина Т. Ф. 6
Кушин И. А. 48, 49, 52, 67, 223, 224

Лазарев 249, 250
Ландер К. И. 128, 157
Лацис М. И. 152
Лебедев А. 183
Лебедев П. П. 104, 119
Лебединский 165
Левин Е. 244
Лелевич Г. 4
Ленин В. И. 5, 15, 45, 50, 123, 130, 141, 170, 175–178, 189, 228
Леш Л. В. 59.
Липский 187
Лихолетов 73
Ломновский П. Н. 105, 218
Лукомский А. С. 12, 13, 21, 24, 25, 32
Лукьянов В. Ф. 187
Львов Г. Е. 36, 94, 95
Любимов И. Е. 65
Ляхов В. Ф. 16, 24

Макарченко П. 84
Мануилов А. А. 36
Марков С. Л. 101
Маркс К. 50
Мартынов Е. И. 3, 35
Мартынович 112

Меркер 187
Миллер В. И. 6, 92
Милюков П. Н. 3, 36, 131, 240, 247
Минц И. И. 6, 8, 34
Михайлов Д. П. 60, 226
Михайлов М. А. (Фрунзе М. В.) 60, 65, 72, 128
Мищенко 70
Могилевский С. Г. 46, 60, 72
Мореншильд 60
Мороз Е. 227
Морозов 168
Муравьев Н. 240
Мясников А. Ф. 4, 157, 167, 169, 170, 172, 192, 193, 196, 202, 203, 205, 206, 208, 217

Н агел 184
Негреев И. А. 250
Некрасов Н. В. 36
Немов 27
Немчинов 185
Нефедов И. 244
Нечаев 168, 180
Николай II 22, 24, 38, 215, 223, 231, 241, 244
Новиков 247
Новодворский 184
Новосильцев Л. Н. 120

Овечкин А. 240
Одишелидзе И. З. 60, 63, 110
Орджоникидзе Г. К. 169
Орлов В. Н. 16

Павлов 209, 247
Павловский 232
Парский Д. П. 111, 167, 180
Перцев В. 77
Петров Н. Г. 4, 187
Печалин Н. 244
Плеханов Г. В. 236
Плешков М. М. 70
Погодин 242
Позерн Б. П. 118
Поливанов А. А. 81, 86, 87, 89–91
Полянский Н. А. 128
Постников П. А. 165
Потапов В. И. 233
Протасов Л. Г. 6
Протопопов 240, 244

Пуришкевич В. М. 114

Пушницын 242

Пыжов А. М. 65, 77

Рабинович С. Е. 4

Радкевич 65

Рак С. 183

Рахманов 225

Рогозинский Н. В. 157

Родзянко М. В. 34, 240

Родичев Ф. И. 36

Рожков 112

Романов М. А. 38

Рудзит К. П. 250

Руднев 242

Рузский Н. В. 18, 41, 42, 107, 108

Роскошный А. Ф. 164, 165

Рыльский К. И. 206

Савинков Б. В. 107, 236

Савицкий Э. М. 34

Садчиков И. 244

Саладков И. И. 6

Сезенов 249

Селезнев В. С. 157

Селиванов П. А. 7

Семенов 225

Сиверс 17

Скиргайло-Яцевич 98

Скоробогатый В. В. 8

Славных 184

Слюсоре́нко 249

Смирнов В. В. 22, 39, 40

Смирнов М. 249

Смольянинов М. М. 7, 9, 47, 56, 69, 74, 97, 98, 102–105, 111, 116, 118, 121, 123, 126, 129, 133, 135, 137

Соколов И. М. 68

Соколов Н. Д. 60, 61

Сологуб Н. В. 205, 206

Сороколетов В. В. 118

Ставров 22

Сталин И. В. 5–7, 176

Станкевич В. Б. 142

Сташкевич Н. С. 8, 10

Степовой 250

Суворов 153, 158, 198, 249

Суряев В. Н. 17

Сухомлинов В. А. 25, 240
Сухонин 249

Тележкин И. К. 5
Терещенко 240
Тихменев Н. С. 187
Толстой П. М. 239
Травников 73
Троцкий Л. Д. 204
Туманов 236
Тюнюков 250

Угаров 249, 250
Урядников 242
Утевский И. 60
Ушаков 184

Филоненко Ф. Д. 46, 60, 71, 236
Фишгендлер А. 60
Фомин В. В. 4, 187
Фрейман В. Н. 157
Фролов 234
Фрумкин Б. 60

Хасин Г. 60
Хацкевич А. Ф. 8, 10
Хватов Н. 60
Хомутов М. С. 65, 165
Хохлов А. Г. 7
Храмцов Н. 250
Хрусталеv Н. В. 187

Цветков 242
Цихович Я. К. 125

Чаадаева О. Н. 27
Чердынцев 208
Черномазов 224
Чутков М. 168
Чхеидзе Н. С. 225

Шейнин 242
Шингарев А. И. 36
Школьников 187
Штюмер Б. В. 30, 240, 244
Шубин И. Ф. 209
Шурханов 224

Щепкин Н. Н. 46, 60, 71

Щербаков В. К. 4

Щукин С. Е. 187

Эверт А. Е. 24, 27, 29, 37, 40, 41, 56, 82

Эленбург цу 187

Энгельс Ф. 50

Эйхгорн фон 186, 187

Яковлев И. 77

Якупов Н. М. 6

Янушевский Г. Е. 56, 82

Янушкевич Н. О. 46, 60, 71

Яркин В. И. 187

Ярошевский 154

Ярошенко 250

Ячин А. В. 165

Географический указатель

Австро-Венгрия 12

Англия 12, 48

Барановичи, ст. Московско-Брестской ж. д. 18, 24, 32, 34, 183, 184

Беларусь 4–11, 14, 18–20, 26, 28, 32, 34, 36, 37, 42, 43, 45, 52, 65, 79, 90, 93, 113, 118, 119, 124, 128, 131, 133, 142–144, 152, 154, 157–159, 160, 162–165, 169, 170, 174, 178, 179, 183, 187, 198, 208, 209, 214

Белая, д. Ошмянского у. Виленской губ. 100

Бельгия 240

Березина, р. 19, 204

Берлин, г. 12

Бобруйск, г. Минской губ. 19, 20, 34, 37, 65, 204, 208

Борисов, г. Минской губ. 34, 37, 204

Брест (Брест-Литовск), г. 188, 209

Будслав, мест. Вилейского у. Виленской губ. 200

Быхов, Могилевской губ. 208

Быховский у. Могилевской губ. 227

Валище, д. Пинского у. Минской губ. 187

Василевичи, ст. Полесских ж. д. 225

Великие Луки, г. 68

Верден, г. (Франция) 22

Видзы, мест. Новоалександровского у. Ковенской губ. 187

Вилейка, г. Виленской губ. 42

Вильно (Вильнюс), г. 24

Витебск, г. 19, 34, 36, 118, 205, 208

Витебская губ. 14, 20, 26, 108

Вишневское, оз. 22, 226

Воронеж, г. 4, 6
Воронежская губ. 16
Восточная Пруссия 16, 18
Галиция 16, 18, 228
Ганцевичи, ст. Слуцкого у. 200
Германия 12, 203, 248
Гомель, г. Могилевской губ. 4, 19, 34, 36, 37, 65, 79, 195, 208
Горбачи, д. Новогрудского у. Минской губ. 184
Городея, ст. Слуцкого у. Минской губ. 20
Городок, г. Витебская губ. 37
Гродненский у. 19
Гродно, г. 219
Громыки, Гомельского у. Могилевской губ. 195
Дайнова, д. Минского у. 193
Двинск, Витебской губ. 18, 79
Докшицы, Борисовского у. Минской губ. 37
Дон, р. 175
Дорохи, д. Вилейского у. Виленской губ. 100
Дрисса, г. Витебской губ. 37
Дунай, р. 18, 207
Европа 50
Жлобин, г. Могилевской губ. 208
Жмеринка, ст. Юго-Западной ж. д. 34
Замирье, мест. Новогрудского у. Минской губ. 118, 200
Западная Беларусь 19
Западная Сибирь 16
Италия 12
Какуевичи, село Минской губ. 225
Калинковичи, ст. Полесских ж. д. 37
Калуга, г. 39, 40
Камень, мест. Минского у. 193
Киев, г. 120
Кобаны, д. Вилейского у. Виленской губ. 101
Ковали, д. Ошмянского у. Виленской губ. 100
Койданово, мест. Минской губ. 20, 118
Комаричи, дер. Быховского у. Могилевской губ. 227
Красное, мест. Вилейского у. Виленской губ. 73
Красный Берег, ст. Либаво-Роменской ж. д. 209
Крево, мест. Ошмянского у. Виленской губ. 234
Кременчуг, г. Полтавской губ. 34
Кривичи, мест. Вилейского у. Виленской губ. 42, 200
Крутчино-Байгорская вол. Усманского у. Тамбовской губ. 16
Кунава, д. Ошмянского у. Виленской губ. 185
Лепель, г. Витебской губ. 37
Литва 19
Ловша, ст. Вилейского у. Виленской губ. 200
Лунинец, ст. Полесских ж. д. 200

- Люща, ст. Полесских ж. д. 200
М альковичи, ст. Полесских ж. д. 200
Марьино, д. Гомельского у. Могилевской губ. 195
Минск, г. 4, 5, 7–9, 11, 12, 15, 17, 19, 28, 32, 34, 36, 47, 52, 65, 69, 79, 98, 113, 118, 119, 123, 128, 142, 143, 147, 150, 165, 168, 169, 187, 202, 204, 205, 208, 225, 232, 234, 247, 249
Минская губ. 5, 19, 20, 29, 225
Минский у. 28
Могилев, г. 24, 27, 34, 36, 37, 42, 68, 119, 120, 127, 131, 142, 168, 208
Могилевская губ. 28
Мозырь, г. Минской губ. 37
Молодечно, мест. Вилейского у. Виленской губ. 24, 37, 42, 100, 162, 232, 239
Москва, г. 28, 39, 143, 145, 234, 247, 249
Мстиславль 37
Н арочь, оз. 22, 184, 226
Начь, ст. Слуцкого у. 200
Невель, г. Витебской губ. 208
Неверишки, фольварк Ошмянского у. Виленской губ. 186
Негорелое, ст. Московско-Брестской ж. д. 200
Несвиж, г. Слуцкого у. Минской губ. 79, 159
Новое Место, д. Гомельского у. Могилевской губ. 195
Новогрудский у. Минской губ. 19
Новоселки, д. Ошмянского у. Виленской губ. 185
Орда, ст. Слуцкого у. 200
Орловская губ. 198
Орша, ст. Московско-Брестской ж. д. 4, 79, 208
Осиповичи, ст. Либаво-Роменской ж. д. 42
Осиповщина, ст. Новогрудского у. Минской губ. 200
Париж. г. (Франция) 23
Пасынки, мест. Вилейского у. Виленской губ. 184
Петроград (Питер), г. 25, 28, 34, 36, 39, 45, 47, 50, 53, 59, 67, 68, 90, 94, 113, 116, 117, 120, 121, 123, 127, 141–148, 152, 164, 165, 168, 177, 189, 201, 223, 224, 232, 235, 241, 247, 249
Петруши, мест. Вилейского у. 184
Пинск, г. Минской губ. 18
Погорельцы, ст. Московско-Брестской ж. д. 200
Поволжье 16
Полонечко, мест. Новогрудского у. Минской губ. 184
Полоцк, г. Витебской губ. 42, 68, 164, 180, 200, 204, 208, 227
Польша 18, 19, 240
Поставы, г. Виленской губ. 22
Припять, р. 187
Пруды, ст. Риго-Орловской ж. д. 198
Псков, г. 204
Псковская губ. 20
Раков, мест. Минского у. 118
Рассохи, мест. Вилейского у. Виленской губ. 184
Речица, г. Минской губ. 20, 37, 204, 209, 225
Рижский залив 18, 207

Рогачев, г. Могилевская губ. 34, 37, 208
Россия 6, 12, 14, 36, 38, 43, 45, 48, 50, 54, 63, 66, 67, 82, 94, 95–98, 100, 101, 109, 117, 132, 135, 143, 152, 188, 195, 198, 210, 241, 243, 245
Румыния 240
С е р б и я 240
Сеславино, ст. Вилейского у. Виленской губ. 200
Синявка, ст. Слуцкого у. 200
Сиротино, ст. Вилейского у. Виленской губ. 200
Скробово, д. Новогрудского у. Минской губ. 154
Слуцк, г. Минской губ. 37
Смоленск, г. 4, 204, 205, 208, 209
Смоленская губ. 20
Сморгонь, мест. Ошмянского у. Виленской губ. 18, 234
Солы, мест. Ошмянского у. Виленской губ. 186
Степной район 16
Столбцы, ст. Московско-Брестской ж. д. 20, 200
Стойновская вол. Минского у. 28
Сутьково, д. Ошмянского у. Виленской губ. 185
Тамбов, г. 209, 250
Тамбовская губ. 16
Телеханы, мест. Пинского у. Минской губ. 186
Толочин, мест. Оршанского у. Могилевской губ. 198
У р а л, р. 175
Уша, ст. Либаво-Роменской ж. д. 42
Франция 12, 48, 240
Хальч, Гомельского у. Могилевской губ. 195
Хвоево, разъезд Московско-Брестской ж. д. 200
Хмельники, им. Бобруйского у. 20
Ч е р н о г о р и я 240
Ш а н т и л ь и, (Франция) 21, 24
Э р т и л ь с к а я с т е п ь, им. Воронежской губ. 16

Список сокращений

вол. – волость
г. – город
губ. – губерния
д. – деревня
ж. д. – железная дорога
им. – имение
мест. – местечко
оз. – озеро
р. – река
ст. – станция
у. – уезд